U 255/195

У 255/195

ОПИСАНІЕ БОЕВОЙ ЖИЗНИ

4-го КАВКАЗСКАГО СТРѢЛКОВАГО БАТАЛІОНА

ВЪ МИНУВШУЮ ВОЙНУ 1877—1878-го ГОДОВЪ.

Составилъ того же баталіона штабсъ-капитанъ *Поповъ*.

ТИФЛИСЪ.

Печатано съ разрѣшенія Его Императорскаго Высочества, Главнокомандующаго Кавказскою Арміею, въ типографіи Штаба Кавказскаго военнаго округа.

1881.

Подъ редакціею артилеріи генералъ-маіора Чернявскаго.

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА

2007231729

ГЛАВА I.

4-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ и его прошлое.—Ожиданія войны и предварительныя приготовленія къ походу.—Мобилизація.—Комплектованіе и сопряженныя съ нимъ заботы.—Выступленіе въ походъ и прибытіе во Владикавказъ.—Стоянка.—Движеніе въ Тифлисъ.—Смотръ Главнокомандующаго и благоволеніе Его Императорскаго Высочества.—Дальнѣйшее слѣдованіе по желѣзной дорогѣ, прибытіе въ Озургеты и переходъ на гору Экадію.—Приказъ по арміи.

Можетъ случиться, что настоящее описаніе почему либо остановитъ вниманіе и не военнаго человѣка—читателя, литератора, историка или кого нибудь другаго въ этомъ родѣ.

Чтобы хоть немножко ознакомить его съ тѣмъ, что такое былъ 4-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ наканунѣ войны 1877-го 1878-го г.г. и не ввести въ сомнѣніе относительно возраста этой боевой единицы, необходимо, такъ сказать, скользнуть по пережитой прошлой его жизни. Подробности ея оставимъ на долю будущаго лѣтописца, для котораго онѣ будутъ предметомъ особой задачи имѣющей мало связи, хотя и много общаго, съ задачею настоящаго труда.

Формированіе 4-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона послѣдовало въ январѣ 1857-го года, одновременно съ формированіемъ нынѣшнихъ 2-го и 3-го. Условія, при которыхъ онъ возникъ, тѣже, что и упомянутыхъ двухъ.

Комплектованіе его произошло изъ лучшихъ людей 21-й пѣхотной дивизіи, номеръ которой онъ и принялъ въ то время. Что касается офицеровъ, то составъ ихъ сложился вступленіемъ въ ряды баталіона лицъ изъ разныхъ пѣхотныхъ частей, не исключая

немногихъ гвардейскихъ. Преобладающій же элементъ заключался въ лучшихъ старыхъ кавказскихъ офицерахъ гренадерской и 21-й пѣхотной дивизій.

Формированіе окончено въ маѣ мѣсяцѣ, и баталіонъ тотчасъ же выступилъ на боевое поприще. Послѣ нѣсколькихъ „окропленій", баталіонъ окончательно крестился въ дѣлѣ 5-го октября, при взятіи Буртуная, участвовалъ въ послѣдовательномъ рядѣ другихъ дѣлъ, а въ слѣдующемъ году, 13 ноября, уже ознаменовалъ себя штыковою работою при взятіи Делымскаго редута. За это отличіе онъ удостоился получить знамя.

Послѣдующіе два года, до окончательнаго покоренія восточнаго Кавказа включительно, баталіонъ воевалъ въ горахъ Дагестана и частью лезгинской кордонной линіи; въ началѣ 1861 года выступилъ въ кубанскую область, принялъ въ числѣ прочихъ войскъ, одинъ изъ послѣднихъ вздоховъ этой окраины, затѣмъ возвратился въ свою штабъ-квартиру въ Темиръ-Ханъ-Шуру, принималъ участіе въ 1866-мъ году въ усмиреніи кайтаго-табасаранскаго округа, находился въ 1870-мъ году въ мангишлакскомъ отрядѣ и возвратившись оттуда въ іюлѣ мѣсяцѣ, вплоть до минувшей кампаніи предавался мирной жизни и мирнымъ занятіямъ.

Въ этомъ же году командиромъ баталіона былъ назначенъ подполковникъ Шиманскій, подъ начальствомъ котораго баталіонъ началъ подлежащую нынѣ нашему описанію боевую дѣятельность, въ періодъ 1877-го и 1878-го годовъ.

И такъ, 4-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ хотя и представляетъ собою юношу въ ряду другихъ старыхъ кавказскихъ частей, но юность его закрѣплена и закалена въ тѣхъ постоянныхъ подвигахъ, съ незначительнымъ перерывомъ въ шесть слишкомъ лѣтъ, которые доставили ему и славу, и извѣстность, и доброе имя въ кругу остальныхъ товарищей.

Безспорно, что къ началу минувшей войны въ средѣ нижнихъ чиновъ, очень мало или почти никого, нельзя было встрѣтить изъ числа тѣхъ, которыхъ видѣли въ свое время горы Кавказа; но за то далеко не перевелись еще руководители славы баталіона офицеры, и притомъ духъ прошлаго невидимо рѣялъ надъ знаменемъ,

добытымъ дорогою цѣною, всецѣло, хотя и тихо, до перваго случая живя въ каждомъ изъ солдатъ, передаваясь въ ихъ сердца отъ уже сошедшаго со сцены поколѣнія.

Таковъ былъ 4-й стрѣлковый баталіонъ при объявленіи войны.

Подозрительно посматривалъ каждый русскій человѣкъ на сгущавшіяся въ 1876-мъ году на востокѣ политическія тучи и осложнявшіяся тамъ обстоятельства, имѣвшія прямое отношеніе къ нашему участію въ дѣлахъ балканскихъ славянъ. Всѣ чего-то ждали, но никто не рѣшался произнести слово „война“. Между тѣмъ, слѣдовавшія одни за другими распоряженія нашего военнаго министерства и преимущественно одно изъ послѣднихъ—о заготовленіи въ возможно скоромъ времени запаса мундирной одежды и о снаряженіи по штату военнаго времени, такъ и тянули къ убѣжденію, что непремѣнно прійдется обновить старые боевые лавры. Странно было только одно, что несмотря на все это, со стороны интендантскаго вѣдомства не было окончательнаго фактическаго отвѣта на всѣ эти распоряженія, и нетолько не было его въ то время, но даже и позже—передъ самымъ выступленіемъ въ походъ. Послѣднее обстоятельство, по крайней мѣрѣ до минуты объявленія мобилизаціи, какъ бы мѣшало правильнымъ соображеніямъ, установившимся основательнымъ ожиданіямъ, т. е. другими словами, какъ бы сбивало съ толку. Мы думали и ждали, что немаловажные предметы нашего снаряженія—подсумки, ножны, котелки, шинельные ремни, которыхъ недоставало въ значительномъ количествѣ, вотъ-вотъ и явятся къ намъ съ однимъ изъ первыхъ транспортовъ. Не тутъ то было—мы уже и къ походу почти изготовились, а большой части всего этого не оказывалось. Естественно, что не ожидая снабженія отъ интендантства, баталіонъ позаботился нѣкоторые предметы изготовить своими средствами, но удовлетворить себя вполнѣ, конечно, былъ не въ состояніи. Такъ и выступилъ онъ въ походъ, когда пришло приказаніе, оставшись не удовлетвореннымъ какъ бы слѣдовало. Котелки и штыковыя ножны баталіонъ получилъ уже на маршѣ, причемъ по неимѣнію во время начальнаго движенія части котелковъ, ноженъ и подсумковъ новаго образца, нижніе чины несли часть своихъ патроновъ въ ранцахъ, а штыки привязывали ре-

мешками къ поясу. Безъ сомнѣнія, это не могло не отозваться нѣкоторымъ поврежденіемъ какъ оружія, такъ и снаряженія.

Наконецъ, послѣдовало Высочайшее повелѣніе о мобилизаціи нѣкоторыхъ войскъ кавказской арміи, въ томъ числѣ и 4-го стрѣлковаго баталіона, и тогда всякія сомнѣнія о предстоящей войнѣ исчезли (1).

По росписанію № 6, которое, конечно, мы имѣли въ виду заблаговременно, на укомплектованіе баталіона, до штата военнаго времени должны были прибыть 563 человѣка запасныхъ нижнихъ чиновъ, изъ самарской и саратовской губерній.

Въ ожиданіи ихъ, хозяйственная и канцелярская дѣятельность баталіона усилилась еще болѣе, а съ прибытіемъ 3-го декабря черезъ Владикавказъ первой партіи окончательно приняла лихорадочный характеръ. Каждый, отъ командира до послѣдняго мастероваго, сознавалъ, что нужно торопиться, и это было далеко не напрасно, такъ какъ приказаніе о заготовленіи получено было незадолго до мобилизаціи, а выступленіе въ походъ затѣмъ не заставило себя ждать.

Но за то и какая пестрота оказалась въ этихъ сотняхъ запасныхъ нижнихъ чиновъ! Тутъ были люди всякихъ командъ—и меньше всего изъ стрѣлковыхъ баталіоновъ. Послѣднихъ оказалось всего лишь 75 человѣкъ; остальные служили прежде то въ полкахъ кавказской арміи, то въ Туркестанѣ и линейныхъ баталіонахъ, и многіе изъ нихъ нетолько не умѣли обращаться съ нарѣзнымъ оружіемъ, но даже и никогда не держали его въ рукахъ, были и такіе, которые или видѣли его только издали, или вовсе не видали.

И всю эту массу неучей нужно было, сколь возможно поспѣшнѣе возвратить къ утраченной и уже забытой ими военной солдатской наукѣ, выучить тому, чего они никогда не знали, одѣть, обуть, снарядить, сплотить.

Нетолько командиры частей, которымъ пришлось испытать это передъ наступленіемъ минувшей кампаніи, но и каждый военный человѣкъ хорошо понимаетъ, какихъ это стоило трудовъ, усилій, безпокойствъ, передрягъ.

Но энергія полковника Шиманскаго и содѣйствіе его сослу-

живцевъ все преодолѣли и побѣдили.

Занятія съ запасными нижними чинами могли начаться едва только черезъ полмѣсяца по прибытіи первой партіи, за которою слѣдовали еще двѣ остальныя. Ни времени, ни труда не было пощажено на ихъ образованіе, и къ февралю мѣсяцу баталіонъ былъ сплоченъ, составилъ надлежащую, вполнѣ удовлетворительно и хорошо организованную, единую боевую силу.

Опытъ намъ доказалъ неразъ, что военныя способности солдата отлично укрѣпляются и развиваются во время походовъ, когда всѣ и каждый связаны другъ съ другомъ одною цѣлью, мыслью, положеніемъ, и въ данномъ случаѣ дальнѣйшія надежды возлагались на условія походной жизни, бывшей по видимому не за горами.

И въ первомъ и въ послѣднемъ обстоятельствахъ никто не ошибся: спустя три мѣсяца, баталіонъ въ лицѣ его новоприбывшихъ служакъ, способенъ уже былъ показать самому неопытному наблюдателю всю глубокую разницу между недавнимъ прошлымъ и настоящимъ, спустя же нѣсколько дней послѣ того, какъ онъ уже, такъ сказать, твердо стоялъ на ногахъ послѣдовалъ призывъ къ походу (2).

5-го февраля, въ пять часовъ утра, когда населеніе Шуры покоилось еще мирнымъ и безтревожнымъ сномъ, у церкви, на морозѣ въ нѣсколько градусовъ, стоялъ баталіонъ, готовый къ походу. Скромно и тихо, но, тѣмъ не менѣе, по обстоятельствамъ дѣла, вполнѣ торжественно возносились молитвы и священника, служившаго молебенъ предъ аналоемъ, поставленнымъ въ срединѣ покоя, въ который построенъ былъ баталіонъ, и тысячи слишкомъ человѣкъ, изъ среды которыхъ, время отъ времени, раздавалися сдержанные вздохи и едва слышныя краткія восклицанія, свидѣтельствовавшія о состояніи ихъ душъ. Особой эфектной обстановки не было; въ сторонѣ стояла лишь небольшая толпа простаго люда, провожавшая земляковъ, нѣкоторые—родственниковъ, а немногіе и своихъ дѣтей. Не обошлось, конечно, безъ слезъ и всхлипываній.

Молебенъ кончился. Вышелъ командиръ баталіона, поздоровался, поздравилъ, по обыкновенію, съ походомъ, произнесъ краткую рѣчь и пожелалъ счастливаго пути.

Справа по отдѣленіямъ!—и баталіонъ тронулся. Составъ его въ эти минуты былъ 1067 человѣкъ.

Хотя сердце далеко еще не освободилось отъ впечатлѣній, произведенныхъ только что ступевавшейся картиною, однако, по заведенному порядку, несмотря даже на сильный холодъ, хоръ пѣсенниковъ открывалъ шествіе. Пѣсни были веселыя, забористыя, и рѣзкіе пронзительные звуки горновъ, акомпанировавшіе имъ не въ тонъ и не въ ладъ, только портили все дѣло и мѣшали настроенію, готовому зародиться подъ вліяніемъ плясовыхъ мотивовъ.

А городъ все спалъ.

Черезъ полчаса баталіонъ, вытянувшись черною ниткою, двигался по шоссе, покрытому какъ бы бѣлою скатертью.

Повалилъ снѣгъ.

Съ перваго же перехода сказались на всѣхъ насъ, и на нашемъ хозяйствѣ въ частности, всѣ непріятности и невыгоды отъ поспѣшнаго снаряженія обоза.

Вновь пріобрѣтенныя, по указанію начальства, частью на мѣстѣ, а большою частью въ терской области, у гор. Кизляра, упряжныя лошади, на каждую изъ которыхъ съ приводомъ на мѣсто было асигновано сто рублей, или были молоды и невыѣзжены, или были весьма плохи. Возня съ ними началась съ первыхъ же верстъ пути, и приходилось назначать къ повозкѣ нѣсколько рабочихъ, чтобы охранять тяжести отъ всякихъ случайностей и на ходу выѣзжать этотъ четвероногій сбродъ. Къ довершенію бѣды, никуда негодныя повозки стараго образца скрипѣли, кряхтѣли, трещали и въ заключеніи ломались окончательно. Не проходило на пути до Владикавказа, ни одного дня, чтобы онъ не ознаменовался или раздробленіемъ колеса, или поломкою оси и т. п.

При всѣхъ этихъ условіяхъ обозъ отставалъ, останавливался и являлся на мѣсто лишь въ полночь, когда нечего было и думать о разбивкѣ лагеря. Такимъ образомъ, баталіонъ, въ теченіи первыхъ шести дней похода, не видѣлъ и въ глаза своихъ палатокъ—словомъ это первое испытаніе было ниспослано ему съ цѣлью сразу закалить его неналорванныя еще тягостями похода силы. Прійдя на мѣсто, люди должны были или зарываться отъ холода въ на-

возныя кучи, или разгребая снѣгъ, устраивать для себя логовища на холодной и сырой землѣ. Въ эту пору времени, при двадцати верстныхъ слишкомъ переходахъ, когда люди еще не втянулись въ такого рода жизнь, положеніе было весьма скверное. Но слава Богу, все обошлось безъ особенныхъ послѣдствій, благодаря, конечно, силѣ и здоровью, которыхъ, пока, въ запасѣ было достаточно. Только кончилось все тѣмъ, что значительную часть лошадей пришлось постепенно замѣнить новыми, такъ какъ надорванныхъ, подбитыхъ и негодныхъ къ движенію, съ каждымъ днемъ, все прибавлялось, да прибавлялось.

За эти первоначальныя, и столь неожиданныя, бѣды баталіонъ былъ вполнѣ вознагражденъ тѣмъ радушіемъ и гостепріимствомъ, которое оказано было ему въ Чиръ-Юртѣ и Хасавъ-Юртѣ дагестанцами и кабардинцами, имѣющими тамъ свои штабъ-квартиры. Тутъ всѣ отдохнули въ теплыхъ казармахъ, получили сытный обѣдъ, по чаркѣ водки, а офицеры были размѣщены по квартирамъ съ возможными удобствами. Такъ и повѣяло старымъ кавказскимъ куначествомъ, когда десятки лѣтъ всю армію соединяло одно дѣло, одна цѣль, для которой она существовала и къ которой шла вплотную. Это-то именно и есть одна сторона того прежняго духа, о которомъ сказано выше.

Послѣ двухсотъ восьмидесяти верстъ пути и четырнадцати дней марша, баталіонъ вступилъ 18 февраля во Владикавказъ.

Тутъ, телеграммою помощника начальника окружнаго штаба, онъ былъ пріостановленъ по приказанію Его Высочества, впредь до отправленія въ Тифлисъ остальныхъ баталіоновъ владикавказскаго полка и двухъ конно-иррегулярныхъ полковъ. Затѣмъ, онъ предназначался также къ движенію на Тифлисъ. Второе обстоятельство всѣхъ радовало потому, что предвидѣлось вступленіе въ составъ одного изъ дѣйствующихъ отрядовъ, а первое было важно въ томъ отношеніи, что дало намъ возможность оправиться и собраться съ новыми силами.

Все время стоянки во Владикавказѣ, съ 20 февраля по 1-е апрѣля было употреблено баталіономъ частью для караульной службы, для домашнихъ, ротныхъ и баталіонныхъ ученій, которыя, по-

неимѣнію времени, въ штабъ-квартирѣ не производились, а, частью для смотровъ командующаго стрѣлковою бригадою и на улучшенія по хозяйственной части. Къ одной изъ главныхъ сторонъ послѣдняго дѣла относилось устройство, по волѣ Главнокомандующаго, новыхъ фургоновъ, на желѣзныхъ осяхъ, нѣмецкой конструкціи, взамѣнъ тѣхъ, которые уже такъ надоѣли всѣмъ, своимъ неудобствомъ и неисправностями. Шесть такихъ фургоновъ, весьма легкихъ на ходу, были пріобрѣтены частью во Владикавказѣ, а частью въ Ставрополѣ, для чего былъ командированъ маіоръ Терещенко.

Вообще, во всѣхъ отношеніяхъ время проведено весьма полезно, и когда 31-го марта получено было предписаніе штаба войскъ терской области о выступленіи баталіона, то послѣдній былъ настолько благоустроенъ во всѣхъ отношеніяхъ, что не было и признаковъ того, что онъ такъ недавно сформировался изъ безусловныхъ почти неучей.

Въ предписаніи, о которомъ указано выше, приказано было выступать двумя эшелонами—4-го и 5-го апрѣля. Въ составъ перваго эшелона были назначены 1-я и 2-я роты и часть обоза, подъ командою капитана Полковникова, а въ составъ второго—3-я и 4-я роты съ остальною частью обоза, подъ командою маіора Терещенко. Командиръ баталіона слѣдовалъ при первомъ эшелонѣ. Такое распредѣленіе баталіона было сдѣлано въ виду тѣхъ трудностей, которыя предстояли при переходѣ черезъ перевалъ отъ Казбека до Млетъ, въ пору сильныхъ снѣжныхъ заносовъ.

Въ Коби была дневка. Отсюда въ пособіе нашему обозу было дано нѣсколько сотъ саней въ одну лошадь и на эти сани разложены были тяжести. Патронные ящики, въ свою очередь, также были облегчены на нѣсколько десятковъ тысячъ боевыхъ патроновъ, которые, въ числѣ 30 – 40 штукъ, роздали стрѣлкамъ на руки, вдобавокъ къ имѣвшимся уже у нихъ по положенію; наконецъ, для того чтобы облегчить и провіантскія фуры, роздали каждому по нѣсколько лишнихъ фунтовъ сухарей, такъ что, обвьюченные всѣмъ этимъ, стрѣлки очень походили на зуавовъ—какъ ихъ изображаютъ на лубочныхъ картинкахъ.

Обозъ подъ начальствомъ прапорщика Попова 2-го, двинулся

изъ Коби въ ночь предшествовавшую выступленію баталіона. Попову дана была особая инструкція. Чтобы избѣгнуть заваловъ, которые падаютъ большою частью днемъ, когда снѣгъ, отогрѣтый солнцемъ, валится съ обрывовъ громадными лавинами, обозу предназначено было двигаться ночью.

При всѣхъ принятыхъ предосторожностяхъ, переходъ черезъ перевалъ, совершился вполнѣ благополучно, если не брать во вниманіе нѣсколько изломавшихся осей и другихъ незначительныхъ затрудненій.

По всему пути до гор. Душета, на станціяхъ были поставлены ряды войлочныхъ кибитокъ съ подстилочною въ нихъ соломою, и люди размѣщались въ этихъ кибиткахъ тепло и удобно. Кромѣ того, на всемъ переходѣ отъ Владикавказа до Тифлиса, точно также какъ и изъ Шуры до Владикавказа, они довольствовались не сухарями, а печенымъ хлѣбомъ, который заготовлялся хлѣбопеками, высылавшимися впередъ съ прапорщикомъ Соловьевымъ.

По приказанію Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго арміею, въ Душетѣ, 12-го апрѣля, соединились оба эшелона и на другой день выступили въ Мцхетъ (*). Отсюда баталіону предписано было направиться въ полномъ составѣ въ ириѳнскій край, въ число войскъ тамъ расположенныхъ. По высланному изъ окружнаго штаба маршруту, онъ долженъ былъ слѣдовать отъ Мцхета до ст. Самтреди по поти-тифлисской желѣзной дорогѣ, а далѣе до Озургетъ обыкновеннымъ походнымъ порядкомъ. Отъ Душета до Мцхетъ и отъ Самтреди до Озургетъ, разрѣшено было брать, подъ свозъ тяжестей, по двадцати пяти обывательскихъ подводъ.

Командиръ баталіона, получивъ, согласно указанному распоряженію, отъ душетскаго воинскаго начальника предложеніе на перевозку баталіона со всѣми тяжестями по желѣзному пути, въ тоже время сообщилъ телеграммою, завѣдывающему передвиженіемъ войскъ по названной дорогѣ, свѣдѣніе о составѣ чиновъ, лошадей, обоза и о количествѣ тяжестей.

Посадка баталіона въ вагоны, должна была произойти въ день

(*) Предписаніе окружнаго штаба, 12-го апрѣля 1877-го года № 1481.

прибытія его на станцію Мцхетъ, т. е. 13-го числа вечеромъ.

Выступивъ въ два часа ночи, съ 12-го на 13-ое апрѣля, баталіонъ пройдя къ двумъ часамъ пополудни тридцать двѣ слишкомъ версты, прибылъ 13-го числа въ Мцхетъ, гдѣ и началась тотчасъ нагрузка обоза и тяжестей. Верстахъ въ трехъ отъ Мцхета насъ встрѣтили штабъ-капитанъ Левестамъ и поручикъ Волынскій, наши же офицеры, находившіеся въ командировкѣ, первый при тифлисскомъ юнкерскомъ училищѣ, второй въ учебной ротѣ. Отъ нихъ мы впервые узнали объ объявленіи войны, о переходѣ нашихъ войскъ чрезъ границу и объ удачныхъ нашихъ дѣйствіяхъ, послѣдствіемъ которыхъ было взятіе въ плѣнъ нѣсколькихъ десятковъ турецкихъ солдатъ и офицеровъ.

Между прочимъ, когда мы выступали изъ Душета, то получили предупрежденіе штаба кавказскаго военнаго округа о томъ, что Его Императорское Высочество, соизволитъ выѣхать изъ Тифлиса 13-го же числа въ Мцхетъ, для осмотра баталіона, причемъ ограничится лишь объѣздомъ частей его на мѣстахъ занятія чиновъ. По этой причинѣ никакихъ приготовленій къ смотру дѣлать было не велѣно, а предписывалось продолжать безостановочно всѣ распоряженія, къ скорѣйшей посадкѣ баталіона на желѣзную дорогу.

Съ неподдѣльнымъ восторгомъ всѣ встрѣтили Главнокомандующаго, когда въ шесть слишкомъ часовъ вечера Его Высочество изволилъ прибыть съ курьерскимъ поѣздомъ. Ставъ между рядами стрѣлковъ и объявивъ о предстоящей войнѣ, Государь Великій Князь поздравилъ насъ и пожелалъ съ честію и славою послужить Царю и родинѣ. Его Императорское Высочество, съ присущею всегда Его Особѣ благосклонностью, удостоивъ офицеровъ получасовою бесѣдою, изволилъ обратно направиться въ Тифлисъ. Неумолкаемое „ура“ долго сопровождало поѣздъ Августѣйшаго посѣтителя, и стрѣлки полверсты бѣжали по обѣимъ сторонамъ дороги. Поѣздъ двигался медленно, какъ бы для того чтобы не лишить счастія, быть можетъ, многимъ изъ насъ въ послѣдній разъ, вдоволь насмотрѣться на нашего Главнокомандующаго.

Наконецъ локомотивъ пронзительно свистнулъ. Чаще и чаще стали вылетать изъ трубы его клубы пара и дыма. Поѣздъ пошелъ быстрѣе. Великій Князь рукою выразилъ стрѣлкамъ прощальное привѣтствіе. Еще разъ пронеслось оглушительное „ура“, и долина Куры разносила эхо этого клика до тѣхъ поръ, пока поѣздъ совсѣмъ не изчезъ въ далекой синевѣ прирѣчнаго пространства.

Баталіонъ удостоился благодарности Его Высочества, которая милостиво была выражена въ нѣсколькихъ благосклонныхъ словахъ командиру и офицерамъ.

Баталіонъ раздѣленъ былъ на три очереди: первая съ обозомъ и лошадьми, вторая и третья съ людьми.

Послѣдній поѣздъ тронулся со станціи въ десять часовъ вечера.

Когда 14-го апрѣля, рано утромъ, мы прибыли на Михайловскую станцію, то получили телеграмму о томъ, что Великій Князь приказалъ выдать людямъ баталіона по чаркѣ водки.

Того же числа, въ шесть часовъ вечера, мы прибыли въ Самтреди. На этой станціи—къ слову сказать весьма плохой—къ нашему приходу слѣдовало произвести нѣкоторыя устройства и приспособленія для пріема раненыхъ и больныхъ чиновъ и для склада продуктовъ, предназначавшихся въ отрядъ, но сдѣлано было еще очень мало.

Баталіонъ, пообѣдавъ здѣсь, отдыхалъ до двѣнадцати часовъ дня. Между тѣмъ пошелъ крупный дождь. Офицеры, благодаря двумъ-тремъ духанамъ, единственнымъ помѣщеніямъ гдѣ можно было укрыться въ непогоду (конечно за плату), размѣстились кто какъ могъ. Вокругъ духановъ были группы людей, бросавшихся въ глаза пестротою національныхъ костюмовъ, тутъ же массы черводарскихъ лошадей, навьюченныхъ мѣшками съ сухарями, крупою и проч., готовившіяся выступить въ отрядъ. Энергическое понуканіе черводарами своихъ животныхъ, звонъ всевозможныхъ формъ и величинъ колокольчиковъ и бубенчиковъ (непремѣнная принадлежность черводарскаго транспорта), хриплые звуки шарманки, дикіе мотивы пѣсенъ нѣсколькихъ имеретинъ, снарядив-

шихся за наживой въ отрядъ, бравая пѣсня слегка кутнувшихъ какихъ-то солдатъ, хрюканье шмыгающихъ повсюду поросятъ, пронзительные свистки локомотива, смѣхъ, брань—все это, вмѣстѣ съ шумомъ усиливавшагося дождя, далеко не гармонировало съ тѣмъ восторженнымъ настроеніемъ, которое не оставляло насъ съ 12-го апрѣля.

Въ полдень раздались звуки рожковъ, и черезъ полчаса баталіонъ, а за нимъ и обозъ, шлепалъ по грязной дорогѣ черезъ лѣсъ, подъ неустаннымъ дождемъ. Еще за долго до заката солнца баталіонъ спустился въ глубокое ущелье р. Хевисъ-Цхале, къ селенію того же имени, и расположился на ночлегъ въ палаткахъ.

Деревня Хевисъ состоитъ изъ нѣсколькихъ духановъ, лавченокъ и почтовой станціи. Тутъ проходитъ пограничная черта между Гуріею и Имеретіею.

На другой день двинулись мы въ селеніе Нагомари. Очень трудънъ намъ показался этотъ двадцати-трехверстный слишкомъ переходъ по испорченному шоссе и подъ докучливымъ дождемъ, который въ это время года идетъ почти безъ перерыва по цѣлымъ недѣлямъ.

16-го апрѣля, рано утромъ, роты, пропустивъ впередъ обозъ, вступили на подъемъ горы, съ которой едва чернѣлись оставшіеся позади домики и духаны, пріютившіеся на берегу рѣки.

Дорога проходила тѣмъ же нескончаемымъ лѣсомъ, то поднимаясь, то спускаясь постоянными зигзагами. Тутъ довольно часто стали попадаться намъ транспорты, двигавшіеся въ отрядъ, съ различными предметами довольствія. Группы какихъ то жалкихъ, хотя подозрительныхъ людей, въ свою очередь направлялись туда, гдѣ уже въ тѣ минуты витала смерть, вырывая жертвы изъ рядовъ обѣихъ армій. Этимъ неимущимъ людямъ, увязавшимъ теперь въ грязи, предстояло послѣ кампаніи вернуться обезпеченными въ матеріальномъ отношеніи на счетъ того солдата, который, объ руку съ ними, шелъ за нихъ же на бой, не подозрѣвая, въ простотѣ сердечной, что ведетъ за собою шайку авантюристовъ, другими словами походныхъ маркитантовъ.

Встрѣчавшихся намъ собратовъ, проѣзжавшихъ изъ Озургетъ,

мы разспрашивали о положеніи дѣлъ въ отрядѣ. Отвѣты были утѣшительные: мы перешли Чолокъ, съ боя взяли позицію на Муха-Эстате и двинулись дальше.

Въ селеніи Нагомари, куда мы пришли почти въ сумерки, мы застали сотню мѣстныхъ дворянъ-милиціоперовъ, готовыхъ вмѣстѣ съ нами послужить Царю, съ оружіемъ въ рукахъ. Они направлялись въ Озургеты. Баталіонъ расположился на ночлегъ въ имѣвшихся здѣсь баракахъ. Вскорѣ провезли мимо лагеря раненаго на Муха-Эстате подполковника Мусхелова. Онъ сильно страдалъ отъ ухабистой дороги и, неприспособленнаго для перевозки больныхъ, экипажа. Съ нимъ не было никого, кромѣ прислуги. Тяжелое впечатлѣніе произвела на насъ эта первая печальная картина.

Въ ночь съ 16-го на 17-е апрѣля ротныя кухни наши были отправлены въ Озургеты, куда и баталіонъ вступилъ на слѣдующій же день. Стоянкою для него была назначена гора Экадія. Тамъ въ это время не было ни одной части войскъ, всѣ они были въ отрядѣ.

Пользуясь этой пріостановкой, мы пополнили истощившійся уже у насъ восьмидневный сухарный запасъ, исправили обувь и одежду, потерпѣвшія своего рода нѣкоторое крушеніе въ пути отъ Владикавказа до Гуріи, и отточили холодное оружіе, самая же служба наша проходила на аванпостахъ, которыми мы охватывали площадь Экадіи.

20-го апрѣля баталіону былъ прочитанъ приказъ Главнокомандующаго отъ 12-го апрѣля слѣдующаго содержанія:

«Войска кавказской арміи!

Державная воля Государя Императора призываетъ васъ нынѣ къ защитѣ оружіемъ чести и достоинства Нашего Отечества. За вами славное прошлое кавказскихъ войскъ; передъ вами поля и твердыни, обагренныя кровью вашихъ отцевъ и братіи. Впередъ, съ Богомъ, за родину и вашего Государя!» (3).

ГЛАВА II.

Зачисленіе въ составъ гурійскаго отряда.—Назначеніе этого отряда.—Движеніе и обманутыя надежды.—Положеніе дѣлъ въ Кобулетѣ.—Ожиданіе перваго боя и впечатлѣнія баталіона, выражающія его духъ и общее настроеніе.—Прибытіе на Муха-Эстате.—Участіе 29-го апрѣля при взятіи хуцубанскихъ высотъ.—Устройство позиціи.—Зачисленіе въ составъ кобулетскаго отряда.

Въ составъ войскъ приріонскаго края и гурійскаго отряда баталіонъ былъ зачисленъ съ 14-го апрѣля. Отрядъ этотъ, сформированный за нѣсколько дней до нашего прихода подъ командою флигель-адъютанта полковника Гурчина, имѣлъ назначеніемъ: обезпеченіе тыла войскъ, вступившихъ въ непріятельскую землю, охраненіе нагорной восточной границы Гуріи и противодѣйствіе высадкѣ съ моря—еслибы таковая случилась (*).

Этимъ назначеніемъ гурійскаго отряда опредѣлялась частью и наша собственная роль.

Уже на Экадіи, тотчасъ послѣ нашего прибытія туда, дошли до насъ слухи, что главныя силы останутся на муха-эстатской позиціи, и что рѣшено дальнѣйшее ихъ наступленіе. Первоначально мы считали эти слухи неимѣющими никакого основанія, потому что никто, кромѣ нѣсколькихъ лицъ, близкихъ къ командующему войсками, не могъ быть посвященъ въ его соображенія, между тѣмъ черезъ самое короткое время мы убѣдились, что свѣдѣніе, занесенное къ намъ какъ бы по вѣтру, было вполнѣ справедливо.

Наступленіе главныхъ силъ насъ занимало потому, что при этомъ условіи и баталіону, какъ мы думали, предстояло выйдти изъ своего выжидательнаго положенія и заявить себя въ первомъ же дѣлѣ—котораго всѣ ожидали съ такимъ нетерпѣніемъ. Большую надежду на это подавало еще и распоряженіе о томъ, чтобы баталіонъ во всякое время дня и ночи былъ готовъ къ немедленному выступленію. И дѣйствительно, трудно себѣ представить до какой степени вызвало въ баталіонѣ общую радость, когда въ пол-

(*) Приказъ по войскамъ приріонскаго края, 10-го апрѣля 1877-го года № 86.

ночь съ 21-го на 22-е апрѣля полковникъ Шиманскій получилъ отъ флигель-адъютанта полковника Гурчина записку слѣдующаго содержанія:

«Выступите немедленно со ввѣреннымъ вамъ 4-мъ стрѣлковымъ баталіономъ и четырьмя орудіями мѣстной батареи и слѣдуйте въ Николаевскъ на соединеніе съ двумя баталіонами александропольскаго полка. Въ случаѣ нападенія непріятеля, пріймите общее начальство».

Обстоятельства, которыя вызвали наше движеніе, заключались въ слѣдующемъ: по ту сторону р. Чолока неожиданно появилось много турецкихъ войскъ, которыя обнаружили нѣкоторыя попытки сдѣлать нападеніе на двѣ роты 76-го пѣхотнаго кубанскаго полка, разработывавшія дорогу между лельскимъ постомъ и р. Натанеби; кромѣ того, три турецкіе парохода явились въ виду Николаевска, и затѣмъ показалось многочисленное скопище турокъ около Какутъ съ цѣлью напасть на посты какутскій и нацховатскій. Этихъ причинъ было достаточно, чтобы во всѣ указанныя направленія двинуть разныя части войскъ, въ томъ числѣ и нашъ баталіонъ.

Ночь была баснословно темная; не взирая на это, баталіонъ по полученіи приказанія, мигомъ облетѣвшаго всѣ бараки, въ пять минутъ стоялъ готовымъ къ выступленію въ полномъ порядкѣ, совершивъ свое построеніе въ глубочайшей тишинѣ.

Чуть забрезжило—баталіонъ двинулся.

Да, выдался намъ этотъ денекъ—нечего сказать: сверху все сѣялъ и сѣялъ тотъ мелкій дождь, ни одна капля котораго не скатывалась съ одежды, а усердно пропитывая ее, достигала постепенно тѣла; знаменитыя всегда въ ріонскомъ краѣ своею непроходимостью во время непогоды дороги, пролегавшія на этотъ разъ лѣсомъ, представляли собою сплошное и непрерывное болото, на днѣ котораго нога ощущала размытые корни громадныхъ деревьевъ, скользила по нимъ, застрѣвая то тамъ, то сямъ; двѣнадцативершковыя голенища сапогъ не спасали отъ воды и грязи, которыя время отъ время вливались внутрь; лошади спотыкались на каждомъ шагу, грозя окунуть сѣдока въ болото, поверхность ко-

тораго изображала изъ себя медленно двигающуюся густую лаву; вездѣ сумрачно, свѣта нѣтъ, и лишь кое гдѣ мелькпетъ изъ густой чащи, обмытый дождемъ сверху донизу, гурійскій домикъ.

Измучившись, промокнувъ до костей, баталіонъ увидѣлъ, наконецъ, впереди поляну, раздѣлявшуюся небольшою рѣченкою на двѣ половины, на которой разбросаны были палатки и шалаши алѣксандропольскаго баталіона, состоявшаго подъ начальствомъ подполковника Быкова. Тутъ все было тихо, спокойно, и александропольцы безпечно отдыхали, лишь, время отъ времени, высылая команды охотниковъ для обзора мѣстности.

Наши боевые сотоварищи, между прочимъ, встрѣтили насъ любезно и гостепріимно.

Ночь и слѣдующее утро мы провели спокойно—хотя въ грязи и подъ дождемъ.

Вскорѣ прибылъ начальникъ гурійскаго отряда, объѣхавшій уже, между прочимъ, пункты, которымъ угрожало нападеніе непріятеля. Такъ какъ полковникъ Гурчинъ лично удостовѣрился, что этого нападенія не предстоитъ, то и приказалъ баталіону двинуться обратно.

Мы незамедлили выступленіемъ, и, при той же отвратительной обстановкѣ какъ и накапунѣ, въ тотъ же день возвратились на Экадію.

Нельзя скрыть, что общее настроеніе было очень непріятное, всѣ были раздражены, что прошлепали двое сутокъ и не видѣли ни одного турка.

24-го апрѣля, по распоряженію начальника отряда, первая рота, подъ командою своего командира капитана Полковникова, отправлена была въ прикрытіе черводарскаго транспорта изъ 160 лошадей, слѣдовавшаго на Муха-Эсгате съ запасомъ сухарей и овса. Соблюдая всѣ предосторожности, рота проводила транспортъ до лельскаго поста и въ тотъ же день благополучно возвратилась въ лагерь.

Наконецъ, насталъ день когда наши надежды на какое нибудь серьезное движеніе начали осуществляться. Тутъ стали разсѣиваться и всякія сомнѣнія въ рѣшительныхъ предпамѣреніяхъ

командующаго войсками.

Такъ какъ эти преднамѣренія и затѣмъ возможное приведеніе ихъ въ исполненіе были причиною нашего движенія, то, для связи и полноты разсказа, необходимо бросить на нихъ хотя бѣглый взглядъ.

Теперь, когда война давно кончилась и всѣ наши дѣянія переходятъ въ лѣтописи, не составляетъ тайны, что первоначальный планъ нашихъ военныхъ операцій въ приіюпскомъ краѣ заключался въ томъ, чтобы сколь можно быстрѣе атаковать турокъ, которые въ началѣ кампаніи сосредоточились на кинтришской полянѣ, впереди цихисдзирскаго мыса. Но вдругъ турки отступили, очистили все пространство къ сѣверу отъ р. Кинтриши, утвердились на цихисдзирскомъ мысѣ и приняли строго оборонительное положеніе. Эти неожиданности измѣнили и наши военныя соображенія, цѣлью которыхъ становилась съ этой минуты атака цихисдзирскихъ высотъ.

Этимъ объясняется наше движеніе на Муха-Эстате и взятіе съ боя этой позиціи. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ бой былъ только началомъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Но командующій войсками не торопился ими потому, что имѣлъ въ виду каждый шагъ занятой нашими войсками непріятельской земли сперва надежно упрочить за собою. Когда, вслѣдствіе такого рѣшенія, укрѣпленіе на Муха-Эстате было окончено, и мы въ тылу у себя были обезпечены крѣпкою и надежною позиціею, генералъ-лейтенантъ Октобжіо рѣшилъ сперва выслать авангарды на р. Кинтриши, такъ какъ по своему заключенію, только посредствомъ этого маневра возможно было опредѣленіе окончательнаго плана атаки укрѣпленнаго лагеря у Цихисдзири.

Передвиженіе на р. Кинтриши, какъ извѣстно, было блистательнымъ образомъ совершено 29-го апрѣля и ознаменовалось нашимъ славнымъ хуцубанскимъ боемъ.

По диспозиціи на означенное число должны были дѣйствовать двѣ колонны— генералъ-маіоровъ Деннбекова и Шелеметьева, начальнику же гурійскаго отряда было предписано выслать къ тому времени—пока лишь на всякій случай—на муха-эстатскую по-

зицію 3¾ баталіона, изъ войскъ расположенныхъ въ Гуріи. Въ числѣ этихъ войскъ было указано и на 4-й стрѣлковый баталіонъ.

Приказаніе было получено наканунѣ, 28-го апрѣля, утромъ.

День прошелъ въ разныхъ приготовленіяхъ: сдавали больныхъ, лишнее имущество, оружіе и къ вечеру, какъ говорится, управились; потомъ, поужинавъ и слегка отдохнувъ, въ два часа ночи баталіонъ выступилъ.

Къ сожалѣнію, мы лишены удовольствія описать предварительное горячее наше дѣло, при взятіи передовыхъ непріятельскихъ заваловъ, такъ какъ 4-й стрѣлковый баталіонъ въ немъ не участвовалъ, и слѣдовательно разсказъ объ немъ въ предлежащую задачу входить не можетъ. Оставляемъ его на долю прямыхъ участниковъ битвы и коснемся исключительно лишь того, что выпало баталіону.

Въ два часа пополуночи, какъ уже было сказано, баталіонъ выступилъ. Къ счастью на этотъ разъ переходъ былъ легче, потому что по крайней мѣрѣ не мочило сверху;—съ 25-го апрѣля, послѣ двѣнадцатидневнаго безпощаднаго сѣянія, неумолимый дождь прекратилъ, наконецъ, свой небесныя орошенія.

Мы двигались уже около пяти часовъ.

Вдругъ, около семи часовъ утра, мы неожиданно услышали глухіе раскаты выстрѣловъ, раздававшихся впереди насъ и нѣсколько лѣвѣе.

Трудно опредѣлить, то невольно рождающееся въ первый моментъ, чувство, когда человѣкъ, даже неразъ стоявшій подъ выстрѣлами непріятеля, но уже отвыкшій отъ нихъ, идетъ на бой —можетъ быть на вѣрную смерть. Вся натура какъ-то электризуется постепенно, и понемногу все забывается—и прошлое, и настоящее, и воображеніе исключительно наполняется боевыми фантастическими картинами, которыя могутъ на дѣлѣ и не случаться, сердце находится подъ давленіемъ лишняго оборота крови, нервы напрягаются, человѣкъ становится подвижнѣе, энергичнѣе.

Такъ было и съ нами. Всѣ безотчетно прибавили шагу, внимательно прислушиваясь къ этому, какъ бы призывному, глухому рокоту, поглощая съ жадностью тотъ воздухъ, который доносилъ его.

При такомъ настроеніи людей, стремящихся въ битву, побѣда противной стороны всегда сомнительна.

Наконецъ, черезъ часъ, мы уже ясно слышали ружейную трескотню, сливавшуюся время отъ времени въ дружные залпы.

Масса мыслей и догадокъ осаждали голову: чьи это залпы? кто будетъ побѣдителемъ? поспѣемъ ли мы вовремя, чтобы въ случаѣ нужды, поддержать своихъ товарищей?

Между тѣмъ, перекаты ружейнаго огня то стихали, то раздавались съ новою силою; орудійные же выстрѣлы становились чаще и, сообразно этой музыкѣ, баталіонъ двигался быстрѣе и быстрѣе.

Имѣя въ виду строго-историческое описаніе факта, я бы не остановился на этихъ впечатлѣніяхъ, если бы онѣ были мои личныя, но такъ какъ я замѣтилъ, что онѣ принадлежали всѣмъ вообще и каждому въ отдѣльности, что онѣ, по мѣрѣ нашего приближенія къ бою, связывали всѣхъ насъ въ одно неразрывное тѣло, вселяли въ насъ одну общую душу, то обойти ихъ молчаніемъ, значило бы уклониться отъ изображенія внутренняго состоянія всей части, того боеваго духа, который охватывалъ ее въ данный моментъ. Такое упущеніе было-бы пробѣломъ въ историческомъ разсказѣ.

Вотъ сквозь листья мелькнула свѣтлая вода. Это Чолокъ — наша граница съ Турціею. Переходя этотъ рубежъ, каждый изъ насъ въ душѣ своей осѣнилъ себя крестнымъ знаменемъ.

Сдѣлавъ получасовой привалъ, баталіонъ опять втянулся въ лѣсное дефиле. Дорога стала еще хуже: пни срубленныхъ деревьевъ, ихъ корни и самая ширина дороги страшно стѣсняли движеніе баталіона. Нужно было удивляться, при какихъ геройскихъ усиліяхъ людей и лошадей удалось провезти здѣсь четырехъ и девяти-фунтовыя орудія.

Въ самомъ узкомъ мѣстѣ мы встрѣтили транспортъ съ ранеными офицерами и нижними чинами, которыхъ перевозили по этой ужасной дорогѣ въ полковыхъ фургонахъ. Тутъ были люди всѣхъ родовъ оружія. Многіе шли пѣшкомъ. Ихъ страдальческія лица, бѣлыя повязки обагренныя кровью, все это порождало еще одно новое впечатлѣніе. Стрѣлки успѣли перекинуться двумя

тремя словами съ жертвами боя, они теперь просіяли и смотрѣли на раненыхъ съ тѣмъ чувствомъ, которое ясно выражало: мы за васъ отплатимъ.

На вопросы: какъ наши подвигаются, и какъ дерутся турки, одни отвѣчали, что наши двигаются впередъ, а турки подаются. другіе говорили, что нашихъ много уже легло, а впередъ не подвинулись. Кому вѣрить, и какъ относиться къ этимъ разсказамъ— мы не знали.

Судя по отчетливо долетавшимъ ружейнымъ и орудійнымъ выстрѣламъ, позиція казалась не въ далекомъ разстояніи. И дѣйствительно, скоро передъ нами открылась, сначала небольшая прогалина на которой находился сильный пикетъ для охраны тыла позиціи, а затѣмъ плоскость, поднимающаяся террасою, на которой стояли палатки отряда. Лагерь повидимому былъ пустъ. Остались одни караулы, да нѣкоторыя казачьи части. Было девять часовъ утра. Баталіоннаго адъютанта послали впередъ. Ему приказано было явиться къ начальнику штаба, доложить о прибытіи баталіона и получить дальнѣйшія приказанія.

Немалаго труда и времени стоило адъютанту разыскать полковника Казбека. Наконецъ онъ нашелъ его и командующаго войсками генералъ-лейтенанта Оклобжіо у батареи, дѣйствовавшей по непріятельской позиціи. Намъ приказано было пока остаться на первой террасѣ и отдыхать до особаго распоряженія и призыва.

Составивъ ружья, стрѣлки не упустили случая воспользоваться временемъ: моментально задымился подъ котелками огонекъ, варили чай, который выдавался имъ на руки вмѣстѣ съ сахаромъ. Нуждавшіеся же болѣе въ отдыхѣ, чѣмъ въ пищѣ, засыпали, растянувшись у ружейныхъ пирамидъ, при непрерывныхъ раскатахъ выстрѣловъ, раздававшихся впереди.

Спустя нѣкоторое время, орудійная канонада стихла.

Взамѣнъ ея затрещали съ новою силою ружейные выстрѣлы. Потомъ опять водворилась тишина. Но вдругъ, она прервана была по всей линіи оглушительнымъ „ура". Какъ львы, ринулись наши на непріятеля, засѣвшаго за завалами. Это рѣшило главный бой и пока побѣда осталась за нами.

Мы захватили только этотъ конецъ предварительнаго боя.

Съ занятіемъ непріятельскихъ завaловъ не окончилась задача дня: намъ необходимо было занять высоты впереди деревни Хуцубани. Такъ какъ войска, одержавшія первую побѣду, были уже въ огнѣ около девяти часовъ сряду, и утомленіе ихъ было видимое, то командующій войсками поручилъ начальнику штаба, полковнику Казбеку, осмотрѣть занятую позицію и сформировать колонну для дальнѣйшаго движенія.

Въ составъ этой колонны вошли, только что прибывшія изъ гурійскаго отряда части: 4-й стрѣлковый баталіонъ, одинъ баталіонъ 75-го севастопольскаго полка, по двѣ роты 163-го и 164-го пѣхотныхъ ленкоранскаго и закатальскаго полковъ и четыре сотни 1-й гурійской пѣшей дружины.

Прискакалъ офицеръ и передалъ приказаніе двинуться баталіону въ боевую линію, подъ начальство генералъ-маіора Денибекова. Намъ приказано было занять и очистить отъ непріятеля курганъ, названный впослѣдствіи денибековскимъ.

Предшествуемый командою охотниковъ 1-й гурійской дружины, баталіонъ двинулся по горной тропѣ, то поднимавшейся высоко вверхъ, то спускавшейся въ бездну между столѣтними каштанами, орѣхами, дубами, кленами и т. п. Ширина тропы позволяла идти только рядами. Съ нами пошли и двѣ роты (стрѣлковыя) севастопольскаго полка, подъ командою штабсъ-капитана Горшкова и поручика Мартынова. Ловкіе гурійцы карабкались все выше и выше. Нужно было видѣть, какъ они съ гибкостью и осторожностью ящерицъ, подбирающихся къ своей добычѣ, перескакивали съ одного мѣста на другое, перебѣгали отъ одного дерева къ другому, зорко слѣдя за впередилежащею мѣстностью, которая положительно поражала своею дикостью. Казалось, что тутъ нѣсколько десятковъ отчаянныхъ храбрецовъ, дѣйствительно, могли бы удержать цѣлые баталіоны.

Колонна двигалась при самыхъ неудобныхъ тактическихъ и гонографическихъ условіяхъ. Можно было ожидать каждую минуту предательскаго залпа—съ фланга или даже съ тыла.

Такъ подвигались мы полчаса, конечно, сохраняя крайне не-

обходимую при этомъ тишину и бдительность. По пути насъ догналъ начальникъ колонны генералъ-маіоръ Денибековъ, привѣтствовавшій баталіонъ еще раньше, внизу, у р. Ачкуа. Энергичная и симпатичная его наружность, добрые глаза, простота обращенія, умѣнье говорить съ солдатомъ, сразу располагали къ нему всѣхъ и каждаго. Теперь онъ предсталъ передъ стрѣлками на крѣпкой казачьей лошади, на немъ былъ обще-генеральскій сюртукъ совсѣмъ растегнутый, изъ подъ котораго виднѣлась красная рубашка; вся его характеристичная фигура и рѣчь, когда онъ говорилъ, бойко надѣтая фуражка, ловко перекинутая черезъ плечо черкесская шашка—все это было крайне типично. Впослѣдствіи солдаты называли его неиначе какъ ,,*генералъ ура*". Это слѣдуетъ отнести къ тому, что генерала Денибекова всегда видѣли впереди въ то время, когда войска бросались на ,,ура", и еще потому, что ему очень нравилось, когда войска привѣтствовали его тѣмъ же крикомъ.

Лежишь, бывало, себѣ въ палаткѣ—это уже послѣ 29-го апрѣля на денибековскомъ курганѣ, и слышишь вдругъ ,,ура", перекатывающееся съ одного края лагеря на другой. Ну, такъ и есть: значитъ идетъ ,,генералъ ура".

Въ особенности солдатамъ нравилось его приказаніе—не застегивать мундира при встрѣчѣ съ нимъ, а отдавать честь, какъ и въ чемъ попало.

Обогнавъ баталіонъ, онъ выѣхалъ на небольшой открытый курганъ. Здѣсь онъ слѣзъ съ копя и приказалъ двигаться дальше. Передъ нами была страшная чаща. Тамъ-то и былъ непріятель, засѣвшій въ нѣсколькихъ домахъ, которые не были намъ видны, сквозь гущу лѣса. Пользуясь небольшою площадкою, баталіонъ построилъ взводную колонну и имѣя роту въ цѣпи, двинулся къ пункту, указанному генераломъ. Тишина была такая, что слышалось гдѣ-то даже журчаніе сбѣгавшаго горнаго ручейка. И вотъ, среди этой заповѣдной тишины, вдругъ раздастся оглушительный залпъ, одинъ, другой... люди на мгновеніе остановились, но потомъ, какъ по командѣ, стремглавъ, съ своимъ ободряющимъ ,,ура", бросились впередъ, имѣя во главѣ своего командира полковника Шпанскаго.

Съ третьимъ залпомъ прекратилась вся попытка кобулетцевъ

и небольшой части регулярной турецкой пѣхоты удержать этотъ послѣдній ихъ опорный пунктъ по правую сторону р. Кинтриши. Все бѣжало.

Чтобы наказать болѣе вліятельныхъ кобулетцевъ, присоединившихся къ туркамъ, генералъ Деннбековъ приказалъ сжечь ихъ дома.

Вся мѣстность отъ Муха-Эстате до р. Кинтриши теперь была въ нашихъ рукахъ. Занятіе высотъ передъ д. Хуцубани не стоило баталіону ни одного человѣка, потому что всѣ пули пошли по верхъ головъ.

Такъ былъ законченъ славный день 29-го апрѣля. Общая потеря войскъ въ продолженіи этого дѣла, между прочимъ была достаточно чувствительная и состояла: изъ 10-ти раненыхъ и контуженыхъ офицеровъ; 18-ти убитыхъ, 121-го раненыхъ и 19-ти контуженыхъ нижнихъ чиновъ.—У непріятеля, кромѣ убитаго Элинъбея и нѣсколькихъ почетныхъ старшинъ, было до двухсотъ убитыхъ и раненыхъ.

Баталіонъ, занявъ Хуцубань, на другой день приступилъ вмѣстѣ съ 2-мъ кавказскимъ сапернымъ баталіономъ къ очисткѣ кургана отъ лѣса, насколько это было необходимо; кромѣ того, саперами былъ построенъ ложементъ съ брустверомъ въ полтора фута высоты. По окончаніи работъ, когда было срублено нѣсколько деревьевъ и масса ползучихъ и вьющихся растеній, открылся величавый видъ на Черное море и цихисдзирскія укрѣпленія, верки которыхъ желтѣли вдали, заманчиво и рельефно. Деннбековскій курганъ былъ крайнимъ пунктомъ, и войска, расположенныя на немъ, составляли авангардъ. Русская и турецкая позиціи раздѣлялись между собою небольшою долиною, на днѣ которой текла р. Кинтриши, имѣвшая значительную глубину и только мѣстами бродъ. Люди размѣстились въ построенныхъ ими наскоро шалашахъ, а офицеры—частью въ палаткахъ, частью тоже въ шалашахъ. Вскорѣ позиція совсѣмъ была устроена; въ тылу и по всѣмъ ея направленіямъ проведены сообщенія; тамъ гдѣ указала необходимость, сдѣланъ былъ эполементъ и къ первому мая на немъ стояли уже четыре горныя орудія.

Въ тотъ же день т. е. перваго мая, на деннбековскомъ кур-

ганѣ былъ отслуженъ благодарственный молебенъ, послѣ котораго произведена была торжественная раздача знаковъ отличія военнаго ордена. На молебнѣ были всѣ знамена частей, которыя тихо рѣяли на вѣтрѣ, усиливая эффектъ и безъ того прелестной картины.

Когда окончился молебенъ, командующій войсками обратился къ войскамъ съ нѣсколькими словами по поводу послѣдней побѣды и послѣдовавшей благодарности Государя Великаго Князя. При этомъ, тутъ въ первый разъ раздались звуки русскаго гимна, за которыми грянуло дружное „ура“ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ.

Такъ какъ крестовъ пока было немного, то генералъ Оклобжіо жаловалъ ими только знаменщиковъ; прочіе же, кто ихъ заслужилъ, получили знаки спустя нѣсколько дней.—За 29-е апрѣля стрѣлковый баталіонъ получилъ пять крестовъ и одну офицерскую награду.

Другая же награда была та, что приказомъ по войскамъ приріонскаго края баталіонъ включенъ въ составъ кобулетскаго отряда (⁴).

ГЛАВА III.

Назначеніе маіора князя Меликова командиромъ баталіона.—Взглядъ на положеніе дѣлъ, вызвавшее наши дальнѣйшія военныя дѣйствія.—Охотничьи команды.—Битва 16-го мая на высотахъ Зенити.—Наши потери.—Покорность части кобулетцевъ.—Дѣйствія противъ нихъ Османъ-паши Тавдгеридзе.—Битва 20-го и 21-го мая и пораженіе непріятеля.—Рекогносцировка новой позиціи.—Возвращеніе въ лагерь.

Съ 1-го мая нашъ кобулетскій отрядъ получилъ свой отдѣльный штабъ. Приказъ объ этомъ былъ привезенъ наканунѣ новымъ начальникомъ штаба войскъ приріонскаго края полковникомъ Краевичемъ. Съ этой минуты 4-й стрѣлковый баталіонъ упрочилъ свое существованіе въ составѣ этого отряда.

На другой день, 2-го мая вечеромъ, прибылъ въ отрядъ и новый командиръ баталіона маіоръ князь Меликовъ, доставившій

командующему войсками пятьдесятъ георгіевскихъ крестовъ, присланныхъ Главнокомандующимъ для раздачи за дѣло 29-го апрѣля.

Полковникъ Шиманскій былъ назначенъ командиромъ 77-го тенгинскаго пѣхотнаго полка.

Будучи командиромъ баталіона въ теченіи шести слишкомъ лѣтъ и, заслуживъ полное уваженіе и расположеніе и старшихъ и младшихъ, полковникъ Шиманскій со слезами оставилъ нашу семью, съ которою сдружился и какъ бы сродинлся. Прощаясь, онъ пожелалъ намъ георгіевское знамя, и видно въ добрый часъ было это искреннее желаніе, потому что оно впослѣдствіи осуществилось.

Тотчасъ по занятіи нами хуцубанскихъ высотъ начались работы по укрѣпленію позиціи въ особенности денибековскаго кургана и продолжались изо дня въ день, до десятаго мая, когда позиція была, наконецъ, вполнѣ устроена и обезпечена.

Если не считать нѣкоторыхъ отдѣльныхъ въ это время посягательствъ на насъ со стороны кобулетцевъ, то въ общемъ приходится сказать, что отрядъ находился въ вожделѣнномъ спокойствіи. Только съ 3-го на 4-ое число онъ былъ поднятъ на ноги, неожиданной и ужаснѣйшей канонадой. Тревога случилась почти въ полночь. Причиною ея было то, что турки въ темнотѣ приняли свой табунъ за наступающихъ русскихъ и открыли огонь со всѣхъ своихъ укрѣпленій; мы имъ не отвѣчали ни однимъ выстрѣломъ.

Командующій войсками, возложивъ четвертаго числа кресты на наиболѣе отличившихся и затѣмъ сдавъ начальство надъ кобулетскимъ отрядомъ генералъ-маіору Денибекову, выѣхалъ 6-го числа въ Озургеты, командованіе же нашею колонною (лѣвою) перешло отъ генерала Денибекова къ полковнику Гурчину.

Наконецъ, 9-го числа началось передвиженіе войскъ на хуцубанскія высоты окончившееся—между прочимъ вполнѣ благополучно—лишь къ шести часамъ вечера. При этомъ передвиженіи нѣсколько измѣнился и составъ колонны, хотя самое измѣненіе 4-го баталіона не коснулось И такъ, находясь все въ той же колоннѣ, онъ занималъ въ составѣ ея денибековскій курганъ. (*)

(*) Правая колонна, подъ начальствомъ генералъ-маіора Шелемегьева находилась на уалѣ дорогъ отъ Цихисдзири и Чурукъ-су къ Муха-Эстате, ре-

Теперь необходимо остановиться на положеніи нашихъ мѣстныхъ политическихъ дѣлъ, того періода, такъ какъ иначе, непосредственно слѣдовавшее за взятіемъ Хунзубанк дѣло, часть успѣха котораго въ значительной мѣрѣ принадлежитъ и 4-му стрѣлковому баталіону, не уяснитъ намъ повода къ нему и покажется иному, пожалуй, предпринятымъ ни съ того ни съ сего, тогда какъ, въ сущности, поводъ былъ очень важенъ.

Еще до перехода границы, командующій войсками былъ весьма озабоченъ отношеніями къ намъ кобулетцевъ, а когда турки, вмѣсто того чтобы принять бой, отступили въ числѣ до 15-ти тыс. и приняли строго оборонительное положеніе, а кобулетцы остались ихъ передовою силою, какъ бы авангардомъ, то заботы генерала Оклобжіо объ отношеніяхъ къ намъ этого населенія, еще болѣе увеличились. Командующій войсками опасался однако, чтобы въ Кобулетѣ не возгорѣлась для пользы турокъ народная война. Тогда наше движеніе впередъ было бы крайне затруднительно и могли бы повториться еще большія для насъ неудобства, чѣмъ тѣ которыя были въ кампанію 1853-го—1856-го г.г., когда въ приріонскомъ краѣ, кромѣ имеретинъ и горсти всѣхъ другихъ національностей, мы не имѣли за себя почти ни одного преданнаго намъ туземца.

Генералъ Оклобжіо имѣлъ сношенія съ кобулетцами еще до открытія войны, но, сохраняя достоинство и честь нашей политики, употреблялъ такія мѣры, при которыхъ кобулетцы сами начали въ насъ заискивать. Повидимому цѣль была достигнута, потому что почетные кобулетцы, являясь къ командующему войсками, заявляли, что никто изъ населенія не подниметъ оружія. Между тѣмъ на дѣлѣ оказалось совсѣмъ противное, и кобулетцы, руководимые своими предводителями братьями Тавдгеридзе, съ 13-го же апрѣля начали дѣйствовать противъ насъ. Въ этотъ день всѣ потери были нанесены намъ исключительно одними кобулетцами. Съ тѣхъ поръ и въ теченіи цѣлаго мѣсяца ничѣмъ нельзя было упять этотъ безпокойный и враждебный намъ народъ, который сидѣлъ у насъ

верстая же на берегу р. Ачкуа, гдѣ былъ и штабъ начальника отряда.
Авт.

на флангѣ и частью въ тылу, вооруженный поголовно скорострѣльнымъ оружіемъ, защищаемый и, по его мнѣнію, вполнѣ обезпеченный своими непроходимыми дебрями.

Въ особенности, слишкомъ безцеремонно стали они безпокоить насъ съ 5-го мая; пользуясь пересѣченною мѣстностью, они подкрадывались къ лагерю не только ночью, но и среди бѣлаго дня, дѣлали залпъ, или нѣсколько выстрѣловъ и скрывались, затѣмъ зорко стерегли всѣ наши сообщенія, такъ что приходилось вездѣ, гдѣ указывала необходимость, увеличить число пикетовъ.

Бывало сидишь за обѣдомъ, или за стаканомъ чая, и любуешься, какъ броненосцы безцѣльно и безвредно для насъ практикуются въ расходованіи своихъ снарядовъ, до насъ вовсе недолетавшихъ—вдругъ неизвѣстно откуда ружейный выстрѣлъ! Такимъ образомъ раненъ былъ у насъ одинъ стрѣлокъ 2-й роты и одинъ севастополецъ.

Всѣ эти обстоятельства побудили командующаго войсками образовать въ частяхъ особыя охотничьи команды, которыя, странствуя по окрестностямъ лагернаго расположенія, составляли такимъ порядкомъ для кобулетцевъ противодѣйствующую силу. Охотники первой гурійской дружины даже сдѣлали одинъ разъ весьма удачную засаду, которая кончилась тѣмъ, что въ нашихъ рукахъ остались два кобулетскихъ трупа.

Но такъ или иначе, а нужно было, наконецъ, силою оружія, унять это племя и генералъ Оклобжіо рѣшился приступить къ этому послѣднему шагу, такъ какъ терпѣніе его истощилось, и не было надежды на иной благополучный исходъ. Къ этому побуждало его еще и то обстоятельство, что жители ближайшей къ намъ деревни—Кобулетъ, въ силу его политическаго давленія, согласились, наконецъ, покориться, но съ тѣмъ, чтобы мы ихъ защищали отъ турокъ, которые, конечно, должны были искать случая наказать ихъ.

Генералъ Оклобжіо рѣшилъ двинуть внутрь страны нѣсколько колоннъ. Главная цѣль состояла въ томъ, чтобы отрѣзать сообщеніе кобулетцевъ отъ Цихисдзири, откуда они получали всѣ инструкціи, а также и съ деревнями, къ нему прилегающими, гдѣ жили Али и Османъ Тавдгеридзе.

Всѣ приготовленія были сдѣланы къ десятому маю, но вдругъ пошелъ сильнѣйшій дождь, который лилъ весь день и всю ночь.

Нечего дѣлать, пришлось на этотъ день отказаться отъ своего намѣренія.

Такъ протекло время до 16-го мая.

По диспозиціи на это число было назначено наступленіе, въ составѣ двухъ колоннъ, подъ общимъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника Гурчина (5). Правою колонною командовалъ подполковникъ Козелковъ, и при ней находился полковникъ Гурчинъ, а лѣвою — маіоръ князь Меликовъ. Тутъ же былъ и полковникъ Казбекъ.

4-й стрѣлковый баталіонъ находился въ составѣ лѣвой колонны.

Каждая колонна имѣла свою самостоятельную задачу: правая получила приказаніе переправиться на лѣвый берегъ р. Кинтриши и занять высоты Самеба, гдѣ проходило сообщеніе средне-кинтришской долины съ Цихисдзири, лѣвая же колонна должна была двинуться вверхъ по правому берегу Кинтриши, войти въ сношеніе съ жителями и разсѣять толпы непокорныхъ, собравшихся въ горахъ деревень Зенити и Ачквистави.

Оставляя въ сторонѣ дѣйствія правой колонны, которая, какъ извѣстно, разыграла свою роль словно заученный урокъ, обратимся къ лѣвой колоннѣ, гдѣ участвовалъ 4-й стрѣлковый баталіонъ.

Сперва, однако, вернемся на нѣсколько часовъ назадъ.

Тихая, теплая майская ночь безъ сна.

Полночь. На площадкѣ у развалинъ бывшаго храма, подъ деревяннымъ навѣсомъ, за такимъ же столомъ, сидѣла небольшая группа офицеровъ баталіона, освѣщаемая нѣсколькими горѣвшими свѣчами. Офицеры были уже совсѣмъ готовы къ выступленію, у каждаго черезъ плечо висѣла черкесская шашка — память Дагестана, и на правомъ боку револьверъ. На столѣ вицы были остатки закуски—походнаго ужина.

Въ часъ ночи, роты стали на указанномъ мѣстѣ въ боевую колонну и, выждавъ когда правая колонна стала спускаться къ р. Кинтриши, двинулись влѣво отъ нея, подъ прямымъ угломъ. Та-

кая небольшая колонна, состоявшая изъ 5-ти ротъ и 2-хъ сотенъ иррегулярной пѣхоты и 2-хъ горныхъ орудій, вслѣдствіе узкой дороги, потребовала времени болѣе получаса, чтобы вытянуться въ томъ порядкѣ, который быть предписанъ. Темнота ночи, осторожность которую необходимо было сохранять, немало замедляли движеніе. Впереди шли двѣ сотни гурійской дружины, отъ которыхъ былъ высланъ и авангардъ, за ними—баталіонъ, имѣя между 1-й и прочими тремя ротами два орудія, а за баталіономъ вьючный обозъ, прикрываемый ротою ленкоранскаго полка, часть которой была отдѣлена въ аррієргардъ. Колонна двигалась такъ тихо, что нельзя было и предположить, чтобы въ ней заключалось столько живыхъ существъ, да при томъ еще и орудія: ни одного звука. . . .

Намъ, которые шли по берегу рѣки, даже и не слышно было, какъ переправилась черезъ нее правая колонна. А между тѣмъ, она была уже на полпути къ роковому мѣсту. Черезъ нѣсколько минутъ въ тылу насъ, тамъ гдѣ поднималась колонна подполковника Козелкова, забѣгали огоньки, и въ ночномъ воздухѣ затрещали ружейные выстрѣлы и крики кобулетцевъ, которыхъ застали наши войска почти врасплохъ. Въ это время лѣвая колонна подошла безъ выстрѣла къ мечети деревни Кобулетъ и пріостановилась. Небо начинало сѣрѣть. Наступало утро.

Жители этой деревни вполнѣ сдержали данное ими слово, и, несмотря на выгодное свое положеніе, ни одинъ изъ нихъ не выстрѣлилъ въ насъ. Напротивъ многіе вышли къ намъ на встрѣчу даже съ привѣтствіемъ.

У кобулетской мечети, узкое ущелье Кинтрини нѣсколько расширяется и образуетъ котловину, схваченную съ сѣверной и западной стороны узкимъ гребнемъ, значительно господствующимъ надъ этою котловиною. У мечети былъ оставленъ резервъ изъ одной роты ленкоранскаго полка и одной сотни гурійской дружины, остальныя же части двинуты на ближайшій контрфорсъ, спускающійся впереди мечети. Тутъ съ высотъ, со стороны д. Зенити, сдѣлано было нѣсколько выстрѣловъ. Части войскъ построились въ боевой порядокъ. Гурійскія сотни поставлены были на правомъ флангѣ съ разсыпанною цѣпью и резервомъ изъ 3-й роты (капитана Кондра-

тьева), 4-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона, 1-я и 2-я (капитана Полковникова и штабсъ-капитана Видгантъ) образовали центръ и лѣвый флангъ съ разсыпанными впереди стрѣлками, 4-я рота была поставлена въ резервѣ за центромъ, два орудія заняли позицію на высотѣ склона главнаго хребта. Построившись такимъ образомъ, роты остались нѣкоторое время на мѣстѣ, чтобы лучше уяснить себѣ расположеніе непріятеля; цѣпь открыла рѣдкую стрѣльбу. Тогда уже по всѣму лѣсистому гребню Зеники замелькали дымки ружейныхъ непріятельскихъ выстрѣловъ Опредѣливъ протяженіе непріятельской позиціи, командиръ баталіона приказалъ подать сигналъ къ наступленію. Цѣпь, а за нею и резервы двинулись, перебѣгая отъ одного прикрытія къ другому, стараясь охватить лѣвый флангъ непріятельской позиціи. Артилерія открыла рѣдкій огонь, спачала обыкновенными, а потомъ, съ развитіемъ боя, картечными гранатами, направляя выстрѣлы на пункты, которые были заняты большею массою непріятеля.

Пѣхота, дойдя до непріятельской позиціи шаговъ на 600-700 и, занявъ отрогъ параллельный расположенію непріятеля, была остановлена.

Скатъ хребта, занятый непріятелемъ, былъ покрытъ высокимъ бурьяномъ, что, при большой крутизнѣ его, нетолько не могло служить прикрытіемъ атакующимъ, но представляло большія затрудненія при входѣ на вершину во время штурма.

Кобулетцы упорно держались, засѣвъ въ лѣсу. Огонь съ фронта, повидимому, мало наносилъ имъ вреда. Поэтому рѣшено было повести атаку. Но чтобы облегчить ее съ фронта, приказано было капитану Полковникову, съ первою ротою, взять непріятеля во флангъ. Въ виду же опасенія, что силы кобулетцевъ на ихъ правомъ флангѣ значительны, на подкрѣпленіе 1-й роты была послана 4-я рота (капитана Горскаго), при которой приказано было слѣдовать, состоявшему въ эти минуты въ распоряженіи князя Меликова, поручику лейбъ-гвардіи уланскаго полка Эскапъ-Хану Нахичеванскому, по дорогѣ скрытой отъ непріятеля. Движеніе это было совершено успѣшно.

4-я рота, соединившись съ 1-ю ротою, должна была, согла-

сно предварительному приказанію, сейчасъ-же двинуться впередъ, сбить непріятеля съ высотъ на правомъ флангѣ его позиціи и стать, такимъ образомъ, у него на флангѣ. Одновременно съ атакою 1-й и 4-й ротъ, лично руководимыхъ маіоромъ 4-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона Терещенко, бросились на „ура“ и двѣ сотни гурійской дружины, подъ перекрестнымъ огнемъ кобулетцевъ, съ высотъ Зенити и лѣваго берега р. Кинтриши. 2-я рота стрѣлковаго баталіона поддерживала атакующихъ своимъ огнемъ, а потомъ перешла въ наступленіе и 3-я рота баталіона. До атаки гурійцы занимали полосу между высотами Зенити и р. Кинтриши, предупреждая тѣмъ прорывъ непріятеля на лѣвый берегъ р. Кинтриши, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ онъ могъ-бы свободно пройти до высотъ Самеба и стать въ тылу колонны подполковника Козелкова.

Кобулетцы, охваченные столь быстро съ обоихъ флапговъ, очистили хребетъ Зенити и скрылись за слѣдующимъ, параллельнымъ. Тогда этотъ первый хребетъ былъ занятъ 1-ю и 4-ю ротами баталіона и двумя сотнями гурійской дружины, а вскорѣ подоспѣвшая 2-я рота стрѣлковъ заняла позицію противъ праваго фланга непріятеля, на которомъ, какъ показалъ послѣдовавшій бой, была сосредоточена большая часть непріятельскихъ силъ.

Вторая позиція кобулетцевъ была сильнѣе первой и на ней, повидимому, они рѣшились держаться до послѣдней возможности, что было легко имъ привести въ исполненіе подъ прикрытіемъ вѣковыхъ деревьевъ, за которыми могли стоять цѣлыя звенья, а главное вслѣдствіе того, что они вышли изъ сферы дѣйствій нашихъ картечныхъ гранатъ, удачно направляемыхъ изъ горныхъ орудій, которыя, вслѣдствіе мѣстныхъ условій, не могли быть введены на высоты Зенити, обстрѣливаемыя кобулетцами съ 300-тъ шаговъ.

Было около 11-ти часовъ утра. Перестрѣлка смолкла.

Сталъ накрапывать дождь, сначала мелкій, а потомъ, къ часу дня, обратившійся въ ливень.

Рѣшено было остановиться на взятой позиціи, въ ожиданіи дальнѣйшаго приказанія. Цѣпь была усилена. Ближайшія поддерж-

ки расположены лично маіоромъ Терещенко.

Не прошло и часа, какъ непріятель, получивъ подкрѣпленіе, открылъ съ новой своей позиціи сильный ружейный огонь, которымъ анфилировалъ вторую роту, бывшую на лѣвомъ флангѣ. За нею уступомъ стояла первая рота, имѣя небольшую цѣпь, загнутую подъ тупымъ угломъ назадъ.

Въ отвѣтъ непріятелю, обстрѣливавшему всю линію нашей позиціи, въ цѣпяхъ затрещала сильнѣйшая перестрѣлка.

Наибольшую массу непріятельскаго огня пришлось принять на себя 2-й и 4-й ротамъ, а въ особенности первой изъ нихъ, выдвинувшейся далеко впередъ всей линіи и упорно удерживавшей вершину, несмотря на жестокій огонь, направленный на этотъ пунктъ съ противной стороны.

Ливень становился все сильнѣе, туманъ садился все ниже, наконецъ, даже верхушки деревьевъ уже окунулись въ сѣрую влажную его массу.

Кобулетцы, не ограничиваясь перестрѣлкою, стали дѣлать попытки атаковать пунктъ, занятый 2-ю ротою. Тогда приказано было капитану Полковникову обойти съ ротою курганъ, занять небольшое плато съ нѣсколькими стоявшими на немъ домами и ударить непріятелю во флангъ.

1-я рота двинулась и быстро заняла дома, которые составили ей прикрытіе. Тамъ она залегла повзводно и открыла огонь. Стойкость кобулетцевъ поколебалась. Не выдержавъ перекрестнаго огня и не дождавшись второй атаки, они очистили и вторую позицію. Къ четыремъ часамъ пополудни затихли и послѣдніе выстрѣлы.

1-я, 2-я, 4-я роты и часть 3-й, а также двѣ сотни гурійцевъ пробыли въ огнѣ свыше десяти часовъ и половину этого времени подъ проливнымъ дождемъ.

Кобулетцы бѣжали въ горы; имущество ихъ осталось въ домахъ, такъ какъ они не допускали и мысли о томъ, чтобы русскіе могли проникнуть въ эти трущобы, гдѣ Зепити и Ачквистави считались неприступными, въ числѣ трехъ позицій во всемъ Кобулетѣ. Позиція, занятая 16-го мая колонною маіора князя

Меликова на высотахъ Зенити, имѣла очень важное значеніе. Это скоро сказалось на дѣлѣ, потому что жители горныхъ Кобулетъ, тотчасъ, начали толпами являться въ нашъ лагерь.

Овладѣніе этою позиціею, при ея важности, обошлось намъ сравнительно недорого. Общая потеря въ колоннѣ была: четыре убитыхъ и 26-ть раненыхъ; въ числѣ послѣднихъ былъ и Эскапъ-Ханъ Нахичеванскій. Вся потеря легла на 4-й стрѣлковый баталіонъ. Потери непріятеля неизвѣстны; говорили что отъ сорока, до шестидесяти человѣкъ (6).

Къ четыремъ часамъ подошелъ 2-й баталіонъ ленкоранскаго полка съ своею 2-ю стрѣлковою ротою, которые смѣнили стрѣлковъ и гурійцевъ, занявъ позицію вмѣстѣ съ 3-ю ротою нашего стрѣлковаго баталіона. Часть гурійцевъ стала по линіи праваго берега р. Кинтриши, отъ мечети до хребта.

1-я, 2-я и 4-я роты 4-го стрѣлковаго баталіона и 2-я стрѣлковая рота ленкоранскаго полка, съ двумя орудіями составили общій резервъ, расположившись бивуакомъ на отрогѣ, съ котораго была поведена первая атака. Когда роты отошли во вторую линію, то въ виду полнаго пораженія кобулетцевъ, а слѣдовательно и невозможности ночнаго съ ихъ стороны нападенія, разрѣшено было развести костры, чтобы согрѣться и осушиться.

Отрядъ стоялъ на занятыхъ позиціяхъ 17-го и часть 18-го чиселъ. Въ эти дни происходили переговоры съ тѣми кобулетцами, которые являлись къ намъ съ изъявленіемъ покорности, слагая въ тоже время свое оружіе.

Въ числѣ нашихъ трофеевъ 16-го мая былъ между прочимъ ящикъ съ патронами, отбитый ротами 4-го стрѣлковаго баталіона, гурійцами же взяты съ боя два ружья съ патроннымъ ящикомъ.

18-го мая вечеромъ, колонна возвратилась на хуцубанскія высоты.

Пройдя туда, мы были почти увѣрены, что при отсутствіи всякой предпріимчивости турецкихъ регулярныхъ войскъ, засѣвшихъ въ цихисдзирскихъ укрѣпленіяхъ, теперь насъ не будутъ безпокоить, болѣе или менѣе продолжительное время, и кобулетцы. Но вышло иначе. Хотя турки вполнѣ сознавали всю важность за-

нятаго нами пункта на лѣвомъ берегу р. Кинтриши, но всетаки не рѣшались помѣшать намъ укрѣпить оный, а сами занялись удлиненіемъ своей позиціи къ аджарскому хребту и постройкою новыхъ укрѣпленій.

Какъ турецкія войска, такъ и кобулетцы, аджарцы и прочія народности, входившія въ составъ батумскаго корпуса, были теперь вполнѣ лишены возможности предпринять противъ насъ наступательныя дѣйствія, если бы даже пожелали. Занятіе нами столь важныхъ пунктовъ, не давало имъ надежды даже и на слабый успѣхъ. Поэтому, турки теперь, болѣе чѣмъ когда либо, поставлены были въ необходимость держаться разъ предвзятаго оборонительнаго положенія, и, повидимому, отъ нечего дѣлать, развлекали себя разными празднествами, въ честь какихъ то своихъ, неизвѣстныхъ намъ, побѣдъ. Время отъ времени ихъ ликованія доносились до насъ теплымъ вѣтромъ майскихъ ночей, вмѣстѣ съ ароматомъ различныхъ и многочисленныхъ растеній.

Въ это время, когда турки праздно, и повидимому пріятно, убивали свои досужіе часы, часть непокорной еще намъ Кобулетъ дѣйствовала иначе. Видя, что сорвать свое сердце на насъ не удалось, они рѣшились наказать тѣхъ своихъ собратій верхняго Кобулета, которые изъявили намъ покорность.

19-го мая ружейная стрѣльба и клубы чернаго дыма, поднимавшагося въ нѣсколькихъ мѣстахъ изъ-за роскошныхъ группъ хвойныхъ и лиственныхъ деревъ, были первыми вѣстниками, что двѣ партіи кобулетцевъ сводятъ свои счеты.

На слѣдующій день было получено извѣщеніе, что Османъ-паша Тавдгеридзе атаковалъ верхній Кобулетъ, съ партіею въ триста человѣкъ.

Тотчасъ, подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника Гурчина, на поддержку и выручку покорныхъ намъ кобулетцевъ, была двинута колонна въ слѣдующемъ составѣ: 4-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ, три роты перваго баталіона ленкоранскаго полка, первая нѣшая гурійская дружина и взводъ 6-й батареи 41-й артилерійской бригады.

Выступивъ въ два часа пополудни, войска направились къ

деревнѣ Зенити и прибыли на высоты ея черезъ полтора часа. Тутъ они были встрѣчены сильнымъ огнемъ непріятеля. Немедленно были двинуты двѣ цѣпи: вправо отъ гурійской дружины и влѣво отъ стрѣлковаго баталіона. Непріятель былъ оттѣсненъ и занялъ противъ Зенити высоты чахатскихъ горъ, всетаки продолжая перестрѣливаться. Чтобы прогнать его и оттуда, за стрѣлками и гурійцами поднялись на зенитскія высоты и два орудія, подъ прикрытіемъ трехъ ротъ ленкоранцевъ, остававшихся до того времени въ резервѣ. Это подѣйствовало: Османъ паша, съ своею партіею, отступилъ совсѣмъ, и къ восьми часамъ вечера перестрѣлка прекратилась.

Партія Османъ-паши Тавдгеридзе состояла преимущественно изъ жителей деревни Ачквистави. Для наказанія были назначены три колонны: первая—флигель-адъютанта полковника Гурчина, въ прежнемъ составѣ, на котораго возложено было и общее начальствованіе остальными двумя; вторая подъ командою командира 1-й пѣшей грузинской дружины подполковника князя Чавчавадзе, и третья, сформированная изъ войскъ гурійскаго отряда, подъ командою капитана перваго ранга Корганова.

Съ разсвѣтомъ, 21-го числа, колонны начали наступленіе: первая отъ деревни Зенити, вторая съ бивуака на р. Ачкуа—вверхъ по этой рѣкѣ, и третья отъ какутскаго поста.

Въ колоннѣ полковника Гурчина, на правомъ флангѣ были гурійцы, на лѣвомъ—ленкоранцы, а въ центрѣ—стрѣлки, съ двумя орудіями.

Первый сильный огонь непріятеля направленъ былъ, въ самомъ началѣ движенія, противъ стрѣлковъ и гурійцевъ, Но тѣ и другіе бросились впередъ и атаковали высоты; тутъ же во время и молодецки поддержали ихъ ленкоранцы.

Непріятель былъ сбитъ, и позиція осталась за нами.

Она предоставляла собою для него хорошій пунктъ, съ которымъ онъ, повидимому, не хотѣлъ такъ скоро разстаться, и пока ее оставилъ окончательно, нѣсколько десятковъ храбрецовъ пытались держаться на флангѣ, за удобными прикрытіями, до послѣдней крайности.

Пользуясь находившеюся впереди ихъ небольшою эспланадою, они, время отъ времени, трещали цѣлыми залпами и уже вырвали нѣсколько жертвъ изъ рядовъ 2-й роты—взводъ которой, подъ командою прапорщика Попова 2-го, находился противъ ихъ позиціи.

Положеніе было невыгодное, тѣмъ болѣе, что на скорое подкрѣпленіе, вслѣдствіе крайне пересѣченной лѣсистой мѣстности, трудно было разсчитывать. Вслѣдствіе этого, прапорщикъ Поповъ, собравъ бывшихъ подъ рукою человѣкъ 30—40 стрѣлковъ, бросился во главѣ ихъ въ штыки, быстро перебѣжалъ эспланаду, гдѣ еще уложивъ одну жертву этой дружной и стремительной атаки, очистилъ позицію и заставилъ непріятеля бѣжать. У насъ остались его патроны и нѣсколько ружей (*).

Остальныя двѣ колонны исполнили свою задачу съ тѣмъ же успѣхомъ, какъ и предыдущія и результатомъ боя было совершенное пораженіе противника, отброшеннаго въ предѣлы Аджаріи.

Въ дѣлѣ 21-го мая, баталіонъ потерялъ: трехъ рядовыхъ убитыми, 1-го унтеръ-офицера и 8-мь рядовыхъ ранеными.

Въ ночь съ 22-го на 23-е мая, баталіонъ обратно возвратился въ лагерь на высоты Хуцубани.

На слѣдующую ночь 1-я и 2-я роты, подъ командою маіора Терещенко, произвели рекогносцировку западнаго отрога самебскихъ высотъ, которыя были заняты безъ выстрѣла. Тамъ роты оставались весь слѣдующій день, для наблюденія за непріятелемъ, и 25-го утромъ отступили въ лагерь.

(*) Впослѣдствіи прапорщикъ Поповъ награжденъ за это дѣло орденомъ св. Анны 4-й степени, съ надписью «за храбрость».

Авт.

ГЛАВА IV.

Работы.—Перемѣна позиціи.—Попытка непріятеля.—Постройка нашихъ батарей.—Необходимость рекогносцировки, назначенной на 11-е іюня, и цѣль ея.—День передъ битвой.—Линіи турецкихъ укрѣпленій.—Сильный бой 11-го и 12-го іюня.—Потери баталіона.—Отступленіе на Муха-Эстате.

Съ 25-го мая, войска авангарднаго лагеря приступили къ постройкѣ черезъ Кинтрини двухъ мостовъ на деревянныхъ устояхъ и къ проложенію дороги къ пунктамъ, гдѣ по ночамъ производились работы по насыпкѣ батарей и ложементовъ. 2-го іюня, т. е. къ времени, когда работы, вслѣдствіе условій мѣстности, могли быть замѣчены непріятелемъ, 4-й стрѣлковый баталіонъ, вмѣстѣ съ прочими частями войскъ, перешелъ съ праваго берега р. Кинтрини на лѣвый и расположилъ свой лагерь на противоположномъ непріятелю скатѣ горъ Столовой и Самеба.

Гребень между вершинами этихъ горъ былъ занятъ сильными сторожевыми частями, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ служили и прикрытіемъ для саперныхъ работъ.

На вершинахъ же—Самеба и Столовой, составлявшихъ фланги позиціи, расположились особые небольшіе отряды.

Мѣстоположеніе по обоимъ берегамъ р. Кинтрини, катившей стремглавъ свои свѣтлыя воды, было весьма живописное. Высоты Хунубани, съ Самеба и со Столовою горою, спускающіяся отлого къ рѣкѣ, образуютъ узкую цвѣтущую долину. На скатахъ горъ живописно пріютились чистенькіе домики, искусно построенные изъ дубоваго, каштановаго и нерѣдко орѣховаго дерева; ихъ красныя черепичныя крыши мелькаютъ черезъ каждые сорокъ—пятьдесятъ шаговъ, среди густой листвы клена, орѣха, дуба, гранатнаго и лимоннаго деревьевъ, пихты, лавра и множества другихъ разнообразныхъ породъ. Всѣ дома двухъ-этажные. Нижній этажъ служитъ для хозяйственныхъ нуждъ, а верхній составляетъ жилое помѣщеніе, раздѣленное на мужскую и женскую половины. Во всѣхъ этихъ домикахъ, въ стѣнахъ которыхъ, еще такъ недавно, раздавались звонкіе голоса дѣтей и, быть можетъ, пѣсни счастли-

вой матери, теперь царствовала мертвая, непріятная тишина; вездѣ было пусто. Ни одного живаго существа. Судя по нѣкоторымъ предметамъ меблировки и домашней утвари — оставшимся въ домахъ, легко было заключить, что большая часть обитателей ихъ жила нетолько безбѣдно, но частью и съ восточнымъ комфортомъ. Войскамъ было строго приказано не брать ничего изъ принадлежащаго жителямъ, не занимать эти дома и даже не входить въ нихъ.

2-го іюня была получена отъ начальника колонны флигель-адъютанта полковника Гурчина на имя командира баталіона маіора князя Меликова, записка слѣдующаго содержанія:

«По приказанію начальника кобулетскаго отряда, направьте двѣ роты 4-го стрѣлковаго баталіона, расположеннаго на правомъ флангѣ позиціи, на лѣвый флангъ. Отправленныя на подкрѣпленіе двѣ роты, по миновании въ нихъ надобности, должны быть возвращены на мѣсто бивуака баталіона, на р. Кинтриши».

«Сообщите о передвиженіи 2-хъ ротъ вашего баталіона подполковнику Козелкову».

Подкрѣпленіе это вызвано было попыткою турокъ отодвинуть правый флангъ (Столовая гора) нашей новой позиціи.

Отправлены были 3-я и 4-я роты (капитаны Кондратьевъ и Горскій) подъ командою маіора Терещенко. Роты возвратились на бивуакъ того же числа вечеромъ.

Незадолго до этого, въ Батумъ пріѣхалъ командующій турецкими войсками Дервишъ-паша, который повидимому рѣшился, наконецъ, дѣйствовать энергичнѣе своихъ предшественниковъ. Время отъ времени, онъ высылалъ свои арабистанскіе таборы безпокоить наши войска и мѣшать сапернымъ работамъ, преимущественно на правомъ флангѣ; турецкая артилерія почти каждый день бросала съ желтой батареи гранаты на нашу позицію, но всегда для насъ безвредно. Надъ лѣвымъ нашимъ флангомъ командовалъ кряжъ аджарскаго хребта, который, однако, намъ нельзя было занять вопервыхъ потому, что позиція наша была бы тогда очень растянута и не соотвѣтствовала бы силамъ кобулетскаго отряда, обязаннаго независимо своихъ наступательныхъ дѣйствій, оберегать

фланг и тыл операціонной линіи, а вовторых потому, что этот кряж представлял и мало выгод во всѣх отношеніях. Туда иногда забирались небольшія партіи кобулетцев и аджарцев, потѣшавшіяся стрѣльбой по бивуаку подполковника Козелкова на Самеба. Бывшія тамъ роты севастопольскаго полка, во*оруженныя ружьями Карля, не могли соперничать* съ винтовками *Пибоди, и потому при каждой* перестрѣлкѣ на Самеба сейчасъ *была отправляема* туда *какая нибудь* рота нашего баталіона.

Съ горы, гдѣ кобулетцы залегали для стрѣльбы по Самеба, часто и явственно долетали до насъ слова на чисто русскомъ языкѣ. Лежатъ, напримѣръ, стрѣлки, время отъ времени, посылая пули на гору, и вдругъ слышатъ: „эй, стрѣлки, довольно стрѣлять! Мы тоже не будемъ!“ Наши перестаютъ; прекращаютъ и тѣ стрѣльбу. Но разъ поплатившись за свои демонстраціи, кобулетцы и аджарцы оставили позицію Самеба въ покоѣ.

Штабъ отряда, расположенный на р. Ачкуа, находился въ пяти или шести верстахъ отъ отряда, занимавшаго съ 1-го іюня Муха-Эстате, высоты Хуцубани, Самеба и Столовой. Эта отдаленность имѣла свои неудобства. За приказаніями посылались въ штабъ поочереди адъютанты отъ частей. Иногда приказанія и даже пароль получались поздно и, переходя различныя инстанціи начальства, доходили до ротъ въ полночь, а часто и на разсвѣтѣ.

Въ теченіи 8-го, 9-го и 10-го іюня наши саперы построили на высотахъ нижней Самебы батареи, которыя были вооружены десятью орудіями, и въ это же время штабъ передвинулся на хуцубанскія высоты.

Турки были расположены въ укрѣпленномъ лагерѣ на высотахъ Квирика, Дагуа и Цихисдзири.

11-ое іюня, командующимъ войсками было назначено днемъ, для усиленной рекогносцировки. Цѣль ея состояла въ томъ, чтобы выяснить совокупность оборонительныхъ средствъ непріятеля и, посредствомъ этого, сдѣлать выборъ способовъ атаки, опредѣлить по возможности числительность турокъ и вооруженіе ихъ укрѣпленій по качеству и количеству орудій—о чемъ мы имѣли мало понятія, наконецъ, узнать мѣсто расположенія самихъ войскъ и отчасти

укрѣпленій, скрытыхъ въ густомъ лѣсу и среди сильно пересѣченной мѣстности, на которой намъ видны были лишь немногія батареи. Не было сомнѣнія, что на нашу долю выпадетъ наиболѣе трудная работа, по этому 9-го и 10-го числа намъ былъ данъ отдыхъ.

Послѣдній изъ этихъ дней былъ сѣренькій. Турецкія батареи, какъ бы предвидя свою близкую участь, уже нѣсколько часовъ бросали гранаты на Самеба и Столовую. Чрезъ каждыя четверть часа три-четыре снаряда разсѣкали воздухъ надъ головами войскъ и со свистомъ погружались въ свѣтлыя волны быстраго Кинтриши, на берегу котораго кое-гдѣ, подъ виноградникомъ, бѣлѣли рубахи солдатъ—рыболововъ. Богъ знаетъ откуда и какъ появились у нихъ удочки, которыя они, не обращая вниманіе на непріятельскіе снаряды, закидывали въ воду. Посмотришь бывало, на это спокойное лицо рыболова, хмурящееся только тогда, когда упавшее въ воду ядро разгоняло готовую наклюнуться рыбу—и грудь сожмется отъ чувства участія; сегодня ему такъ хорошо, весело, онъ будто вполнѣ живетъ, а завтра, пожалуй, и не досчитаешься ни его, ни тѣхъ другихъ, что безпечно окупаются въ заливѣ внѣ выстрѣловъ турецкихъ батарей.

Пользуясь свободнымъ временемъ, большая часть офицеровъ отправилась посмотрѣть наши вновь возведенныя батареи, а также и турецкія. Нѣкоторыя изъ послѣднихъ были отчетливо видны съ сѣдловины; даже фигуры часовыхъ были замѣтны на брустверахъ между вершинами Самеба и Столовой. Одного опытнаго взгляда было довольно, чтобы убѣдиться во всѣхъ выгодахъ турецкой позиціи.

Вотъ, прямо—желтая батарея, самая сильная, съ зіяющими амбразурами, лѣвѣе—батарея подъ дубомъ, энергично дѣйствовавшая въ послѣдующіе два дня; далѣе, на правомъ флангѣ, на полускатѣ аджарскаго хребта, небольшая батарея съ 11-ю—12-ю горными орудіями, вправо отъ желтой батареи, т. е. къ лѣвому флангу турецкихъ укрѣпленій, еще двѣ батареи. Среди всѣхъ этихъ батарей и соединявшихъ ихъ блиндированныхъ траншей желтѣетъ вторая линія укрѣпленій, а потомъ уже собственно цихисдзирскіе

верки, восходящіе нѣсколькими террасами— фронтомъ къ равнинѣ р. Кинтриши и Чолока. Кромѣ того у берега два броненосца, фрегатъ и два парохода, оберегавшіе мѣстечко нижніе Кобулеты (Чурукъ-су) и обстрѣливавшіе все пространство до нашего праваго фланга.

Мѣстность передъ этими грозно смотрѣвшими укрѣпленіями хотя и представляла подступы къ турецкой позиціи и закрытія для стрѣлковъ, по густота лѣса, покрывавшаго все пространство и напересѣчь извѣстныя туркамъ тропинки, по которымъ атакующимъ только и можно было идти, затѣмъ, множество глубокихъ овраговъ съ крутыми берегами и бѣгущими на днѣ ихъ быстрыми горными потоками, крайне могли затруднить наступленіе, удерживая атакующаго, болѣе или менѣе продолжительное время, подъ навѣсными выстрѣлами непріятеля, изъ блиндированныхъ траншей. Если къ этому присоединить сдѣланныя турками передъ укрѣпленіями эспланады, большое командованіе самой позиціи надъ лѣсистой котловиной, изрѣзанной глубокими оврагами, идущими вдоль и поперегъ съ множествомъ потоковъ, сильные и недоступные фланги, упирающіеся— правый въ лѣсистый отрогъ аджарскаго хребта, а лѣвый въ цихисдзирскія укрѣпленія, и наконецъ Черное море съ его быстроподвижными броненосцами, то явится убѣжденіе, что много усилій, много жертвъ и много средствъ нужно было для того, чтобы овладѣть этими позиціями. Ходили слухи, что гарнизонъ турецкихъ укрѣпленій значительно уменьшился, вслѣдствіе отправки нѣсколькихъ таборовъ въ Трапезондъ и къ Артвину, и что кромѣ того онъ ослабленъ сильною лихорадкою и другими болѣзнями. И только эти слухи возбуждали надежду на благополучный для насъ исходъ дѣла, еслибы усиленная рекогносцировка счастливо обратилась, почему-либо, въ прямую и рѣшительную атаку турецкихъ позицій.

По диспозиціи на 11-е іюня, войска были раздѣлены на двѣ колонны и резервъ.

Лѣвая колона, бывшая подъ начальствомъ полковника флигель-адъютанта Гурчина, должна была двинуться по направленію къ квирпскимъ батареямъ № № 2-го, 3-го и 4-го, а правая подъ начальствомъ генералъ-маіора Шелеметьева —демонстрировать по на-

БИБЛІОТЕКА имени В. И. ЛЕНИНА

правленію къ амбразурной батареѣ № 6-го и нижнему турецкому лагерю. Еслибы обстоятельства потребовали, то колонна генерала Шелеметьева должна была атаковать эту батарею.

За обѣими колонами былъ, подъ начальствомъ полковника Бучкіева, резервъ, обязанный прикрыть долину Киприши и нашу артилерійскую позицію, растянутую по хребту до двухъ съ половиною верстъ. При лѣвой колоннѣ находился генералъ-маіоръ Депибековъ, которому было поручено общее начальствованіе колоннами по ихъ соединеніи.

Ровно въ шесть часовъ утра, раздался нашъ первый выстрѣлъ изъ лѣвофланговаго орудія на Самеба—съ цѣлью обратить на себя вниманіе въ то время, когда центральныя и лѣвофланговыя батареи должны были демаскироваться, сваливаніемъ передъ ними деревьевъ.

Турки спачала какъ будто были озадачены и несразу открыли огонь; они ждали болѣе четверти часа, какъ бы приготовляясь и прицѣливаясь. Наконецъ, загрохотали ихъ орудія, и въ семь часовъ утра бой былъ въ разгарѣ.

Двадцать шесть девятифунтовыхъ орудій нашего центра обратили весь свой огонь на турецкія батареи №№ 2-го, 3-го и 4-го, въ особенности на послѣднюю (желтую). На нихъ оказалось десять орудій шестифунтоваго калибра. Черезъ полтора часа замолкла желтая, а за нею притихли и остальныя.

Батареи нашего праваго фланга на Столовой горѣ открыли огонь значительно позже центральныхъ, чтобы не обратить на себя вниманіе желтой батареи, которая била намъ во флангъ. На Столовой горѣ у насъ было восемь девятифунтовыхъ и восемь четырехфунтовыхъ орудій, противъ которыхъ турки открыли огонь съ своей батареи № 5-го, вооруженной двумя двадцатичетырехфунтовыми орудіями, и съ батареи № 6-го (амбразурной) вооруженной, сколько можно было судить, двумя двѣнадцатифунтовыми и четырьмя шестифунтовыми орудіями.

Вскорѣ противъ насъ разразился и броненосецъ, вооруженный четырьмя девятидюймовками.

Цихисдзирскія же батареи, вслѣдствіе большаго разстоянія, не

принимали участія, какъ бы, сберегая свои силы и средства на крайній случай.

Окрестность три часа ревѣла и стонала, отъ грома исключительно только одного артилерійскаго огня.

Турецкія батареи замѣтно ослабѣли и сократили канонаду.

Тогда, ровно въ девять часовъ, взвилась наша ракета, раздались звуки гимна—сигналъ для наступленія центра и лѣваго фланга, и мы двинулись.

Баталіонъ, перебѣгая поротно, быстро и повозможности скрытно, спустился съ позиціи и собрался у небольшаго оврага, на лѣвомъ берегу р. Кинтышъ, прорѣзывавшаго котловину между нашимъ и непріятельскимъ расположеніями (*). Артилерія все громила гранатами по траншеямъ турокъ.

Занятый гребень находился въ сферѣ дѣйствительнаго ружейнаго непріятельскаго выстрѣла. По гребню разсыпали стрѣлковъ 1-й роты. Правѣе 4-го баталіона былъ 1-й стрѣлковый имени Его Высочества баталіонъ, а лѣвѣе 1-й пластунскій баталіонъ, въ резервѣ—баталіонъ закатальскаго полка; въ боевой линіи находилась также рота 2-го сапернаго баталіона.

Хотя баталіоны, спускаясь съ высотъ по тропамъ, и имѣли проводниковъ—кобулетцевъ, указывавшихъ гдѣ и къ какому пункту пройти, но съ развитіемъ боя проводники эти незамѣтно юркнули въ кусты, и атакующія части предоставлены были собственному усмотрѣнію въ лѣсныхъ трущобахъ. Поэтому-то, баталіоны, которые шли въ атаку на разные пункты, скоро сгруппировались на очень тѣсныхъ интервалахъ, въ особенности, при переходѣ съ кряжа на лѣвомъ берегу Кинтыша къ послѣднему пункту, откуда потомъ бросились на штурмъ.

Слѣдствіемъ всего этого было то, что турки обратили огонь на одинъ пунктъ, гдѣ сбились въ кучу болѣе пяти баталіоновъ, попавшихъ, на послѣдней позиціи у турецкихъ батарей, подъ пе-

(*) Двѣ рѣки—Кинтриши и Кинтышъ, сходныя по названію, протекали: Кинтриши раздѣляя девибековскій курганъ отъ Столовой и Самеба, а Кинтышъ—Столовую и Самеба отъ турецкихъ позицій.

Авт.

рекрестный ихъ огонь. Потери были чувствительныя и напрасныя.

Занявъ первую позицую—гребень на лѣвомъ берегу Кишлыша, баталіоны остановились, чтобы ружейнымъ огнемъ ослабить противника.

На этой позиціи былъ сильно контуженъ командиръ 1-й роты капитанъ Полковниковъ.

Черезъ нѣкоторое время, баталіоны поротно стали бѣгомъ спускаться съ занимаемой позиціи, подъ прикрытіемъ оставленныхъ на гребнѣ стрѣлковъ, и, переправляясь черезъ множество глубокихъ враговъ и промоинъ, всходили на послѣдній гребень у самой желтой батареи.

При переходѣ съ перваго гребня на второй, ротамъ приходилось перебѣгать открытыя поляны, на которые турки направляли съ трехъ сторонъ ужасный огонь, изъ своихъ блиндированныхъ траншей, и тутъ-то были ранены: командиръ баталіона князь Меликовъ и поручикъ Поповъ. Мѣсто командира баталіона заступилъ маіоръ Терещенко.

Резервы отстали далеко, и частямъ, уже сильно пострадавшимъ въ первой линіи, готовымъ ринуться на турецкія укрѣпленія, пришлось подъ огнемъ дожидать ихъ.

Много убитыхъ и раненыхъ лежало въ лѣсу; немало также было заблудившихся, отставшихъ отъ своихъ ротъ и теперь пробиравшихся, шагъ за шагомъ, впередъ.

Почти всѣ баталіоны незамѣтно перемѣшались между собою; руководить въ такихъ трущобахъ даже и сомкнутыми частями не представлялось возможности.

При занятіи второго гребня стрѣлковою цѣпью, при которой должна была находиться саперная команда прапорщика Карпинскаго, пришлось самимъ стрѣлкамъ и выбивать турокъ изъ засѣкъ, и раскидывать столѣтнія деревья и массы колючекъ, подъ убійственнымъ огнемъ непріятеля.

Такъ, поручику Емануелю, прапорщику Попову и портупей-юнкеру Крючкову, наткнувшимся въ различныхъ пунктахъ на такія засѣки, стоило большихъ усилій очистить себѣ путь наступленія, не имѣя подъ рукою ни одного топора.

Попадавшіеся на пути домики, за которые становились люди, чтобы навремя перевести духъ, не могли уже служить на второмъ гребнѣ прикрытіемъ. Дубовыя стѣны ихъ насквозь пронизывались пулями пибодевскихъ винтовокъ.

Между атакующимъ и обороняющимся было отъ 150-ти—200-тъ шаговъ гладкой, но круто поднимающейся къ турецкимъ укрѣпленіямъ площадки. Ружейный огонь арабистанцевъ и египетскихъ баталіоновъ обратился въ непрерывный свинцовый дождь. Выждавъ немного подъ этимъ адскимъ огнемъ приближенія резервовъ, 1-й и 4-й стрѣлковые баталіоны бросились на „ура“. Залпы турокъ какъ будто удесятерились, это были пущены въ ходъ картечницы. Отъ дыма, застлавшаго площадку ничего не было видно. “Ура“ замокло; передовыя роты залегли въ ложементахъ, откуда были выбиты турецкіе застрѣльщики. Вотъ недалеко и до батареи. Ясно видны въ амбразуры черныя лица солдатъ египетскаго редифа. Но двигаться дальше нѣтъ силъ. Сзади путь устланъ трупами; многіе изъ нихъ пробиты 10-ью—15-ью пулями. Штурмующія части стали уже въ такое положеніе, что лѣвый флангъ подвергся обстрѣливанію съ тыла, такъ какъ линія турецкихъ укрѣпленій у желтой батареи имѣла входящій уголъ.

Правый флангъ колонны генералъ-маіора Шелеметьева не переходилъ еще въ наступленіе, а потому турки, стянувъ войска съ праваго и лѣваго своихъ фланговъ къ желтой батареѣ, просто заливали свинцомъ, сильно поредѣвшіе, наши баталіоны, колонны флигель-адъютанта полковника Гурчина. Вдругъ, въ воздухѣ еще разъ раздалось „ура“, нали еще многія жертвы—и всетаки напрасно. . . .

Сумерки быстро наступали.

Резервы наполовину заблудились въ лѣсу и тамъ остались.

Приказано не возобновлять штурма. Баталіонъ, расположившись на занятой позиціи, приступилъ къ уборкѣ убитыхъ и раненыхъ и возведенію ложементовъ поспѣшной профили, въ чемъ много помогли прибывшіе охотники 2-го сапернаго баталіона съ поручикомъ Лалошемъ.

Начальникъ колонны, собравъ командировъ частей, спросилъ

ихъ мнѣнія: находятъ-ли они возможнымъ сдѣлать ночное нападеніе на турецкія укрѣпленія, или-же полагаютъ остаться на занятой позиціи до прибытія подкрѣпленія. Большинство командировъ дало мнѣніе въ пользу послѣдняго соображенія, которое и было принято.

Ружейный огонь, хотя въ болѣе слабой степени, всетаки поддерживался, въ особенности турками, цѣлую ночь. Они повидимому ждали до разсвѣта новаго приступа.

Наши батареи, во все время бросая гранаты въ ложементы, съ разсвѣтомъ занялись опять желтою батареею, съ которой, накануѣ какъ оказалось, орудія были только свезены, а не подбиты, какъ объясняли себѣ мы. Теперь снова они открыли огонь по нашимъ батареямъ.

Забрезжило. Звѣзды стали быстро угасать.

Скоро и полный разсвѣтъ.

Наступать, не имѣя сильныхъ резервовъ—невозможно; отступать какъ-бы изъ подъ носа турокъ—трудно. Выстрѣлы снова затрещали.

Наконецъ около семи часовъ утра получено было приказаніе—отступать.

Рѣшено было отходить самыми небольшими частями. Прибѣгнули къ военной хитрости, на которую турки и поддались. Когда отступала большая часть колонны, а именно: 1-й кавказскій Его Высочества баталіонъ, 1-й пластунскій, дружина съ закатальцами и рота лейкорапцевъ, стрѣлкамъ нашего баталіона, находившимся въ цѣпи, велѣно было производить стрѣльбу рядами, съ промежутками въ 4—6 минутъ, и такъ до пяти разъ, чтобы дать время частямъ перейти на правый берегъ Кинтыша. Послѣ пятаго раза отступилъ и 4-й баталіонъ. Цѣпь же, оставивъ шапки на тѣхъ мѣстахъ гдѣ лежали звенья, должна была произвести черезъ десять минутъ послѣ пятаго раза послѣдній залпъ и бѣгомъ спуститься внизъ, держась дороги къ бревенчатому мосту на р. Кинтышъ, на правомъ берегу которой выставлена была рота 1-го стрѣлковаго Его Высочества баталіона, которая должна была принять отступающихъ, въ случаѣ надобности, подъ прикрытіе своего огня.

Съ цѣпью 4-го баталіона оставленъ былъ командиръ 4-й роты капитанъ Горскій, который благополучно и удачно исполнилъ послѣднюю задачу. Между прочимъ, отступая онъ не забывалъ подбирать многихъ раненыхъ, которые еще не были убраны 11-го іюня.

Когда уже баталіонъ поднимался къ своимъ батареямъ, тогда только турки спохватились. По всей линіи запищали ихъ сигнальные рожки. Затѣмъ, спустя нѣкоторое время, нѣсколько таборовъ, съ крикомъ „алла“, ринулись преслѣдовать уже ставшіе на своихъ старыхъ позиціяхъ баталіоны. Нѣсколько ротъ редифа пытались подойти къ нашимъ батареямъ, но были опрокинуты штыками 1-го стрѣлковаго Его Высочества баталіона и пятигорцами, а картечные выстрѣлы, почти въ упоръ, довершили ихъ рѣшительное пораженіе, послѣ котораго немногіе возвратились къ своей желтой батареѣ.

Такъ кончился бой 11-го и 12-го іюня, доказавшій намъ, что силы турокъ нетакъ слабы, какъ доносили намъ лазутчики, и что укрѣпленія ихъ далеко не имѣютъ слабой полевой профили. Выяснилось, наконецъ, что для дѣйствій противъ нихъ недостаточно нѣсколькихъ десятковъ гранатъ и пяти-шести баталіоновъ, а нужна сила болѣе солидная. Турецкія траншеи имѣли внутреннія рвы такой глубины, что люди, проѣзжавшіе по нимъ верхомъ на лошади, видны были только въ амбразуры, кромѣ того, онѣ были блиндированы на эспланадахъ и передъ наружными отлогостями брустверовъ разставлены проволочныя сѣти, волчьи ямы и другія преграды.

Потеря 4-го баталіона въ дѣлахъ 11-го и 12-го іюня заключалась: въ одномъ раненомъ штабъ-офицерѣ, одномъ оберъ-офицерѣ, трехъ убитыхъ унтеръ-офицерахъ и пятнадцати рядовыхъ; въ шестнадцати унтеръ-офицерахъ и девяноста рядовыхъ ранеными; контужены: одинъ оберъ-офицеръ, два унтеръ-офицера и восемь рядовыхъ, всего сто тридцать семь человѣкъ.

12-го, 13-го, 14-го и 15-го іюня баталіонъ стоялъ на той-же позиціи на лѣвомъ берегу р. Кинтриши; 16-го въ составѣ всего отряда перешелъ на Муха-Эстате, оставивъ позиціи на высотахъ по обѣ стороны р. Кинтриши.

ГЛАВА V.

Чувства и побужденія въ виду распоряженія объ отправленіи 4-го стрѣлковаго баталіона въ составъ дѣйствующаго корпуса.—Отдѣльные подвиги.—Приказъ по отряду.—Раненые и положеніе ихъ.—Прибытіе въ Ардаганъ и стоянка.—Городъ и крѣпость.—Поиски.—Движеніе противъ извѣстнаго у насъ до войны разбойника Меграли, начальствовавшаго значительною турецкою кавалеріею.—Обратное движеніе къ Папику.—Выступленіе въ раіонъ главныхъ силъ.—Рекогносцировка 6-го августа.—Передвиженіе и зачисленіе баталіона въ составъ главной передовой колонны.

Всѣмъ извѣстны затрудненія, которыя мы терпѣли, лѣтомъ въ 1877-мъ году, отъ недостатка у насъ войскъ въ главныхъ силахъ дѣйствующаго корпуса, къ раіону которыхъ слѣдуетъ причислить въ то время и два отряда—эриванскій и ардаганскій, хотя и дѣйствовавшіе вполнѣ самостоятельно.

Между тѣмъ, въ припіонскомъ краѣ, гдѣ, въ свою очередь, было не Богъ знаетъ сколько нашихъ силъ, положеніе наше уже опредѣлилось—о Цихисдзири пока нечего было и думать, къ непріятелю мы приблизились настолько, что онъ не смѣлъ и желать какихъ нибудь особыхъ попытокъ, а въ краѣ вообще все было въ порядкѣ, и населеніе вполнѣ намъ преданное, почти поголовно стояло у насъ подъ ружьемъ.

Все это вмѣстѣ взятое, а можетъ быть и другія, болѣе сложныя причины, намъ, конечно, неизвѣстныя, вызвали распоряженіе о выдѣленіи 4-го стрѣлковаго баталіона изъ состава войскъ кобулетскаго отряда и о направленіи его на усиленіе ардаганскаго отряда, дѣйствовавшаго впослѣдствіи со стороны Аджаріи, въ видахъ лучшаго достиженія и округленія той самой цѣли, которая легла въ основаніе операцій кобулетскаго отряда. Главныя же силы, отступивъ, въ то время, отъ Зивина и Карса къ Кюрюкъ-Дара и къ Баиъ-Кадыкляру, ожидали подкрѣпленій изъ Имеріи.

По странному и загадочному устройству человѣческой натуры, мы оставляли нашъ постъ въ припіонскомъ краѣ съ чувствами похожими на тѣ, которыя наполняютъ сердце уживнагося и обжившагося на мѣстѣ старожила. И очень понятно: здѣсь оставалась

пролитая нами кровь; здѣсь мы покидали своихъ, томившихся отъ ранъ и страданій, друзей и товарищей, сношенія съ которыми становились для насъ почти невозможными; здѣсь наша извѣстность, любовь къ намъ начальниковъ, съ которыми приходилось проститься, тогда какъ еще недавно и такъ быстро мы будто сроднились съ ними; здѣсь создалась наша новая слава и подвиги ее составившіе.

Какъ не пожалѣть, что все это остается у насъ за плечами, скрывается за нами и ежеминутно не будетъ вызывать въ насъ осязательнымъ и непосредственнымъ образомъ чувство той гордости, которая служитъ основаніемъ боеваго духа, силы и достоинства части.

Конечно, всего этого возможно и легко достигнуть и тамъ, въ новой средѣ, куда призываетъ насъ долгъ и честь; но *тамъ* это нужно начинать, а здѣсь мы уже „стяжали“ все то, что выпало намъ на долю и отъ насъ зависѣло.

Говоря о подвигахъ баталіона, нельзя умолчать о тѣхъ заслугахъ отдѣльныхъ личностей, о тѣхъ одиночныхъ геройскихъ проявленіяхъ, которыя, вмѣстѣ взятыя, составляютъ исторію баталіона, должны перейти въ назиданіе потомству и служить лучшимъ выраженіемъ общаго духа.

Такъ живо и ясно, какъ будто сейчасъ свершились, возстаютъ въ воображеніи нашемъ слѣдующіе подвиги, которые имѣютъ полное право воспользоваться лучшею страницею описанія: 11-го іюня, атаковавъ цихисдзирскія укрѣпленія и выбивъ турокъ съ лѣсистаго гребня, усѣяннаго ложементами, мы направлялись къ батареѣ. Нѣсколько стрѣлковъ, отдѣлившихся отъ своихъ товарищей, вслѣдствіе крайне пересѣченной мѣстности, неожиданно натыкаются на непріятельскую засѣку, изъ-за которой щедро, вполнѣ по турецки, посыпались пули. Стрѣлки остановились въ нерѣшимости;— въ эту минуту вольноопредѣляющійся Кириловъ, сообразивъ всю невыгоду и опасность положенія, быстро обратился къ остальнымъ съ словами:

—Братцы! если будемъ заниматься стрѣльбою—отстанемъ отъ своихъ. Кто молодецъ—за мною. И Кириловъ, сказавъ это,

первый бросился на засѣку. Турки моментально были выбиты и отставшіе примкнули къ своей ротѣ (7).

Тогда же, когда мы наступали къ желтой батареѣ, и когда буквально засыпали насъ свинцомъ и картечью, а народъ обильно валился направо и налѣво, мы, въ шагахъ трехстахъ отъ цѣли нашей атаки, наткнулись на палисадъ. Дальше идти некуда, а тутъ на бѣду турки припяли насъ во флангъ. Вдругъ, рядовые 2-й роты Харламовъ и Потаповъ (оба самарцы бузулукскаго уѣзда, села Жидиловки) выдѣлились изъ числа другихъ, легли на землю, поползли на животѣ и скрылись въ травѣ. Всѣ ждутъ, что-то будетъ. Видимъ, у самаго палисада оба храбреца поднялись и встали на ноги; потомъ попажали обстоятельно плечами плетень и вмѣстѣ съ нимъ грохнулись о земь. Проходъ былъ открытъ, рота крикнула „ура“! и рпнулась впередъ изъ чащи деревьевъ. Очень понятно, что этого удара турки не вынесли и бросились бѣжать. Между прочимъ, Потаповъ былъ тутъ же раненъ пулею въ ногу, его хотѣли положить на носилки чтобы отправить на перевязочный пунктъ, но онъ отослалъ впередъ и санитара, и носилки, сказавъ, что самъ дойдетъ, а впереди есть раненые и похуже его.

На другой день, въ то время, когда положеніе баталіона было весьма затруднительное и раненые, разбросанные подъ убійственнымъ огнемъ непріятеля, такъ сильно нуждались въ пособіи, фельдшеръ Кондратовичъ (уроженецъ гродненской губерніи, бѣльскаго уѣзда, деревни Дѣдки) не выходя изъ цѣпи, послѣдовательно, переходилъ съ одного фланга на другой и подъ градомъ выстрѣловъ подавалъ помощь своимъ товарищамъ. Два раза ему приходилось пополнять свой санитарный рапецъ перевязочными средствами (8).

Все это тѣ подвиги и тѣ единицы, которые могли быть усмотрѣны однимъ наблюдателемъ или участникомъ и, конечно, на одномъ какомъ нибудь пунктѣ. А сколько подобныхъ скрылось отъ глазъ и осталось въ безъизвѣстности!

Немудрено, что поля, лѣса и горы Кобулета такъ скоро стали дороги 4-му стрѣлковому баталіону, и что съ ними онъ раз-

ставался какъ съ собственностью, пріобрѣтенною честнымъ и дорогимъ трудомъ.

Насколько заслуги баталіона были извѣстны, какое именно звено онъ составлялъ въ общей цѣли войскъ приріонскаго края и какъ съ нимъ разставались другіе, можно судить по слѣдующему приказу генерала Деннбекова отъ 17-го іюня № 18: „Въ теченіи двухъ мѣсяцевъ со дня объявленія войны, вы войска кобулетскаго отряда, понесли трудъ достойный полнаго вниманія. Въ это время, не говоря объ ежедневныхъ перестрѣлкахъ съ кобулетцами, вы соорудили болѣе 70-ти верстъ прекрасныхъ колесныхъ дорогъ, разработанныхъ заново въ чрезвычайно пересѣченной и лѣсистой мѣстности, построили четыре укрѣпленныхъ позиціи, значительныхъ размѣровъ, совершили четыре блестящихъ горныхъ экспедиціи и имѣли три крупныхъ дѣла, въ числѣ которыхъ одно двухдневное сраженіе, гдѣ противъ васъ дѣйствовала большая часть батумскаго корпуса. Во всѣхъ этихъ дѣлахъ, несмотря на то, что мы не имѣли никакихъ крупныхъ трофеевъ, вы вели себя героями и оставались побѣдителями. Противникъ значительно превосходившій насъ числомъ войскъ, только одинъ разъ рискнулъ атаковать нашу позицію и, потерявъ нѣсколько сотенъ лучшихъ своихъ войскъ, снова заперся въ своемъ укрѣпленномъ цихисдзирскомъ лагерѣ.

Нынѣ, когда высшему начальству угодно, чтобы нѣсколько баталіоновъ и батарей изъ состава кобулетскаго отряда поспѣшили на другіе театры военныхъ дѣйствій, вы должны покинуть позиціи занятыя вашими геройскими усиліями и отойти нѣсколько назадъ, чтобы исполнить съ прежнимъ геройствомъ новую задачу, предназначенную намъ начальствомъ.

Прощаясь съ частями войскъ, исключаемыми изъ состава кобулетскаго отряда, я приношу какъ имъ, такъ и остающимся со мною генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ и нижнимъ чинамъ мое душевное спасибо, за ихъ честную и геройскую службу въ составѣ кобулетскаго отряда".

И такъ, мы выступили и прибыли въ Озургеты. Здѣсь, пользуясь дневкою, офицеры баталіона посѣтили военно-временные госпитали, переполненные ранеными, послѣ битвъ 11-го и 12-го

іюня, доставленными сюда съ передовыхъ перевязочныхъ пунктовъ. Среди раненыхъ много было и нашихъ стрѣлковъ, которымъ выдали деньги, собственно для нихъ собранныя офицерами. Нѣкоторые, изъ числа даже легко раненыхъ, очень скоро отдали Богу душу и не воспользовались подарками. Говорятъ, причиною была гангрена, утвердившаяся въ одномъ изъ госпиталей, расположенномъ при выѣздѣ изъ Озургеть въ Нагомари.

Здѣсь лежалъ уже съ отрѣзанною ногою раненый 11-го іюня поручикъ Поповъ, который, какъ говорили доктора и сестры милосердія, подавалъ мало надежды на выздоровленіе. Дѣйствительно онъ умеръ вскорѣ, когда баталіонъ былъ уже въ ардаганскомъ отрядѣ.

Командиръ баталіона князь Меликовъ и нижніе чины легко раненые отправлены были изъ Озургеть въ Сурамъ, въ лазаретъ московскаго общества краснаго креста, отличавшагося своимъ внимательнымъ и предупредительнымъ уходомъ за больными и ранеными.

Обратный походъ до желѣзно-дорожной станціи Михайлово, откуда баталіонъ двинулся обыкновеннымъ маршемъ черезъ мѣстечко Боржомъ на Ахалцыхъ, былъ совершенъ почти при тѣхъ-же неблагопріятныхъ условіяхъ погоды, какъ и первоначальное движеніе до Озургеть.

Нельзя умолчать о томъ радушномъ пріемѣ, который оказала стрѣлкамъ въ Михайлово небольшая колонія нѣмцевъ, проживающихъ тамъ и въ окрестности, при управленіи поти-тифлисской желѣзной дороги. Эти добродушные люди предложили офицерамъ кофе и пиво, а стрѣлкамъ бѣлый хлѣбъ и водку.

Въ Боржомъ баталіонъ вступилъ поздно, дождливою ночью 22-го іюня, и расположился лагеремъ на берегу р. Куры.

Утромъ, 23-го числа, кадровыми офицерами, стоявшей здѣсь лагеремъ кавказской учебной роты, былъ предложенъ своимъ товарищамъ завтракъ. Тотчасъ послѣ угощенія, мы двинулись по боржомскому ущелью на селеніе Ацхуръ, гдѣ назначенъ былъ ночлегъ, и 24-го іюня вступили въ Ахалцыхъ. Здѣсь командующій баталіономъ получилъ предписаніе начальника ардаганскаго отряда

о выступленіи 25-го числа въ дер. Дигуръ, въ Аджаріи, для присоединенія къ войскамъ этого отряда.

25-го іюня, баталіонъ направился по дорогѣ ведущей въ поселокъ Бодела, куда и прибылъ на ночлегъ, послѣ восьмичасового перехода по сквернѣйшему проселочному пути, вполнѣ непроходимому вслѣдствіе нѣсколько дневныхъ безпрерывныхъ дождей. Согласно предписанію начальника ардаганскаго отряда, нашъ колесный обозъ былъ направленъ чрезъ Ахалкалаки въ Ардаганъ. При насъ же былъ только четырехдневный запасъ сухарей, по одному патронному вьюку и по четыре палатки на роту. Съ обозомъ отправлены были и слабые.

26-го іюня, получено съ нарочнымъ новое предписаніе полковника Комарова о томъ, чтобы спѣшить въ Ардаганъ, а спустя нѣсколько часовъ другое—опять возвратиться въ Ахалцыхъ и, оттуда направиться форсированнымъ маршемъ въ Ардаганъ же, но чрезъ Ахалкалаки; наконецъ, послѣдовало окончательное приказаніе—слѣдовать въ Ардаганъ черезъ горы, съ присланнымъ проводникомъ.

Переваливъ черезъ горы, на вершинахъ которыхъ, гдѣ проходила дорога, лежалъ еще мѣстами снѣгъ, баталіонъ, 28-го іюня, спустившись въ долину Куры, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ форта ардаганскаго укрѣпленія—Рамазанъ-табія, вступилъ при наступившихъ сумеркахъ, въ городъ и расположился въ турецкихъ казармахъ, на правомъ берегу рѣки.

Мы стояли въ Ардаганѣ до 4-го іюля, неся караульные наряды и занимаясь починкою обуви и мундирной одежды. Первой у многихъ не было совсѣмъ. Такіе люди, при денежномъ пособіи изъ ротныхъ хозяйственныхъ суммъ, пріобрѣтали мѣстной выдѣлки кожу и шили поршни, хотя немного парушавшіе однообразіе въ обмундированіи, но зато очень удобныя. Даже тѣ, которые имѣли сапоги, съ удовольствіемъ пріобрѣтали себѣ поршни, а сапоги носили въ ранцахъ. Во взводахъ каждой роты было нѣсколько человѣкъ въ поршняхъ—по неимѣнію форменной обуви, износившейся далеко ранѣе установленнаго срока. Отпуска же товара не было. Впослѣдствіи Его Высочество разрѣшилъ отпускъ то-

вара невзачетъ. Да и съ товаромъ то было очень много хлопотъ. Постоянныя передвиженія, недостатокъ сапожниковъ, вслѣдствіе убыли убитыми и ранеными, положительно отнимали всякую возможность не только изготовлять новую обувь, но даже и старую исправлять. А поршни такъ легко исправлялись и даже приготовлялись новыя. Достаточно было дневки, чтобы, имѣя подъ рукою матеріалъ, приготовить ихъ какъ нельзя лучше.

Въ Ардаганѣ люди стали получать печеный хлѣбъ. Спокойная стоянка нѣсколькихъ дней уменьшила число заболѣвающихъ, несмотря на тѣсноту турецкихъ казармъ и отсутствія всякой дезинфекціи, равнымъ образомъ и на то, что городъ съ узкими улицами и площадями былъ переполненъ всякаго рода нечистотами и палыми животными. По всѣмъ вышеприведеннымъ признакамъ можно достаточно судить, что Ардаганъ—городъ очень скверный, какъ впрочемъ и всѣ почти турецкіе города; но тѣмъ неменѣе представляетъ важный стратегическій пунктъ въ долинѣ р. Куры, по которой идутъ двѣ дороги: одна чрезъ Артвинъ въ Батумъ, а другая черезъ Ольты въ Эрзерумъ. Оттого то здѣсь и построена была турками крѣпость, считавшаяся если не первоклассною, то по меньшей мѣрѣ весьма важною.

На лѣвомъ берегу Куры, почти въ центрѣ города стояли зубчатыя стѣны уцѣлевшей цитадели, внутри которой были турецкіе склады артилерійскаго, инженернаго и продовольственнаго отдѣловъ. То и другое, брошенное непріятелемъ, бѣжавшимъ при взятіи крѣпости, поступило въ распоряженіе ардаганскаго гарнизона.

Внѣшній видъ города, и безъ того крайне мрачнаго, еще болѣе наводилъ тоску отсутствіемъ жизни. Почти всѣ лавки были заперты; на улицахъ изрѣдка лишь можно было встрѣтить солдата, казака, или горожанина. Послѣдніе почти всѣ бѣжали въ мѣста, по ихъ мнѣнію, болѣе безопасныя; женщинъ и признака не было, оставшіяся въ городѣ вели замкнутую жизнь. Базаръ состоялъ изъ трехъ-пяти лавченокъ, открытыхъ нагрянувшими сюда изъ Ахалкалакъ и Ахалцыха, армянами купцами, безцеремонно запявшими по праву-ли войны, или по другой причинѣ чужія помѣщенія, въ томъ числѣ и одну кофейню, превратившуюся скоро въ офицерскій

ресторанъ. Тутъ же была лавченка какого то подозрительнаго и сомнительнаго итальянца съ сыномъ, очень загадочными путями попавшихъ еще до кампаніи сначала въ Батумъ, а потомъ въ Ардаганъ. Онъ очень выгодно сбывалъ намъ макароны, залежавшійся сыръ, муку, масло, чай, сахаръ и другіе продукты потребленія.

Въ Ардаганѣ былъ штабъ начальника отряда, управленіе краемъ, почтовое и телеграфное полевыя отдѣленія, военно-временной госпиталь и небольшіе склады различныхъ предметовъ довольствія и снаряженія войскъ. Полковникъ Комаровъ и штабъ его помѣщались въ большомъ двухъ-этажномъ домѣ, бывшаго коменданта крѣпости и начальника турецкихъ войскъ, котораго турки называли измѣнникомъ за то, что будто бы онъ сдалъ крѣпость русскимъ за деньги (?). Впослѣдствіи турки убѣдились, что русскіе не покупаютъ у непріятеля крѣпостей, а берутъ ихъ штурмомъ.

Вскорѣ по прибытіи въ Ардаганъ, мы получили телеграмму о смерти поручика Попова, оставленнаго въ Озургетахъ.

3-го іюля послѣдовало приказаніе передвинуться съ двумя горными орудіями къ селенію Алагезъ, для наблюденія за турецкою колонною, выступившею изъ г. Ольты.

Прійдя 4-го іюля къ Алагезу, роты заняли наблюдательные пункты, поддерживая связь и сообщеніе съ колонною нашихъ войскъ, находившейся вверхъ по р. Курѣ у большаго моста на дорогѣ изъ Ольты въ Ардаганъ.

Отсутствіе плана мѣстности того раіона, гдѣ оперировалъ баталіонъ, стѣсняло наши самостоятельныя дѣйствія, причемъ заставляло довѣряться какому то курду, данному колоннѣ въ качествѣ переводчика и знавшаго счетомъ два слова по русски: „давай монетъ“.

Когда же въ Ардаганъ былъ посланъ баталіонный адъютантъ къ начальнику отряда, съ докладомъ о необходимости другаго проводника, то полковникъ Комаровъ отвѣтилъ:

—„На что вамъ проводникъ? Вѣдь мы въ саратовской губерніи!... Да и гдѣ я его возьму!“

6-го числа мы подвинулись впередъ въ составѣ болѣе сильной колонны и заняли позицію у селенія Орданыкъ, подъ начальствомъ

полковника Комарова.

7-го, раздѣлившись на двѣ колонны, перешли къ деревнѣ Текошъ, для наблюденія и рекогносцировки карской дороги—вслѣдствіе полученнаго донесенія о скопленіи массъ турецкой кавалеріи, въ смежныхъ съ названною дорогою селеніяхъ. Пройдя верстъ десять отъ Текоша къ Карсу, колонна остановилась и выслала впередъ всю имѣвшуюся при ней кавалерію, для рекогносцировки впередилежащихъ высотъ.

Не обнаруживъ присутствія ни одного турецкаго солдата на 40—50 верстномъ разстояніи отъ Ардагана, мы вернулись назадъ къ сел. Текошъ, и тамъ, простоявъ ночь, въ ожиданіи появленія турокъ гдѣ нибудь въ окрестностяхъ, 8-го перешли къ сел. Паникъ. Здѣсь, на одномъ изъ горныхъ отроговъ, заняли позицію, укрѣпивъ ее стрѣлковыми и орудійными (на два горныхъ орудія) ложементами. На этой позиціи, у которой проходила большая дорога изъ Карса въ Ардаганъ, былъ оставленъ баталіонъ и два горныхъ орудія. Впослѣдствіи орудія были взяты въ главную колонну, а на Паникъ присланъ сначала баталіонъ севастопольскаго полка, а потомъ и 1-й кавказскій стрѣлковый Его Высочества баталіонъ, что составило колонну въ три баталіона пѣхоты, подъ командою командира 1-го стрѣлковаго баталіона подполковника князя Барятинскаго.

12-го числа, 4-й баталіонъ участвовалъ вторично въ рекогносцировкѣ карской дороги и въ окрестности ея лежащихъ деревень, имѣя ночлегъ у Текопа, а 13-го перешелъ къ дер. Чалабашъ, откуда 14-го іюля обратно на высоты Паникъ. Стоянка на этомъ пунктѣ, съ постоянными форсированными передвиженіями въ тѣ мѣста, гдѣ предполагалось появленіе непріятеля, стала страшно надоѣдать.

22-го іюля, начальникъ колонны получилъ приказаніе оставить на позиціи Паникъ баталіонъ севастопольцевъ, а съ 1-мъ и 4-мъ стрѣлковыми баталіонами двинуться тотчасъ же форсированнымъ маршемъ къ Дигуру на поддержку отряда, стоявшаго противъ позиціи, занятой нашимъ разбойникомъ перебѣжчикомъ Меграли, начальствовавшимъ значительною кавалеріею.

Выступили въ тотъ же день, часовъ около двѣнадцати ночи. Пройдя верстъ пятьдесятъ по волнистой мѣстности, подъ палящими лучами іюльскаго солнца, баталіоны на другой день, въ первомъ часу пополудни, пришли въ Дигуръ, гдѣ застали уже колонну изъ Ардагана. Меграли, завидѣвъ, часовъ въ десять утра, у себя на флангѣ и немного въ тылу, двигавшуюся быстро со стороны Паника колонну князя Барятинскаго, немедленно отступилъ и очутился фронтомъ къ нашей ардаганской колоннѣ, при которой находился и полковникъ Комаровъ. Результатомъ всего этого было, дальнѣйшее поспѣшное отступленіе турецкой кавалеріи къ Арданучу. На протяженіи нѣсколькихъ верстъ ее преслѣдовали наши казаки. Съ кавалеріею Меграли ушло большинство населенія Дигура и двухъ-трехъ другихъ деревень, принимавшихъ участіе въ стрѣльбѣ по нашимъ солдатамъ изъ розданныхъ имъ различныхъ системъ ружей, за что они были наказаны: дома ихъ сожжены, а имущество стало военною добычею.

Отрядъ перепочевалъ на берегу р. Куры, проходимой здѣсь въ бродъ. 24-го числа мы двинулись обратно. Переходъ 23-го іюля войска сдѣлали теперь въ два дня: въ первый день до сел. Алагёза, во второй т. е. 25-го числа до Паника. Тутъ мы опять расположились стеречь турокъ, рѣшившихся, повидимому, не утруждать себя переходами, а сидѣть въ тѣхъ мѣстахъ, куда еще русскія войска не ходили.

Окончательно и, нужно сказать, не безъ радости, бросили мы Паникъ 30-го іюля, выступивъ, въ числѣ остальныхъ частей войскъ ардаганскаго отряда, въ главныя силы дѣйствующаго корпуса. Въ виду движенія колонны по дорогѣ, близко проходящей отъ пунктовъ занятыхъ частью карскаго гарнизона и по случаю скверпаго состоянія самой дороги, приказано было колесный обозъ двинуть общимъ вагенбургомъ, по дорогѣ мимо чалдырскаго озера.

Двигаясь со всѣми предосторожностями, мы ночевали 30-го іюля у д. Бендевана, а 31-го направились къ Паргету. Спустя нѣсколько часовъ по выступленіи съ бивуака, мы увидѣли справа у себя палатки турецкаго лагеря у Запма и Мацра.

Въ виду близкаго сосѣдства непріятеля, на ночлегѣ 31-го

у д.д. Джабаджа и Агджаларъ, войска заняли на небольшихъ высотахъ позицію, имѣвшую вообще хорошій обстрѣлъ. Ночь прошла спокойно. 1-го августа, перейдя въ бродъ, у сел. Паргетъ, р. Карсъ-чай, мы заняли позицію на правомъ берегу ея, гдѣ смѣнили стоявшую здѣсь бригаду кавалеріи, наблюдавшую за карскимъ гарнизономъ и арміею Мухтаръ-паши. Послѣдняя была расположена на высотахъ Аладжадага въ сильно укрѣпленномъ и обширномъ лагерѣ, вмѣщавшемъ, повидимому, болѣе сорока таборовъ одной пѣхоты. Наши же главныя силы занимали тогда Паргетъ, Кюрюкъ-Дара, Башъ-Кадыкляръ и высоту Учъ-тапа.

Въ это время начали прибывать части 40-й пѣхотной дивизіи.

5-го августа, баталіонъ, будучи зачисленъ въ составъ главныхъ силъ, перешелъ въ Кюрюкъ-Дара, а оттуда въ Башъ-Кадыкляръ, въ колонну генералъ-лейтенанта Девеля, и участвовалъ 6-го августа въ общей рекогносцировкѣ праваго фланга турецкой позиціи.

Бой былъ главнымъ образомъ артилерійскій. Пѣхота имѣла лишь перестрѣлку съ турецкими кавалеристами.

Пунктомъ наступленія 4-го стрѣлковаго баталіона была высота Ипахъ-тепеси. Онъ слѣдовалъ въ боевомъ порядкѣ, непосредственно за елисаветпольскимъ полкомъ во второй линіи, гдѣ и находился до обратнаго движенія на Башъ-Кадыкляръ. Направленіе было взято къ батареѣ, прикрывавшей правый флангъ непріятельской позиціи.

Въ семь часовъ сорокъ минутъ утра, наша батарея, прикрытая съ лѣваго фланга 4-мъ стрѣлковымъ баталіономъ, открыла огонь сначала по высланной непріятельской кавалеріи, а потомъ, когда послѣдняя разсѣялась, по Ипахъ-тепеси.

Войдя въ сферу непріятельскаго орудійнаго огня, баталіонъ перестроился поротно въ двѣ линіи и сталъ приблизительно саженяхъ въ 500-хъ отъ непріятельской позиціи.

Артилерійскій бой продолжался безпрерывно почти четыре часа.

Во время обратнаго движенія на Башъ-Кадыкляръ, когда вновь появилась непріятельская кавалерія, баталіонъ вошелъ на лѣвомъ флангѣ въ боевую линію и цѣпью стрѣлковъ, высланныхъ отъ 2-

и 3-й рот, находившихся въ первой линіи, и, прикрывалъ обратное движеніе отряда. Стрѣльба была рѣдкая и производилась лучшими стрѣлками, подъ руководствомъ и наблюденіемъ офицеровъ, съ 1000—1200 шаговъ. Потерь и утратъ у насъ не было. Несмотря на сильную жару, безводную мѣстность и пребываніе людей въ теченіи двѣнадцати часовъ подъ тяжестью полной походной аммуниціи, отсталыхъ и больныхъ тоже не было.

И такъ баталіонъ вошелъ уже въ третій отдѣльный отрядъ. (Кобулетскій, ардаганскій, главныя силы дѣйствующаго корпуса).

12-го августа, баталіонъ былъ переведенъ въ кюрюкъ-дарпинскій лагерь и вошелъ въ составъ войскъ передовой колонны.

ГЛАВА VI.

Участіе 4-го стрѣлковаго баталіона въ битвѣ на Кизилъ-тапѣ.—Рекогносцировка.—Пополненіе баталіона офицерами и нижними чинами.—Участіе въ сраженіяхъ 20-го и 21-го сентября.—Потери.—Перемѣна позиціи лагеря.—Наступленіе къ Базарджику.

До рекогносцировки, произведенной 6-го августа, гора Кизилъ-тапа, находившаяся на правомъ флангѣ и впереди турецкаго расположенія была совершенно свободна.

Въ указанный день, во время боя, она была занята корпуснымъ командиромъ и его штабомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что съ этой минуты генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ созналъ ея важность, такъ какъ тогда же приказалъ инженеръ-полковнику Бульмерингу укрѣпить ее. Какъ и когда начались работы, какимъ образомъ и съ какимъ успѣхомъ они производились—намъ не извѣстно. Довольно лишь того, что въ теченіи всей послѣдующей недѣли нашей артилеріи тамъ не было и признака, а стоялъ пока одинъ баталіонъ имеретинскаго полка.

Турки, которые оставили эту гору незанятою, повидимому и теперь не обращали на нее никакого вниманія. Вѣроятно это и было поводомъ къ тому, что укрѣпленіе этого пункта не вызывало

особенной торопливости.

12-го августа, по прибытіи въ кюрюкъ-дарпскій лагерь, мы спокойно расположились въ нашихъ палаткахъ и заснули—кто имѣлъ на это право и возможность—спомъ безмятежности, даже полной безпечности, такъ какъ съ вечера никакихъ особенно серьезныхъ приказаній не было. За часъ до разсвѣта многіе изъ насъ, какъ бы сквозь сонъ, услышали гдѣ-то вдали перекаты сильнаго ружейнаго огня, а потомъ и орудійные выстрѣлы. Въ одно время и прислушиваясь, и выстраиваясь по тревогѣ, мы никакъ не могли уяснить себѣ пункта этой пальбы, хотя, видимо, она доносилась съ праваго фланга турецкой позиціи. Передъ палатками мы стояли довольно долго. Разсвѣтало. Прошелъ цѣлый часъ. Солнце начало подниматься. Трескотня и канонада съ каждою минутою становились все сильнѣе и сильнѣе и, наконецъ, слились въ одинъ непрерывный, неумолкаемый грохотъ. Мы двинулись. Тутъ объяснилось, что дѣло происходитъ на Кизилъ-тапѣ. Стукотня и гулъ скакавшей артиллеріи и кавалеріи, отрывистыя приказанія передававшіяся адъютантами и ординарцами, рѣзкія и сжатыя командныя слова, все это давало чувствовать, что насъ застали врасплохъ. Когда мы миновали высоты Караяла, нашимъ глазамъ представилась слѣдующая картина.

Кизилъ-тапа вся была въ дыму; вокругъ подошвы ея со стороны Гюль-верана и Башъ-Кадыкляра тоже дымъ. Вершина горы извергала цѣлый адъ, но кто тамъ—все тѣже ли имеретинцы, или турки—невозможно было опредѣлить. Наконецъ, подходя къ мѣсту боя, мы узнали горькую дѣйствительность: турки, при помощи нѣкоторыхъ нашихъ измѣнниковъ татаръ-милиціонеровъ, находившихся въ цѣпи у подошвы Кизилъ-тапы, безпрепятственно пролѣзли на гору и атаковали нашъ баталіонъ. Имеретинцы вполнѣ геройски отстаивали свою позицію, но подавленные массою непріятеля, потерявъ болѣе $^2/_3$ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, принуждены были отступить, спасая свое знамя.

Когда мы пришли къ Кизилъ-тапѣ, никто не зналъ куда идти и что дѣлать. Начальникъ нашей передовой колонны генералъ-маіоръ Комаровъ, построивъ войска въ боевой порядокъ, открылъ демонстрацію къ Хаджи-вали и Суботану. Тутъ завязался жаркій

бой. Баталіонъ находился въ первой линіи на лѣвомъ флангѣ, занимая позицію на правомъ берегу рѣки Маврякъ-чай, упираясь своимъ лѣвымъ флангомъ въ с. Гюль-веранъ, а правымъ поддерживая связь съ 1-мъ кавказскимъ стрѣлковымъ Его Высочества баталіономъ, бывшимъ въ центрѣ боевой линіи. Генералъ Комаровъ былъ вскорѣ раненъ, и его мѣсто занялъ начальникъ кавказской стрѣлковой бригады, свиты Его Величества генералъ-маіоръ Гурчинъ.

Битва длилась до вечера, но Кизилъ-тапа все же осталась въ рукахъ турокъ. Мы отступили въ Кюрюкъ-Дара, куда прибыли въ 10-ть часовъ ночи.

Въ этомъ дѣлѣ баталіонъ потерялъ: одного унтеръ-офицера убитымъ и четырехъ рядовыхъ ранеными, пятерыхъ унтеръ-офицеровъ и трехъ рядовыхъ контуженными (*).

15-го увгуста по случаю перехода главнаго лагеря на Караялъ, баталіонъ занялъ позпцію у дер. Огузлы, а 16-го передвинулся къ сел. Байрахтаръ, на р. Маврякъ-чай, въ колонну генералъ-лейтенанта Лазарева. Новое расположеніе войскъ образовало линію Караялъ-Огузлы-Байрахтаръ-Учъ-тапа.

Немедленно было приступлено къ укрѣпленію занятыхъ позицій.

Въ это время, стали подходить эшелоны первой гренадерской дивизіи, двигавшіеся форсированнымъ маршемъ на подкрѣпленіе главныхъ силъ. Выжидая ихъ прибытіе, наши войска не предпринимали ничего рѣшительнаго и лишь ограничивались развѣдками, изрѣдка нападеніями на непріятельскіе форпосты и большою частью почными тревогами, для возможнаго ослабленія непріятеля. Въ виду послѣдней цѣли были сформированы пѣшія и конныя команды охотниковъ, которыя постепенно получили прочное основаніе и немного спустя принесли значительную пользу дѣлу, при блокадѣ и штурмѣ Карса. Не проходило почти ночи, чтобы эти охотники не подняли тревогу въ томъ или другомъ мѣстѣ расположенія турокъ. Иногда малыми частями войскъ производились рекогносцировки. Въ одной изъ нихъ принималъ участіе и баталіонъ подъ командою и руководствомъ своего командира, возвратившагося по выздоровленіи

отъ рань. Эта рекогносцировка была произведена противъ праваго фланга турецкой позиціи со стороны дер. Джала. Съ 31-го августа на 1-е сентября, подъ мелкимъ дождемъ, который сѣялъ всю ночь, баталіонъ двигался къ дер. Джала, выработаннымъ во время похода размашистымъ шагомъ, идя по старымъ пашнямъ, держась линіи военно-походнаго телеграфа, соединявшаго позицію Учъ-таны съ байрахтарскою. Кромѣ нашего баталіона въ рекогносцировкѣ участвовали: 4-й баталіонъ владикавказскаго полка и дивизіонъ орудій 1-й батареи 40-й артилерійской бригады. Въ Учъ-тапѣ присоединили къ нашей колоннѣ 3-й баталіонъ елисаветпольскаго полка (*). Мы двинулись по направленію къ аладжинскому хребту; вскорѣ по выступленіи перестроились въ боевой порядокъ и продолжали путь южнѣе дер. Джала къ хребту Аладжа, имѣя Инахъ-тепеси съ правой стороны движенія. Огонь артилеріи, находившейся при нашей колоннѣ, долженъ былъ отвлекать огонь противной стороны, если-бы послѣдняя открыла его по нашей кавалеріи, и въ тоже время поддержать свою кавалерію, если-бы на нее непріятель повелъ наступленіе. Между прочимъ, условіемъ нашего движенія было поставлено: наблюдать за нашимъ правымъ флангомъ и не вдаваться въ бой. 4-й стрѣлковый баталіонъ и 3-й баталіонъ елисаветпольскаго полка составили боевую колонну, имѣя роты въ двѣ линіи, между ними былъ дивизіонъ орудій; 4-й баталіонъ владикавказскаго полка оставался въ резервѣ въ д. Аразъ-оглы. Боевая линія лѣвымъ флангомъ выдавалась впереди праваго фланга.

Услыхавъ во время движенія ружейные выстрѣлы слѣва, маіоръ князь Меликовъ протянулъ туда цѣпь стрѣлковъ и продолжалъ движеніе впередъ, до болѣе удобной позиціи. Занявъ небольшое возвышеніе, онъ велѣлъ открыть артилерійскій огонь, направивъ его

(*) Кромѣ того: сѣверскій драгунскій полкъ, 2-ой волгскій конный полкъ, дивизіонъ 2-ой батареи кубанскаго казачьяго войска и конные охотники капитана Еліосидзе и хорунжаго Валаева. Въ общемъ резервѣ былъ 158-ой пѣхотный кутаисскій полкъ и 3-я батарея 40-ой артилерійской бригады. Общее руководство рекогносцировкой было поручено генералъ-маіору Лорисъ-Меликову. (Официально).

Ред.

на батарею Инахъ-тепеси, которая въ то время уже открыла пальбу по нашей кавалеріи, находившейся лѣвѣе нашего расположенія. Хотя артилерія наша, повидимому, и мало приносила вреда непріятелю, по причинѣ слишкомъ большаго командованія надъ нами турецкой батареи, но всетаки цѣль была достигнута, т. е. своими выстрѣлами мы привлекали на себя непріятельскій огонь, направленный противъ нашей кавалеріи. Тутъ были замѣчены три непріятельскія колонны, спускавшіяся изъ-за Инахъ-тепеси къ дер. Джала и направлявшіяся на правый нашъ флангъ— и какъ нужно предполагать на кавалерію, двигавшуюся отъ запада къ востоку у подошвы Аладжи; кромѣ того, черпѣлись колонны, поднимавшіяся по скату Аладжи къ мѣсту прежняго расположенія праваго фланга турецкаго лагеря, до 13-го августа.

Имѣя въ виду поддержать отступавшую въ то время кавалерію, маіоръ князь Меликовъ приказалъ стрѣлковому баталіону и дивизіону артилеріи двинуться влѣво и, занявъ тамъ небольшой холмъ, открыть огонь по непріятельской колоннѣ, занявшей свои траншеи на одномъ изъ отроговъ Аладжи. Въ это-же время баталіону владикавказскаго полка велѣно было стать за правымъ флангомъ, такъ какъ къ Кизилъ-тапѣ и южнѣе ея начали подходить турецкія колонны, а часть кавалеріи спустилась даже и ниже, къ дер. Джала.

Скоро огонь девятифунтовыхъ орудій и бердапокъ заставилъ нахлынувшія толпы кавалеріи разсыпаться и поспѣшно отступить. Это дало возможность нашей кавалеріи и конной батареѣ выйти изъ сферы огня двухъ турецкихъ батарей, которыя по отступленіи нашей кавалеріи, весь огонь свой направили на выдвинутыя впередъ пѣхотныя части и дивизіонъ артилеріи.

Давъ отойти кавалеріи, начальникъ колонны сталъ постепенно отступать, начавъ движеніе лѣвымъ флангомъ, бывшимъ впереди. Боевая линія отступала перекатною цѣпью. Отведя лѣвый флангъ и выждавъ охотничью команду, отходившую въ это время изъ д. Джала, начальникъ колонны приказалъ отступать и правому флангу. Когда же оба фланга стали на одной высотѣ, относительно другъ-друга, то отступленіе производилось всею линіею одно-

временно, въ примѣрномъ порядкѣ, хотя подъ перекрестнымъ огнемъ трехъ турецкихъ батарей.

Такимъ образомъ, обратное движеніе продолжалось до дер. Аразъ-оглы, около которой на курганѣ сталъ дивизіонъ орудій и открылъ огонь шорохами и картечными гранатами по непріятельской кавалеріи, сосредоточившейся у дер. Джала.

По прибытіи къ дер. Аразъ-оглы, цѣпь стрѣлковъ была уменьшена и отозваны нѣкоторыя части во вторую линію; при приближеніи же къ высотамъ Учъ-тапа, баталіоны, лишь только вышли изъ сферы непріятельскаго артилерійскаго огня, построились въ резервный порядокъ.

Команда охотниковъ, отъ войскъ составлявшихъ отрядъ генералъ-лейтенанта Лазарева, подъ командою поручика 75-го пѣхотнаго севастопольскаго полка Статкевича, выступивъ въ туже ночь, заняла дер. Джала и держалась тамъ до отступленія колоннъ къ Учъ-тапѣ. При занятіи охотниками дер. Джала турки оставили два тѣла, два ружья и лошадь.

Общая наша потеря заключалась—въ 4-мъ стрѣлковомъ баталіонѣ ранено двѣнадцать и контужено трое нижнихъ чиновъ, въ остальныхъ частяхъ ранено двое и контуженъ одинъ (*). Стрѣлковый баталіонъ въ этотъ день израсходовалъ 22197-мь патроновъ.

Рекогносцировка эта привела къ заключенію, что турки отлично укрѣпили всѣ пункты своей позиціи на высотахъ Аладжи, снабдивъ ихъ достаточнымъ количествомъ артилеріи, и что фронтальная атака ихъ позиціи можетъ стоить большихъ жертвъ.

Вернувшись 1-го числа въ лагерь, мы опять принялись за аванпостную службу и за работы по укрѣпленію байрахтарской позиціи. Здѣсь баталіонъ былъ пополненъ 135-ю нижними чинами изъ запаснаго стрѣлковаго баталіона. Люди эти замѣнили убыль въ дѣлахъ, съ 16-го мая по 2-е сентября.

Генералъ-лейтенантъ Лазаревъ не щадилъ труда добыть точныя свѣдѣнія о непріятелѣ; къ его ставкѣ, находившейся за бата-

(*) Потери наши въ этой рекогносцировѣ заключались въ одномъ убитомъ и 29-ти раненыхъ чиновъ. (Официально).

Ред.

ліономъ, почти ежедневно являлись различные люди, подвергавшіеся разспросамъ, лазутчики, перебѣжчики и т. п. Почти каждый день, въ сопровожденіи конвоя отъ 3-го дагестанскаго конно-прегулярнаго полка, онъ объѣзжалъ позицію. Въ тылу ея находился большой базаръ. Маркитанты и торгаши, съ разрѣшенія начальства, раскинули свои палатки и шалаши всевозможныхъ формъ и цвѣтовъ, поставленные, заботами полевыхъ жандармовъ, въ строгія линіи, образовавшія улицы. Чистота и порядокъ на этихъ базарахъ были такіе, которымъ позавидовалъ-бы каждый городокъ на Кавказѣ. Тутъ можно было пріобрѣсти все необходимое военному, конечно, за гораздо высшую цѣну, чѣмъ, напримѣръ, въ Александрополѣ. У ставки генерала Лазарева, ежедневно отъ 4-хъ до 6-ти часовъ, послѣ обѣда игралъ хоръ музыки, а на линейкахъ пѣли ротные пѣсенники.

Позицію нашу нѣсколько разъ посѣщалъ Его Императорское Высочество, Главнокомандующій арміею, съ Его Высочествомъ Николаемъ Михайловичемъ.

Независимо отъ нижнихъ чиновъ, въ баталіонъ прибыли и офицеры изъ оренбургскаго пѣхотнаго юнкерскаго училища, назначенные распоряженіемъ главнаго штаба. Ихъ было пять человѣкъ, и всѣ прапорщики. Эта молодежь, какъ показали слѣдующія дѣла, явила себя вполнѣ достойною своихъ сослуживцевъ.

Около 20-го сентября, стали поговаривать о скоромъ предстоящемъ общемъ наступленіи войскъ.

1-я гренадерская дивизія съ артилерійскою бригадою, подошла вся и стала на высотахъ Караяла. Прибывали также оренбургскіе и астраханскіе казачьи полки съ донскими конными батареями.

Всѣ ожидали и желали съ нетерпѣніемъ генеральнаго сраженія, чтобы сразу покончить съ арміею Мухтаръ-паши. Бездѣйствіе въ теченіи нѣкотораго времени стало тяготить. Днемъ жаришься на солнцѣ, въ пыли, почью дрогнешь и мокнешь подъ дождемъ и рѣзкимъ, иногда, вѣтромъ — положеніе далеко незавидное. Всѣ были такого мнѣнія, что если Мухтаръ потерпитъ пораженіе, то Карсъ не замедлитъ сдаться, и тогда вѣроятно будетъ конецъ кампаніи—

если и несовсѣмъ, то хотя на 1877-й годъ, потому что въ этой мѣстности съ октября наступаетъ уже настоящая зима, съ глубокими снѣгами и трескучими морозами.

Но не суждено было сбыться нашимъ предположеніямъ.

За два или за три дня до 20-го сентября, начальники отдѣльныхъ отрядовъ и колоннъ получили диспозиціи для движенія и дѣйствія на 20-е сентября. Между прочимъ, было приказано, чтобы больныхъ, обозы, лишнія тяжести и палатки отправить въ общій вагенбургъ въ дер. Ипрвали, находящуюся верстахъ въ 10-ти—15-ти въ тылу нашего расположенія, по дорогѣ въ Александрополь, людямъ имѣть на два дня варенаго мяса и сухарей и увеличить число имѣвшихся на рукахъ у стрѣлковъ патроновъ до ста, пополнивъ выданное количество въ патронныхъ ящикахъ изъ артилерійскихъ парковъ.

Днемъ 19-го числа, нельзя было замѣтить никакого передвиженія и приготовленія, все стояло на своихъ мѣстахъ, лагерь былъ тихъ, въ противоположность тому, какъ бываетъ обыкновенно передъ оставленіемъ войсками позиціи или бивуака. Но вотъ, только что спустились сумерки, какъ моментально, словно по манoвенію волшебной силы, снялись палатки, и потянулись въ Ипрвали длинною вереницею фургоны войсковыхъ обозовъ, съ слабосильными командами. Черезъ часъ и баталіоны, собравшись на указанныхъ въ диспозиціи пунктахъ, готовы были къ движенію. По всѣмъ направленіямъ двигались разными дорогами пѣхота, артилерія и кавалерія, собираясь постепенно въ цѣлые отряды, направлявшіеся къ данной позиціи. Въ долинѣ и кругомъ была полная тишина: ни одного звука, ни одного огонька... Лишь кое-гдѣ испуганный жаворонокъ пропоетъ жалобную пѣснь—и только. Можно было думать, что въ долинѣ все спитъ. А между тѣмъ, среди этого роковаго спокойствія двигались десятки тысячъ людей, готовыхъ съ разсвѣтомъ ринуться на своего врага. Предостереженія, выражавшіяся вполголоса: „не кашлять, смотрѣть подъ ноги, не смѣть отставать, выходить въ сторону, ближе держаться другъ-друга“ только иногда и нарушали зловѣщую тишину сентябрьской холодной ночи. Небо заволокло тучами, несшимися съ страшною быстротою съ сѣвера на

югъ. Мѣсяцъ урывками освѣщалъ черныя, густыя двигавшіяся колонны войскъ.

Вотъ мы прошли какой то ручей. Справа мелькнула во мракѣ древняя церковь—это деревня Огузлы, которая была занята колонною генералъ-лейтенанта Шатилова. Въ этой деревнѣ, по разсказу одного сѣдовласаго армянина, въ прошлую кампанію турецкій главнокомандующій пилъ кофе, когда армія его дралась съ корпусомъ князя Бебутова. Вотъ что между прочимъ говорилъ этотъ старожилъ-армянинъ.

Когда началось дѣло, то Муширъ съ своимъ штабомъ находился въ дер. Огузлы, откуда поминутно высылалъ адъютантовъ узнавать о ходѣ сраженія. Послѣ того какъ подали ему первую чашку кофе, прискакалъ адъютантъ, доложивъ что турки навѣрное побьютъ русскихъ. Муширъ ласково кивнулъ головою, и замѣтилъ, что иначе быть не можетъ. Къ концу первой чашки прискакалъ второй гонецъ съ извѣстіемъ, что русскіе сильно напираютъ. Тогда муширъ, окончившій уже первую чашку, нахмурилъ брови и крикнулъ—подать вторую и кальянъ. Но второй чашкѣ суждено было остаться недопитою, такъ какъ прискакалъ уже самъ паша, командовавшій авангардомъ, и совѣтовалъ муширу спасать свою жизнь, потому что проклятые русскіе лѣзутъ какъ черти, а правовѣрные бѣгутъ, кто куда попало. Муширъ былъ такъ пораженъ этимъ извѣстіемъ, что, оставивъ въ страхѣ кофе, сѣлъ поспѣшно на лошадь и ускакалъ въ Карсъ. А къ вечеру Огузлы были заняты русскими, часть которыхъ расположилась и на караяльскихъ высотахъ.

Нельзя ручаться за достовѣрность этого разсказа, но между прочимъ онъ отлично характеризуетъ турецкихъ начальниковъ.

Отъ дер. Огузлы, мы взяли на лѣво и продолжали двигаться въ новомъ направленіи. Выглянувшая луна освѣтила окрестности. Слѣва у насъ чернѣлись Кизилъ-тапа и Башъ-Кадыкляръ, а справа—высоты Караяла съ насыпями траншей и батарей. Скоро колонна приняла, относительно турецкихъ позицій, фланговое движеніе. Впереди нашей колонны шли охотники прапорщика Самата. Въ головѣ пѣхоты ѣхалъ въ буркѣ, на лихомъ кабардинскомъ конѣ, начальникъ отряда генералъ-лейтенантъ Лазаревъ.

На востокѣ забрезжило.

Голова колонны стала на одну линію съ Кизилъ-тапою, на гребняхъ укрѣпленій которой едва черифли силуэты неподвижныхъ турецкихъ часовыхъ, съ башлыками на головахъ. Колонна шла подъ выстрѣлами непріятельской батареи, на которой находилось привезенное изъ Карса одно дальнобойное орудіе, доносившее чуть не до подошвы Караяла.

Совсѣмъ разсвѣло. Наше движеніе и направленіе должны были обнаружиться. Миновавъ Кизилъ-тапу, наши кавалерійскія передовыя части завязали перестрѣлку съ турецкими пикетами, оттѣснивъ далеко назадъ сторожевую цѣпь непріятельской кавалеріи.

Пѣхота, построившись въ боевой порядокъ, двинулась впередъ и заняла позицію вправо отъ Гюль-верана до оврага, проходящаго недалеко отъ горы бол. Ягны. Цѣль движенія колонны и ея расположеніе на означенной позиціи были демонстративныя—для отвлеченія турецкихъ силъ отъ горы мал. Ягны, отъ Авліара и турецкаго тыла на высотахъ Аладжи, въ обходъ которой двинутъ былъ отрядъ генералъ-маіора Шелковникова.

Заняли позицію и приступили къ постройкѣ стрѣлковыхъ и орудійныхъ ложементовъ. Тогда только кизилъ-тапинская батарея открыла частую пальбу по работамъ, которыя однако скоро были окончены.

Колонна генералъ-маіора Рыдзевскаго, бывшая лѣвѣе нашей, судя по доносившимся орудійнымъ и ружейнымъ выстрѣламъ, завязала бой. Колонны генераловъ Геймана и Роопа также втянулись въ битву и первая изъ нихъ заняла, внезапнымъ ночнымъ нападеніемъ, бол. Ягны. Цѣпь колонны генерала Лазарева вскорѣ завязала перестрѣлку съ высланною турецкою пѣхотою. Въ это время, одновременно задымился гребень Аладжи и покатость между бол. Ягны и Авліаромъ. То были колонны генераловъ Шелковникова и Роопа. Первая, сдѣлавъ смѣло и ловко обходъ праваго фланга турецкой позиціи, зашла въ тылъ и, вскарабкавшись по крутымъ скатамъ Аладжи, открыла огонь съ гребня по турецкому лагерю. Этотъ налетъ Шелковникова былъ такъ неожиданъ и смѣлъ, что могъ-бы дать дѣлу тотъ оборотъ, котора-

го мы достигли, съ большими жертвами, только 3-го октября, если-бы колонна была настолько сильна, что могла-бы противустоять высланнымъ изъ турецкаго лагеря таборамъ пѣхоты. Будь она баталіоновъ въ десять и имѣй за собою эту позицію, хорошо командовавшую надъ турецкою, то, легко могло случиться, что соединившись съ колонною генерала Роона, она-бы сбросила турокъ на колонны Рыдзевскаго, Лазарева и Геймана, и тогда погромъ непріятеля, вмѣсто 3-го октября произошелъ-бы 20-го сентября. Между тѣмъ, разстрѣлявъ свои патроны, не имѣя поддержки, Шелковниковъ принужденъ былъ отступить, преслѣдуемый втрое сильнѣйшимъ непріятелемъ.

Турки, у которыхъ, какъ оказалось, главныя силы были сосредоточены на правомъ флангѣ, стали поспѣшно переводить войска на лѣвый—къ Авліару и мал. Ягны—гдѣ разгорѣлся сильный бой. Около двухъ часовъ дня, непріятель, пользуясь тѣмъ что боевая линія колонны генерала Рыдзевскаго подвинулась къ дер. Огузлы, незамѣтно по оврагу перешелъ, въ числѣ двухъ арабистанскихъ таборовъ стрѣлковъ, къ дер. Гюль-веранъ и, засѣвъ на кладбищѣ, части эти взяли цѣпь нашу во флангъ. Для подкрѣпленія первой линіи и отъѣсненія турокъ изъ Гюль-верана, послана была на лѣвый флангъ наша первая рота капитана Полковникова. Она двинулась бѣгомъ и, войдя въ линію цѣпи, открыла сильный огонь по арабистанцамъ, встрѣтившимъ ее залпами. Стрѣлки залегли за камни, продолжая посылать градъ пуль и стараясь охватить сел. Гюль-веранъ, которое къ вечеру, съ прибытіемъ резервовъ, досталось въ наши руки. Капитанъ Полковниковъ въ этотъ день былъ тяжело раненъ.

Наступившая ночь застала войска на позиціяхъ, которыя въ виду не достигнутыхъ 20-го числа результатовъ, приказано было удерживать до особаго распоряженія. Ночь прошла спокойно. 21-го сентября, турки, находившіеся противъ колонны генерала Лазарева, до полудня ничего не предпринимали. Около двухъ часовъ замѣчено было въ суботанскомъ укрѣпленномъ лагерѣ, и отъ праваго фланга аладжинской позиціи къ Суботану, сильное движеніе войскъ.

Скоро колонны турецкой пѣхоты, кавалеріи и артилеріи, ста-

ли нерѣшительно двигаться впередъ, маневрируя, повидимому, безъ всякой цѣли то въ одну, то въ другую стороны. Можно было, слѣдя въ бинокль, предположить, что они задались мыслью ввести въ заблужденіе своего противника то развертывая свои силы, то опять собирая ихъ въ глубокія колонны. Медленнымъ шагомъ турки двинулись впередъ, побуждаемые конными офицерами, махавшими надъ головою сабельными клинками, на лезвіяхъ которыхъ играли лучи, склонявшагося уже къ горизонту сентябрьскаго солнца. Въ это время баталіонъ, находившійся въ первой линіи, былъ подкрѣпленъ третьимъ баталіономъ 13-го лейбъ-гренадерскаго эриванскаго полка, баталіономъ елисаветпольскаго полка и двѣнадцатью орудіями 40-й артилерійской бригады. Баталіоны двинулись на встрѣчу туркамъ, открывшимъ уже артилерійскій и ружейный огонь. Гранаты летѣли съ пяти батарей: двухъ полевыхъ, одной съ Кизилъ-тапы и двухъ дальнобойныхъ изъ Суботана.

Стрѣлки, елисаветпольцы и эриванцы, занявъ впереди позицію, были остановлены и предупреждены не открывать огня далѣе 700—800 шаговъ. Баталіонъ стоялъ поротно въ одну линію, а скоро и весь былъ разсыпанъ въ цѣпь. Турки, видя молчаніе нашей пѣхоты, остановились, выславъ въ обходъ нашего праваго фланга свою кавалерію, которая вскорѣ, вынужденная стрѣлковымъ огнемъ, повернула назадъ и стала внѣ ружейнаго выстрѣла, а подоспѣвшія четыре орудія, 40-й артилерійской бригады, подполковника Проценко, взятыя изъ центра, лихо выпеслись на позицію на правомъ флангѣ и, заставили непріятельскую конницу укрыться подъ защиту суботанскихъ батарей.

Баталіоны передвинулись еще впередъ, остановились и открыли по туркамъ огонь съ 800 шаговъ. Правымъ флангомъ, приходившимся противъ суботанскаго лагеря и ближе къ большимъ Ягны, командовалъ подполковникъ князь Меликовъ. Всею же колонною начальствавалъ полковникъ князь Амираджиби. Приказано было, безъ сигнала или особаго приказанія, не переходить въ наступленіе.

Было около трехъ съ половиною часовъ пополудни, когда орудійный и ружейный огонь съ обѣихъ сторонъ достигъ наиболь-

шей напряженности. Цѣпь разстрѣливала послѣдніе патроны. Ящики опоражнивались и рысью отправлялись въ резервъ къ Караялу за патронами. Разстояніе, до мѣста гдѣ стояли патронные ящики, было очень велико, и, только благодаря эриванцамъ и елисавтпольцамъ, давшимъ свои патроны изъ частныхъ резервовъ, баталіону не пришлось прекратить пальбы.

Лѣвый флангъ — состоявшій изъ 2-й и 4-й ротъ (штабсъ-капитана Видгапта и штабсъ-капитана Горскаго) занялъ въ это время ложементы на правомъ берегу рѣчки Маврякъ-чай, и оттѣснилъ турокъ, которые, повидимому, не рѣшались возобновлять наступленія. Между тѣмъ, ливень чугуна и свинца не уменьшался. Стоны раненыхъ, отрывистыя требованія снарядовъ и патроновъ въ цѣпь, вмѣстѣ съ шипѣніемъ лопавшихся гранатъ и свистомъ пуль, сливались въ какой-то непонятный шумъ, или рокотъ разбушевавшагося моря. Скоро огонь стрѣлковъ сталъ затихать.

Вдругъ, съ лѣваго фланга донеслось „ура“! Ура подхвачено въ центрѣ и на правомъ флангѣ, и все живое двинулось впередъ, оставивъ за собою раненыхъ и трупы боевыхъ товарищей.

Турки, не выдержавъ натиска и избѣгая рукопашной схватки, обратились въ бѣгство, перегоняя свою артилерію, потерявшую много лошадей. Сбитые въ котловину между Суботапомъ и небольшимъ холмомъ со стороны Аладжи, они образовали пестройную толпу въ числѣ десяти таборовъ, среди которыхъ тѣснились двѣ батареи, оставившія шесть зарядныхъ ящиковъ въ нашихъ рукахъ. На эту-то безпорядочную толпу и устремились три баталіона. Но наступившая темнота и полученное приказаніе остановили баталіоны, которые къ десяти часамъ вечера отступили на свои прежнія позиціи.

Трофеями этого боя трехъ баталіоновъ были указанные зарядные и еще множество патронныхъ ящиковъ. Всѣ они, за неимѣніемъ лошадей, были частью испорчены, а частью затоплены въ Маврякъ-чаѣ.

Въ этомъ дѣлѣ тяжело ранены: командиръ 2-й роты штабсъ-капитанъ Видгантъ и младшій офицеръ той же роты прапорщикъ Каменецкій. Оба они умерли отъ ранъ; второго даже не успѣли

донести до перевязочнаго пункта (¹⁹).

Потери турокъ, по донесеніямъ лазутчиковъ, простирались отъ 870 до 1000 человѣкъ убитыми и ранеными.

22-го сентября, наступательныя движенія отряда были пріостановлены и колонны, оставивъ линію малыхъ и большихъ Ягны, частью отошли къ Караялу, а частью заняли позицію впереди и вправо на большой карской дорогѣ.

23-го вечеромъ, 4-й стрѣлковый баталіонъ снялся съ позиціи, которую занималъ въ предыдущіе три дня и сталъ лагеремъ на плато передъ Караяломъ.

Въ періодъ съ 20-го по 23-е сентября включительно, баталіонъ потерялъ убитыми: трехъ унтеръ-офицеровъ и двадцать рядовыхъ; ранеными — трехъ оберъ-офицеровъ, девять унтеръ-офицеровъ и шестьдесять пять рядовыхъ; контуженными — тридцать нижнихъ чиновъ.

Далѣе слѣдовало опять затишье. Ночью же на 27-е сентября турки внезапно оставили Кизилъ-тапу и спялись съ лагеря между Хаджи-вали и Кизилъ-тапою. Лишь только обнаружилось для насъ это отступленіе, во всѣ стороны поскакали адъютанты и ординарцы, съ приказаніемъ двинуться къ Суботану и Кизилъ-тапѣ. Немедленно понеслась туда кавалерія, съ конной артилеріею, а за ними и пѣхота, и заняли оставленныя турками позиціи. Впрочемъ, у Суботана завязался жаркій бой, такъ какъ мы стали тѣснить турокъ на высоты. За нами, черными рядами, рисовались брошенныя турками укрѣпленія.

Оказалось, что Кизилъ-тапа была укрѣплена отлично, большая часть траншей была блиндирована. Фортификаціонныя работы, какъ и всегда у турокъ, имѣли сильную профиль и щеголяли отдѣлкою. Да и вообще, всѣ непріятельскія позиціи были укрѣплены, болѣе или менѣе, съ одинаковымъ совершенствомъ, изъ чего можно было заключить, насколько практически хорошо ими усвоена была система обороны посредствомъ самоокапыванія.

Въ ночь съ 27-го на 28-ое сентября баталіонъ, назначенный въ колонну генералъ-лейтенанта Лазарева, двинулся въ обходъ аладжинскихъ высотъ. Утромъ 28-го числа, переправившись черезъ

Арпачай у Кигача, отрядъ двигался до камбинскаго поста по своей государственной границѣ, перейдя которую имѣлъ ночлегъ въ дер. Дигорѣ, а 30-го запялъ дер. Акрякъ. Нельзя предполагать, чтобы турки не замѣтили насъ у себя въ тылу, но между тѣмъ, покуда, ничего не предпринимали.

2-го октября, въ составѣ главныхъ силъ обходнаго отряда, баталіонъ двинулся къ Базарджику. На полпути баталіонъ вызванъ былъ начальникомъ отряда впередъ—въ виду того обстоятельства, что авангардъ наткнулся на довольно значительныя силы непріятеля, занимавшаго предгорья орлокскихъ высотъ. Мы двинулись форсированнымъ маршемъ, преодолѣвъ всѣ препятствія при переходѣ черезъ болото, лежавшее передъ фронтомъ турецкой позиціи, быстрымъ движеніемъ, почти безъ выстрѣла, отбросили лѣвый флангъ непріятеля назадъ и провожали его сильнымъ огнемъ. Онъ же бросился въ безпорядкѣ къ Визинъ-кею. Во все время перестрѣлки, баталіонъ, стоявшій фронтомъ къ Базарджику и Яйла, подвергался артилерійскому огню дальнобойныхъ орудій съ означенныхъ высотъ. Турки оставили десятка три тѣлъ и семь человѣкъ раненыхъ, которые были убраны стрѣлками и сданы на перевязочный пунктъ. У насъ за этотъ день раненъ одинъ рядовой.

ГЛАВА VII.

Сраженіе 3-го октября и пораженіе турецкой арміи.—Непріятельскій парламентеръ въ 4-мъ баталіонѣ.—Турецкій лагерь и деморализація непріятельскихъ войскъ.—Блокада Карса.—Тѣла нашихъ воиновъ.—Наши фортификаціонныя работы.—Положеніе осажденныхъ.

Оттѣснивъ турокъ съ предгорья Орлока, отрядъ генералъ-лейтенанта Лазарева сталъ въ тылу и на флангѣ арміи Мухтаръ-паши и занялъ сильную позицію. Такимъ образомъ, еще второго числа, отчасти, былъ предрѣшенъ исходъ боя слѣдующаго дня, потому что съ этой минуты дѣйствія анатолійской арміи были уже, болѣе или менѣе, парализованы, и ей приходилось скорѣе заботиться объ отступленіи, чѣмъ объ отпорѣ русскихъ. Дѣйствительно длинные ряды

обозовъ потянулись къ Карсу. Войска съ праваго флапга стягивались къ Авліару и Визинъ-кею.

Авангардъ отряда генералъ-лейтенанта Лазарева провелъ ночь съ 2-го на 3-е октября на занятыхъ высотахъ, бивуакомъ. Утромъ же 3-го числа со стороны Суботана, Авліара и мал. Ягны стали доноситься орудійные выстрѣлы. Каждый изъ насъ понималъ хорошо ихъ значеніе: начинался бой, который долженъ былъ рѣшить участь двухъ, стоявшихъ другъ противъ друга, армій. Намъ, занимавшимъ высоты, видна была большая часть мѣстности боя, изъ котораго черезъ нѣсколько часовъ русскія войска вышли съ честью, славою и побѣдою. Смотря на расположеніе обѣихъ армій, можно было тогда же предвидѣть, что побѣда останется за нами. Выстрѣлы становились ближе и чаще. Слѣдовало предположить, что наше наступленіе происходитъ быстро. Скоро задымились вершины Авліара и Визинъ-кея. Къ послѣднему пункту потянулись артилерія и кавалерія, спѣшившія отступленіемъ. Обозы въ безпорядкѣ изрѣзывали мѣстность въ тылу вышеупомянутыхъ пунктовъ, по всѣмъ направленіямъ. Наконецъ показалась турецкая пѣхота, отступавшая въ безпорядкѣ тоже къ Визинъ-кею. Судя по тому, что ни одинъ таборъ, отступавшей мимо Авліара съ Аладжи турецкой пѣхоты, не повернулъ на поддержку своихъ, дравшихся отчаянно на Авліарѣ, можно было заключить, что войсками мушира овладѣла паника.

Выждавъ удобный моментъ, кавалерія, а за нею и часть пѣхоты отряда генералъ-лейтенанта Лазарева, быстро спустилась къ Визинъ-кею, перерѣзала путь отступавшему непріятелю и взяла часть его въ плѣнъ; другая же часть, въ числѣ 26-ти таборовъ, 32-хъ орудій и одной сотни кавалеріи, съ Омеръ-пашою во главѣ, стянулась на высотахъ Базарджика. Туда былъ направленъ 4-й стрѣлковый баталіонъ, имѣя въ поддержкѣ одинъ баталіонъ 160-го абхазскаго полка 40-й пѣхотной дивизіи и баталіонъ бакинскаго полка. Построившись поротно въ двѣ линіи, баталіонъ, быстро перейдя равнину передъ Базарджикомъ, сталъ взбираться по 30° крутизнѣ ската холма, вершина котораго образовывала сѣдловину прилегавшую къ Базарджику. Градъ картечи посыпался на стрѣлковъ съ

фронта и во фланг. Трудно было карабкаться вверх, нога не находила твердой опоры, земля то и дѣло сыпалась, а за нею скатывались часто и стрѣлки. Наконецъ, послѣ необыкновенныхъ усилій, 1-я и 2-я роты, взобравшись на вершину параллельно расположенію непріятеля и почти на одну съ нимъ высоту, открыли съ двухсотъ шаговъ, въ ожиданіи подходившаго баталіона абхазскаго полка, сильный огонь по турецкимъ батареямъ. Въ это время, 3-я и 4-я роты, направленныя по лощинѣ, гдѣ проходила колесная дорога, на турецкую позицію, начали также подниматься на Базарджикъ. Моментъ рѣшительнаго боя сталъ близокъ. Скоро турки принуждены были бросить свои орудія и укрыться въ углубленныхъ батареяхъ. Тогда три табора, подъ начальствомъ Муссы-паши (Кундухова), спустившись по противуположному нашей позиціи скату Базарджика, стали уходить по направленію къ д. Яйла, гдѣ и были потомъ остановлены нашею кавалеріею. Кундуховъ же, пользуясь знаніемъ русскаго языка, успѣлъ ускользнуть, чему поблагопріятствовала и наступившая уже темнота. Что же касается Омеръ-паши, то онъ, видя себя окруженнымъ русскою арміею, и находясь съ своими таборами подъ ужаснымъ пѣхотнымъ и артилерійскимъ огнемъ, рѣшился сдаться.

Около пяти часовъ пополудни, по дорогѣ съ Базарджика, показалась небольшая группа всадниковъ съ бѣлымъ флагомъ на длинномъ шестѣ, въ тоже время съ непріятельскихъ батарей намъ усердно махали фесками и платками. Немедленно было отдано приказаніе прекратить огонь.

Громкое побѣдное „ура“ сопровождало приближеніе къ намъ двухъ турецкихъ офицеровъ, подъѣзжавшихъ съ парламентерскимъ флагомъ къ начальнику колонны, свиты Его Величества генералъ-маіору Гурчину, предшествуемые штабсъ-капитаномъ Левестамомъ, къ ротѣ котораго они выѣхали (*). Такъ какъ въ баталіонѣ не было лицъ знавшихъ по турецки, то переговоры происхо-

(*) Штабсъ-капитанъ Левестамъ, рота котораго занимала дорогу и къ которому вышли турецкіе парламентеры, награжденъ орденомъ св. Георгія 4-ой степени.

Авт.

дили на французскомъ языкѣ.

Генералъ-маіоръ Гурчинъ предложилъ безусловную сдачу всѣмъ войскамъ Омеръ-паши.

Прискакавшій начальникъ отряда генералъ-лейтенантъ Лазаревъ утвердилъ условія капитуляціи и, съ своей стороны, предложилъ парламентеру послать къ Омеръ-пашѣ одного изъ сопровождавшихъ его офицеровъ, который-бы передалъ паши требованія и заявленіе о томъ, что только быстрое ихъ исполненіе можетъ облегчить тяжелое положеніе плѣнныхъ и могущія встрѣтиться недоразумѣнія.

У турокъ, какъ оказалось, все было готово къ сдачѣ орудій и оружія. Съ минуты на минуту, мы ожидали появленія турецкой артилеріи и пѣхоты, которыя должны были сходить частями и складывать оружіе въ опредѣленномъ мѣстѣ.

Въ это время стали подвигаться изъ нашихъ главныхъ силъ нѣкоторыя части пѣхоты и кавалеріи и располагались вокругъ Базарджика.

Намъ, которымъ принадлежала доля славы базарджикскаго плѣненія 26-ти баталіоновъ при 32-хъ орудіяхъ (*), не суждено было воспользоваться добытыми трофеями, такъ какъ, только утромъ 4-го октября, по утвержденіи капитуляціи командующимъ

(*) Въ журналѣ военныхъ дѣйствій главныхъ силъ, фактъ плѣненія 3-го октября Омеръ-паши и бывшихъ подъ его командою войскъ описанъ слѣдующимъ образомъ:

Было семь часовъ вечера, и наступила совершенная темнота. Въ это время въ драгунамъ отряда генералъ-лейтенанта Роона выѣхалъ, со стороны турокъ, командовавшій здѣсь генералъ Омеръ-паша съ начальникомъ штаба Гассанъ-пашою и заявилъ генералъ-лейтенанту князю Чавчавадзе о намѣреніи положить оружіе. Вѣсть эта мгновенно облетѣла всѣ наши войска. Дѣйствія наши тотчасъ повсюду были прекращены. Бой окончился. Его Высочество, поднявшійся къ семи часамъ на визинъ-кейскія высоты и получившій здѣсь положительное извѣстіе о готовности Омеръ-паши сдать ему остатки разбитой арміи, тотчасъ же послалъ генералу Роону порученіе вести переговоры, придавъ ему адъютанта своего полковника Петерса и уполномочивъ корпуснаго командира, безотлагательно, утвердить капитуляцію. (Офиціально).

Ред.

корпусомъ, произошла передача Омеръ-пашею оружія и сдача 26-ти таборовъ пѣхоты при 32-хъ орудіяхъ (*).

Въ этомъ дѣлѣ въ баталіонѣ было два нижнихъ чина контуженыхъ гранатами.

Нельзя обойти молчаніемъ ту картину, которую мнѣ пришлось видѣть на Базарджикѣ, куда я сопровождалъ, съ княземъ Меликовымъ, генералъ-маіора Шелковникова.

Выѣхавъ на позицію часовъ въ восемь вечера, мы скоро стали гуськомъ взбираться, между множествомъ камней, къ турецкому лагерю, гдѣ зарево тощихъ костровъ, состоявшихъ, за неимѣніемъ дровъ, изъ ложъ Пибоди, освѣщало неменѣе тощія и оборванныя фигуры турокъ, сидѣвшихъ вокругъ огней. Разбросаннос, тамъ и сямъ, оружіе и снаряженіе, нетрезвое состояніе генераловъ, упивавшихся коньякомъ, въ такія отчаянныя для ихъ арміи минуты, просьбы выраженныя генералу Шелковникову офицерами о томъ, чтобы защитить и охранить ихъ и имущество отъ ихъ же собственныхъ солдатъ и, наконецъ, озлобленныя лица послѣднихъ, бросавшихъ презрительные взгляды на пьяныхъ своихъ генераловъ—все это говорило о полной деморализаціи турецкой арміи.

4-го октября, войска дѣйствующаго корпуса, были выстроены на плато у Визинъ-кея. Ожидали прибытія Главнокомандующаго. Баталіонъ, занявъ указанное мѣсто, сталъ въ колоннѣ изъ середины, имѣя за своимъ знаменемъ парламентерскій флагъ, съ которымъ явился къ баталіону парламентеръ. Флагъ этотъ былъ единственнымъ трофеемъ, оставшимся въ нашихъ рукахъ.

Его Высочество поздравилъ войска съ побѣдою и поблагодарилъ ихъ за молодецкую службу.

Подъѣхавъ къ баталіону, Его Высочество, замѣтивъ парламентерскій флагъ, который держалъ ассистентъ за баталіоннымъ знаменемъ, пожелалъ имѣть его при себѣ—и флагъ былъ переданъ конвою Его Высочества.

(*) Въ плѣнъ взято: 7-мь пашей, 26-ть штабъ-офицеровъ, 224 оберъ-офицера и до 7-ми тысячъ нижнихъ чиновъ. Трофеями боя были: 2 знамени, 35-ть орудій и до 8,000 ружей. (Официально).

Ред.

Войска, пройдя церемоніальнымъ маршемъ мимо Главнокомандующаго, стали расходиться на новыя позиціи у кр. Карса. Къ вечеру 4-го октября баталіонъ сталъ лагеремъ у дер. Визинъ-кей на дорогѣ въ Карсъ.

Послѣ полнаго пораженія арміи Мухтара-паши главныя силы наши, получивъ новыя назначенія, согласно диспозиціи 6-го октября, раздѣлились на три отдѣльные отряда: карскій блокадный—генералъ-лейтенанта Лазарева, согаплугскій—генерала Геймана и резервъ къ послѣднему, подъ начальствомъ генералъ-маіора Соловьева (*).

Нашъ баталіонъ вошелъ въ составъ карскаго отряда, первоначальною цѣлью котораго было наблюденіе за Карсомъ и прекращеніе прибытія къ нему подкрѣпленій и подвозовъ (11).

4-й стрѣлковый баталіонъ, вмѣстѣ съ тремя полками 40-й дивизіи, двумя ротами саперъ, 1-ю кавалерійскою дивизіею, двумя батареями 40-й артилерійской бригады, занялъ позицію у сел. Мацра на правомъ берегу рѣки Карсъ-чая.

Проходя вблизи бывшей турецкой позиціи на мал. Ягны, мы замѣтили нѣсколько труповъ, обнаженныхъ и уже разложившихся. Это были несчастныя жертвы боя 20-го сентября. А судя потому что тѣла были не погребены, можно было почти безошибочно подозрѣвать, что это были наши. Подозрѣніе подтвердилось тѣмъ, что возлѣ одного трупа валялся исписанный клочекъ бумажки, относившійся къ солдатамъ и офицерамъ несвижскаго полка, и составлявшій письмо солдата въ Москву къ его роднымъ.

Такой образъ дѣйствій турокъ, по уборкѣ раненыхъ и убитыхъ русскихъ, подтверждалъ всѣ тѣ слухи о жестокомъ обращеніи, которымъ прежде вѣрилось съ трудомъ.

(*) Войска главныхъ силъ были раздѣлены на три отряда: 1-й) согаплугскій, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Геймана, изъ 20-ти баталіоновъ пѣхоты, 19½ эскадроновъ и сотенъ, при 66-ти орудіяхъ; 2-й) резервъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Соловьева, изъ 8-ми баталіоновъ, 6-ти сотенъ и 32-хъ орудій; 3-й) карскій, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Лазарева, изъ 31-хъ баталіоновъ, 34-хъ эскадроновъ и сотенъ, при 126-ти орудіяхъ. (Офиціально).

Ред.

Занявъ позицію у сел. Мацра, войска приступили къ работамъ по укрѣпленію ея.

Съ 10-го октября цѣль и расположеніе отрядовъ нѣсколько видоизмѣняется, что и было выражено въ особомъ дополненіи къ диспозиціи на 6-е октября (12).

Со дня занятія частными колоннами блокаднаго отряда различныхъ пунктовъ, заслуживавшихъ вниманія въ стратегическомъ и тактическомъ отношеніяхъ, начинается и полная тѣсная блокада Карса.

4-й стрѣлковый баталіонъ, ставъ съ прочими частями войскъ у сел. Мацра, составилъ отрядъ свиты Его Величества генералъ-маіора Гурчина и занялъ пунктъ на чалгаурскихъ высотахъ противъ шорахскихъ укрѣпленій. Этотъ пунктъ, согласно общему распоряженію, былъ укрѣпленъ фортификаціонными работами полевой профили, что впрочемъ не мѣшало этой позиціи быть почти идеальною; защитники могли легко держаться противъ непріятеля въ десять разъ сильнѣйшаго. Скатъ, круто, а въ иныхъ мѣстахъ обрывисто, спускавшійся къ Карсу, увѣнчанный ложементами для стрѣлковъ и углубленными батареями, дѣйствительно былъ страшенъ для наступающаго. Черезъ нѣсколько дней, отрядъ генералъ-маіора Гурчина спустился къ подошвѣ Чалгаура и занялъ позицію, на разстояніи орудійнаго выстрѣла отъ фортовъ на шорахскихъ высотахъ, у д. Чалгауръ.

По занятіи, указанныхъ въ диспозиціи, пунктовъ, отрядъ генералъ-лейтенанта Лазарева приступилъ къ удаленію жителей изъ селеній, находившихся между Карсомъ и линіею нашихъ блокадныхъ войскъ. Приняты также были самыя строгія мѣры къ пресѣченію всякихъ сообщеній гарнизона кр. Карса съ Эрзерумомъ и окрестною мѣстностью.

Запертые тѣсно войсками карскаго блокаднаго отряда, турки повидимому рѣшились сидѣмъ отсиживаться. Въ теченіи всего времени блокады они не рѣшились ни на одну вылазку. А сформированныя нами пѣшія и конныя охотничьи команды, ведя безпрерывную ночную войну, рядомъ внезапныхъ нападеній то здѣсь, то тамъ, заставляли турокъ всегда держать сильныя дежурныя части въ фор-

тахъ, что, при зимнемъ времени и отсутствіи теплой одежды и способствовало развитію тифа, значительно и ежеминутно ослаблявшаго карскій гарнизонъ.

ГЛАВА VIII.

Стоянка во время блокады.—Перемѣна позиціи.—Диспозиція для штурма.—Наступленіе на Сувари.—Дѣйствія охотниковъ и отдѣльные подвиги прапорщика Крючкова, вольноопредѣляющагося Криштопенки и стрѣлковъ Потапова, Харламова, Колесникова.—Подвигъ прапорщика Малинина.—Взятіе штурмомъ укрѣпленія.—Наступленіе къ Чиму.—Смерть командира баталіона подполковника князя Меликова.—Обратное движеніе отъ Чима къ Сувари, оттуда къ ставкѣ Главнокомандующаго и потомъ въ главный резервъ.—Паденіе и сдача Карса.—Потери баталіона.

О предстоявшихъ операціяхъ нашихъ относительно Карса, носились самые разнообразные слухи. Всѣхъ наболѣе пугала возможность правильной осады, а слѣдовательно и зимовка въ лагерѣ, тогда какъ начались уже весьма чувствительные морозы, доходившіе ночью до 16°. Вездѣ лежалъ большой снѣгъ, на чалгаурскихъ высотахъ было его до полуаршина.

Благодаря полушубкамъ, стрѣлки мало терпѣли отъ стужи и непогоды; офицеры давно уже замѣнили интендантскія палатки конусообразными турецкими, по устройству и качеству матеріала, болѣе соотвѣтствующія назначенію. Въ каждой изъ этихъ палатокъ былъ импровизированный каминъ, который, требуя мало дровъ, очень скоро нагрѣвалъ жилье, заброшенное сверху снѣгомъ. Однако ни полушубки, ни вообще искусственныя согрѣванія и питательная обильная пища не могли предупредить усиливавшагося съ каждымъ днемъ числа заболѣвавшихъ. Непогода и тяжелая сторожевая служба стали оказывать свое вліяніе на менѣе здоровыя натуры солдатъ и офицеровъ. Не только у насъ, но и во всемъ отрядѣ господствовало убѣжденіе, что лучше штурмъ и какой бы то ни былъ исходъ, чѣмъ возможная смерть отъ болѣзни и невзгодъ—

хотя бы даже и не на морозѣ, а въ госпитальномъ паметѣ. И такого рода побужденія, сказать правду, не могли не принести благотворныхъ послѣдствій въ тѣ минуты, когда, спустя нѣсколько дней, разрѣшилась наконецъ участь Карса и наша собственная. Тѣмъ временемъ дни и часы тянулись скучно и однообразно, развѣ иногда какой нибудь удачный набѣгъ охотниковъ, поднимавшій на ноги чуть-ли не весь гарнизонъ на шорахскихъ высотахъ, или появленіе дезертира изъ Карса нарушали монотонность жизни нашего небольшаго отряда.

2-го ноября баталіонъ перешелъ сначала на новую позицію къ сел. Джавра, а потомъ сталъ впереди Верапъ-Кала, на правомъ берегу Карсъ-чая.

Только эти передвиженія и нѣкоторыя секретныя распоряженія подавали надежду на близость желаннаго, хотя для многихъ и роковаго, дня. Дѣйствительно, 5-го ноября, въ два часа пополудни была получена диспозиція для штурма Карса, по которой 4-й стрѣлковый баталіонъ, съ двумя баталіонами кубанскаго пѣхотнаго полка, долженъ былъ составить отдѣльную колонну, подъ командою своего командира подполковника князя Меликова. Назначеніемъ этой колонны было взятіе форта Суари и фланговое содѣйствіе, со стороны города, колоннѣ генерала Комарова при фронтальной атакѣ форта Чима.

По полученіи диспозиціи лагерь замѣтно оживился. Всѣ поняли, что готовится великое, хотя и тяжелое, дѣло; всѣ сознавали, что оно потребуетъ у каждаго силу, умѣнье, можетъ быть самую жизнь, и что если при этихъ жертвахъ цѣль будетъ достигнута, то успѣхъ удивитъ міръ, и въ русскую исторію войдетъ новая славная страница о фактѣ по истинѣ замѣчательномъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что при такомъ настроеніи одушевленіе росло столь же быстро, какъ наступала давно желанная минута.

Около шести часовъ вечера, колонна князя Меликова вытянулась изъ лагеря, слѣдуя по правому берегу рѣки Карсъ-чая, по направленію къ Карсу. Баталіоны шли въ походномъ порядкѣ. Скоро сумерки смѣнились морозною ноябрьскою ночью. Кругомъ было тихо, такъ тихо, что даже движеніе колонны не мѣшало ино-

гда слышать глухое журчаніе Карсъ-чая, катившаго свои волны въ отлогихъ берегахъ. Эта торжественная тишина лишь изрѣдка нарушалась рокотомъ какого нибудь отдаленнаго выстрѣла, послѣ котораго наступало вновь какое то зловѣщее молчаніе. Поля, отдаленныя вершины горъ и чистое небо были облиты матово-золотистымъ свѣтомъ мѣсяца, который, будто нехотя, лѣниво освѣщалъ намъ дорогу. Въ другое время залюбоваться бы этою картиною, но въ тѣ минуты, когда сердца бились такъ напряженно, когда они были полны глубокою заботою о предстоявшей развязкѣ, всѣ прелести чудной ночи, а съ нею и грознаго молчанія природы, были дѣломъ второстепеннымъ. Напоръ чувствъ, дорогія воспоминанія, надежды у однихъ и предчувствія у другихъ превозмогали всѣ остальныя впечатлѣнія. Направо лежала равнина, постепенно поднимавшаяся къ востоку, на горизонтѣ ея чуть-чуть мерцали лагерные огни нашихъ отрядовъ, покинувшихъ теперь свои полотняные городки. Скоро колонна, замѣтивъ впереди непріятельскіе посты, перестроилась въ боевой порядокъ. Стрѣлковый баталіонъ и одинъ баталіонъ кубанскаго полка, построившись поротно въ двѣ линіи, составили авангардъ, другой баталіонъ кубанскаго полка образовалъ общій резервъ. Въ такомъ порядкѣ, предшествуемые охотниками, бывшими подъ командою прапорщика (нынѣ подпоручика) Крючкова, мы подвигались впередъ.

Наконецъ, раздалось нѣсколько ружейныхъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Мы подвигались съ величайшею осторожностью, такъ какъ строго было приказано не отвѣчать на огонь турокъ, а идти безъ выстрѣла до самаго форта. Немного погодя, колоннѣ данъ былъ роздыхъ. Когда двинулись дальше, то, вскорѣ, стали обрисовываться шорахскія высоты. Набѣгавшія тучки повременамъ скрывали колонну и грозно чернѣвшія впереди укрѣпленія. Для обезпеченія нашего лѣваго фланга, со стороны Карсъ-чая высланы были подъ командою прапорщика Артамонова охотники, которымъ велѣно слѣдовать по берегу рѣки.

Вдругъ, почти гробовая тишина была нарушена орудійными и ружейными выстрѣлами, раздавшимися изъ Карса и слившимися въ одинъ оглушительный трескъ и громъ. Вправо и впереди отъ насъ

также началась сильная канонада.

Стрѣлки и кубанцы, не отвѣчая на долетавшія уже пули, всетаки молчали, быстро подаваясь впередъ. Съ каждымъ шагомъ разстояніе, отдѣлявшее двухъ враговъ, становилось все меньше и меньше... Вотъ уже ясно видпѣется и брустверъ Сувари. Роковой моментъ недалекъ, а съ приближеніемъ его и дыханіе становилось порывистѣе.

Раздались и противъ насъ ружейные выстрѣлы съ Сувари. Въ это время баталіонъ былъ шагахъ въ трехстахъ отъ укрѣпленія, а охотники, по возможности, укрывая себя и, не обнаруживая *ни однимъ выстрѣломъ, успѣли перебѣжать ровъ форта и, въ ожиданіи баталіона, залегли на наружной покатости брустверa, оцѣпивъ его почти до горжи. Маневръ былъ произведенъ такъ мастерски*, что туркамъ и въ умъ не пришло и никакого подозрѣнія не являлось насчетъ столь близкаго и неудобнаго для нихъ сосѣдства. Они продолжали торопливую пальбу. Въ это время стрѣлки охотники, не имѣя возможности вредить имъ оружіемъ, хватали горстями землю и бросали ее непріятелю въ глаза, нѣкоторые выхватывали у нихъ изъ рукъ ружья, въ то мгновеніе, когда они клали ихъ на гребень бруствера. Среди всего этого, моментально пронеслось отрывистое „ура!“, и колонна бросилась впередъ, какъ всеразрушающій ураганъ. Но знакомый намъ всѣмъ, голосъ командира крикнулъ „шагомъ!“—и остановилъ первый порывъ. Всѣхъ поразило недоумѣніе. Въ головѣ каждаго мелькнула мысль: не на маневрахъ же мы! И, какъ бы въ разрѣшеніе этого вопроса, неожиданно раздался у насъ надъ самымъ ухомъ залпъ нѣсколькихъ орудій. Гранаты пронизѣли надъ головами.

Грозная и страшная дѣйствительность возстала предъ нами во всей своей поражающей грандіозности. Воздухъ дрогнулъ отъ второго „ура!“, и сперва охотники, а за ними и баталіоны, частью съ горжи, а частью съ фронта, ворвались въ укрѣпленіе и грудь съ грудью схватились съ непріятелемъ.

Впереди всѣхъ были прапорщикъ Крючковъ и рядовой 2-й роты Андрей Потаповъ, землякъ и пріятель уже извѣстнаго намъ Харламова. Они первые вскочили внутрь форта, за ними и осталь-

ные охотники (*).

Надъ головою Потапова сверкнуло при лунномъ свѣтѣ нѣсколько артилерійскихъ сабель, но товарищи, бывшіе уже подъ рукою, отбили ударъ, сбросили турокъ штыками и всѣ вмѣстѣ рипулись впередъ—прямо къ орудіямъ.

Въ эту минуту блеспула сабля и надъ Крючковымъ, и когда этотъ храбрый офицеръ имѣлъ полное право не считать уже себя болѣе жильцомъ нашего міра—откуда ни возмись Харламовъ.... Не успѣлъ турокъ описать въ воздухѣ своимъ оружіемъ и четверть круга, какъ штыкъ Харламова пропзилъ его въ грудь, войдя въ нее до самаго дула. Скоро нѣсколько орудій слетѣло съ лафетовъ; у другихъ были выворочены замки. Ружейная пальба гремѣла, пулями сѣяло со всѣхъ сторонъ, но тѣмъ неменѣе бой преимущественно происходилъ на штыкахъ. Цѣлый рядъ славныхъ незабвенныхъ подвиговъ нашихъ стрѣлковъ увидѣли турки у себя передъ глазами.

Вотъ, также впереди другихъ, вольноопредѣляющійся 2-й роты унтеръ-офицеръ Георгій Крыштопенко неожиданно очутился въ толпѣ турецкихъ солдатъ. Ворвавшіеся уже въ фортъ стрѣлки и кубанцы преслѣдуютъ эту толпу штыками и прикладами, а она, ошеломленная этимъ молодецкимъ натискомъ, быстро отступаетъ къ выходу. Темнота въ укрѣпленіи и, преимущественно, пороховой дымъ мѣшали Крыштопенкѣ разсмотрѣть ту среду, въ которую онъ попалъ, и, воображая что окруженъ своими, онъ съ нею подвигался все впередъ, локоть о локоть. Туркамъ же, пораженнымъ паникою, было не до распознаванія лицъ и одежды.

Но, когда дымъ сталъ рѣдѣть и, опомнившаяся отъ испуга, толпа кинулась въ разныя стороны, Крыштопенко былъ узнанъ и въ одно мгновеніе получилъ нѣсколько сильныхъ ударовъ какимъ-то тупымъ орудіемъ въ бокъ и въ грудь. Оглушенный сначала этими ударами, но потомъ быстро опомнившійся, юный герой увидѣлъ себя окруженнымъ десятками двумя турецкихъ солдатъ. Со-

(*) Въ числѣ первыхъ вскочившихъ въ фортъ былъ капитанъ Горскій, бросившійся съ 4-ю ротою съ восточной стороны. За этотъ подвигъ кап. Горскій удостоился получить орденъ св. Георгія 4-ой степени.

Авт.

образивъ свое положеніе, и видя что пока остался живъ и что у турокъ штыки не примкнуты, Крыштопенко началъ выбиваться изъ толпы, расчищая себѣ путь штыкомъ и прикладомъ. Благодаря физической силѣ и неустрашимости, ему удалось выйти неповрежденнымъ по проторенной имъ же дорогѣ, устланной тринадцатью убитыми имъ турками.

Выбившись изъ силъ, Крыштопенко, тяжело переводя духъ, направился къ своей ротѣ, и по пути вдругъ опять наткнулся на непріятельскаго офицера, прокрадывавшагося къ своему лагерю съ сумкою, изъ которой торчали какія-то бумаги. Предполагая, что эти бумаги могутъ быть намъ нужны или заслуживаютъ вниманія, Крыштопенко рѣшилъ завладѣть ими, и 14-я жертва пала подъ ударомъ богатыря.

Спустя полчаса, неустрашимый герой на своихъ плечахъ выносилъ изъ подъ верковъ форта Чима тяжело раненаго стрѣлка (13).

Подобно Крыштопенкѣ, рядовой 1-й роты Петръ Колесниковъ, съ нѣсколькими товарищами, также былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ турками. Увидѣвъ свое критическое положеніе, Колесниковъ, недолго думая, скомандовалъ „на руку!“ бросился въ штыки, пробилъ себѣ дорогу и обратилъ въ бѣгство цѣлый десятокъ турокъ, которыхъ напутствовали наши молодцы своими выстрѣлами (14).

Наконецъ, когда колонна ворвалась въ укрѣпленіе, нѣсколько десятковъ стрѣлковъ, бывшихъ на флангѣ, какъ-то отдѣлились въ сторону и, случайно, наткнулись на батарею изъ нѣсколькихъ полевыхъ орудій. Не теряя времени и, не давая туркамъ опомниться, находившійся среди стрѣлковъ прапорщикъ Малининъ, несмотря на крайнее превосходство турокъ числомъ, бросился къ орудіямъ, перекололъ отчаянно защищавшихся артилеристовъ и обратилъ въ бѣгство нѣхотное прикрытіе. Затѣмъ, вынувъ замки изъ орудій, Малининъ собралъ своихъ людей и поспѣшилъ присоединиться къ баталіону, стягивавшемуся уже послѣ штурма Сувари для наступленія къ Чиму.

Всѣ эти одиночные подвиги и по истинѣ чудеса храбрости, наконецъ общее одушевленіе и движеніе, словно на какомъ нибудь разгорѣвшемся пиру, сдѣлали свое дѣло: изъ всѣхъ закоулковъ

форта, турки бѣжали къ выходу, перескакивали черезъ брустверъ, метались какъ угорѣлые, ища спасенія въ бѣгствѣ. Пальба стихала, добивали уже отсталыхъ, попадавшихся подъ руку, то тамъ, то сямъ. Кто уцѣлѣлъ—бѣжалъ въ городъ или къ Чиму, многіе изъ послѣднихъ погибли въ Карсъ-чаѣ, провожаемые нашими пулями и штыками. Въ девять часовъ вечера, фортъ былъ очищенъ и занятъ 4-мъ стрѣлковымъ баталіономъ и 2-мъ баталіономъ кубанцевъ, знамена которыхъ побѣдоносно рѣяли надъ укрѣпленіемъ, павшимъ первымъ, подъ молодецкими ударами штурмовой колонны. Впослѣдствіи, въ память этого славнаго штурма и послѣдовавшей затѣмъ геройской смерти князя Меликова, въ Бозѣ почившему, Государю Императору, угодно было фортъ „Суари“ наименовать „Князь-Меликовъ“. Взятіе Суари стоило намъ двухъ раненыхъ легко офицеровъ (подпоручиковъ Развадовскаго и Емануеля) и пяти нижнихъ чиновъ.

Очистивъ фортъ отъ турокъ, кн. Меликовъ оставилъ въ немъ одинъ баталіонъ кубанскаго полка, а съ остальными двумя переправился черезъ Карсъ-чай—частью въ бродъ, а частью по имѣвшемуся мостику—и быстро двинулся къ форту Чиму, для облегченія атаки генерала Комарова. По переходѣ рѣки, кн. Меликовъ направилъ 4-ю роту, подъ командою капитана Горскаго, влѣво для связи съ колонною, долженствовавшею вести атаку на Чимъ съ фронта. Стрѣлки, выйдя на лѣвый берегъ и, едва успѣвъ занять кладбище, были осыпаны свинцомъ и картечью съ форта, и во флангъ изъ крайнихъ домовъ города.

Остановивъ баталіоны, подполковникъ кн. Меликовъ рѣшилъ сначала обрекогносцировать подступъ къ форту и съ этою цѣлью, взявъ двадцать стрѣлковъ, направился вправо отъ боевой линіи. Но едва онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ былъ раненъ пулею, вслѣдствіе чего и принужденъ былъ сдать команду старшему по себѣ штабъ-офицеру. Будучи уже на носилкахъ, князь послалъ Поручика Шадинова за подкрѣпленіемъ, такъ какъ по случаю большой потери въ людяхъ отъ убійственнаго огня и по неимѣнію резерва, не считалъ возможнымъ атаковать столь сильный фортъ.

Страдая отъ мучительной боли, но забывая эти страданія,

князь продолжалъ передавать распоряженія и планы дальнѣйшаго дѣйствія. Однако герою не суждено было довести до конца такъ блистательно начатое имъ трудное дѣло, успѣхъ котораго вполнѣ принадлежитъ предусмотрительности и храбрости кн. Меликова. Не успѣли санитары перенести носилки черезъ Карсъ-чай, какъ вторая роковая пуля настигла отважнаго командира и поразила его въ животъ навылетъ.

Послѣ невѣроятныхъ мученій онъ скончался 6-го ноября, въ 6-ть часовъ утра (15).

Послѣ кн. Меликова, начальствованіе надъ колонною принялъ подполковникъ кубанскаго полка Мочкинъ, который и повелъ баталіоны къ Чиму.

Очутившись подъ адскимъ перекрестнымъ огнемъ изъ форта и окраины города, мы несли сильныя потери. Этотъ сосредоточенный огонь окончательно убѣдилъ подполковника Мочкина, въ зародившемся дотолѣ предположеніи, что колонна генералъ-маіора Комарова еще не показалась въ виду Чима.

Въ это время убитыхъ у стрѣлковъ и кубанцевъ было много, а раненыхъ еще больше. Между тѣмъ, со стороны непріятеля огонь все усиливался. Не видя поддержки и, не зная ничего о судьбѣ колонны Комарова, подполковникъ Мочкинъ рѣшилъ отойти къ Сувари. И вотъ, ротамъ, во второй разъ, пришлось переходить р. Карсъ-чай при такомъ сильномъ морозѣ, каковъ былъ въ эту знаменитую ночь.

Вскорѣ по отступленіи въ Сувари, пріѣхалъ отъ генерала Лазарева какой-то казачій офицеръ, узнать въ какомъ положеніи находится дѣло. Получивъ требуемыя свѣдѣнія и просьбу о присылкѣ хотя одного баталіона въ подкрѣпленіе, въ виду того, что колонна генералъ-маіора Комарова для штурма Чима еще не показывалась, онъ сообщилъ намъ, что атака на Каплы отбита, и что едва-ли возможно будетъ удовлетворить нашему требованію Подполковникъ Мочкинъ простоялъ въ Сувари до четырехъ часовъ пополуночи, всетаки ожидая колонну генерала Комарова и, между прочимъ, находясь въ полной неизвѣстности, какъ относительно ея, такъ равно и нашихъ дѣйствій на другихъ пунктахъ. Некого было и послать за

всѣми этими свѣдѣніями, такъ какъ казаки и проводникъ, находившіеся при подполковникѣ князѣ Меликовѣ и отправившіеся съ нимъ на перевязочный пунктъ, неизвѣстно куда дѣлись. Въ виду всего этого, и стягивавшихся съ артилеріею непріятельскихъ колоннъ, угрожавшихъ нашему флангу, равнымъ образомъ видя огонь справа, далеко позади насъ, подполковникъ Мочкинъ приказалъ отступать къ перевязочному пункту, но, не получивъ и здѣсь никакихъ желаемыхъ свѣдѣній, рѣшился продолжать отступленіе къ резерву, причемъ сбившись съ дороги направилъ баталіоны на видиѣвшійся костеръ. Къ разсвѣту мы пришли къ ставкѣ Его Высочества, откуда и были съ проводникомъ направлены къ генералъ-лейтенанту Лазареву, находившемуся противъ укрѣпленія Каплы. При обратномъ слѣдованіи колонны, въ то время, когда она проходила въ виду карскихъ укрѣпленій, по ней былъ открытъ артилерійскій огонь. Съ прибытіемъ нашимъ къ главному резерву, въ восемь часовъ утра, было получено генералъ-лейтенантомъ Лазаревымъ донесеніе о паденіи и сдачѣ Карса.

Общая потеря баталіона при взятіи штурмомъ Карса состояла изъ двадцати восьми убитыхъ, семидесяти девяти раненыхъ и двадцати одного контуженаго нижняго чина. Кромѣ подполковника князя Меликова, ранены, подпоручики Развадовскій и Емануель; кромѣ того безъ вѣсти пропало шесть нижнихъ чиновъ ([15]).

ГЛАВА IX.

Выступленіе въ составъ соганлугскаго отряда.—Невзгоды по продовольствію и зачатки эпидеміи.—Движеніе въ долину Ефрата.—Перестрѣлка у Гиниса.—Занятіе съ боя селеній Тепе-кей и Тузчи; стоянка на этой позиціи и посѣщеніе ея начальникомъ бригады.—Вступленіе въ командованіе баталіономъ полковника Сагинова.—Перемиріе.—Сдача Эрзерума.—Перемѣна позиціи.—Освобожденіе плѣннаго бакинца.—Вступленіе въ Эрзерумъ.—Тифъ.—Положеніе больныхъ и баталіона вообще.—Транспортировка больныхъ.—Телеграмма.—Ослабленіе эпидеміи.—Выступленіе въ лагерь.—Число больныхъ къ 1-му апрѣля.—Занятія.—Пополненіе нижними чинами.—Праздникъ въ честь генерала Лазарева.—Смерть Развадовскаго.—Отступленіе въ свои предѣлы.—Смотръ.—Прибытіе въ Тифлисъ.—Демобилизація.—Награды.

По взятіи Карса мы оставались три дня на позиціи Кучукъ-кой, а 9-го ноября перешли въ крѣпость.

Недолго пришлось намъ здѣсь отдыхать: 16-го числа, мы выступили въ Гасанъ-кала, въ составъ войскъ соганлугскаго отряда.

Походъ былъ непродолжителенъ, но труденъ. Соганлугскій хребетъ былъ уже покрытъ глубокимъ снѣгомъ; морозъ доходилъ до 20°. Это бы все еще ничего, но дѣло въ томъ, что здѣсь баталіону впервые пришлось испытать всѣ невзгоды по продовольствію.

Интендантство кобулетскаго отряда, сравнительно съ интендантствомъ главныхъ силъ, положительно щеголяло своими провіантскими запасами, и недостатка въ нихъ мы никогда не встрѣчали; отпускъ всегда производился своевременно. Положимъ, что затрудненій въ отпускѣ мы не встрѣчали и въ дѣйствующемъ корпусѣ до перехода за Соганлугъ, но получавшійся провіантъ не былъ такъ доброкачественъ, какъ въ приіонскомъ отрядѣ. За то, начиная съ самаго Соганлуга и до перехода въ долину Ефрата, мы почти не имѣли соли, и одно время получали даже муку вмѣсто сухарей и недоумѣвали, что съ нею дѣлать.

Такая разница въ продовольствіи была весьма чувствительна послѣ того, какъ нижніе чины привыкли постоянно довольствоваться полутора-фунтовою дачею мяса и, благодаря заботливости начальника бригады и ближайшихъ командировъ, кашею, чаемъ, а въ непастные дни, или при усиленныхъ переходахъ, и винною порціею.

Чаепитіе привилось у солдатъ какъ нельзя лучше, и правилось имъ. Какъ бы не были они утомлены и какъ бы поздно, во время похода, не приходили на позицію, а котелки съ чаемъ всетаки не заставляли себя ждать. Выступая съ ночлега или дневки, солдатъ обыкновенно освѣдомлялся у жителей: имѣется-ли лѣсъ въ той мѣстности, куда идетъ отрядъ. И если отвѣтъ получался отрицательный, то въ ранецъ „купеческому сынку", какъ нѣкоторые чаепійцы назывались въ шутку товарищами, прибавлялось фунта два дровъ или кизяковъ, которые онъ такимъ образомъ тащилъ на своей спинѣ верстъ 30—40. Когда по мѣстнымъ условіямъ, или по обстоятельствамъ времени, полученіе чая изъ пограничныхъ городовъ Закавказья встрѣчало затрудненіе, то людямъ раздавался цикорій, который пользовался у нихъ такою же популярностью, какъ и чай, а нѣкоторые даже и предпочитали его послѣднему.

Всѣ эти удобства, со вступленіемъ на Соганлугъ, перестали быть обыкновеніемъ; въ особенности мы не видѣли и не знали ихъ при слѣдованіи черезъ кечкинскій перевалъ по долинѣ р. Ефрата, къ хребту Палапъ-Текенъ-дагъ, на отлогостяхъ котораго, въ д.д. Махаида, Тепе-кей и Тузчи, баталіонъ былъ расположенъ въ декабрѣ 1877-го года, январѣ и февралѣ 1878-го года.

Вообще, когда мы перевалили черезъ Соганлугъ, интендантство будто совсѣмъ забыло объ насъ, и мы очутились въ безвыходномъ положеніи, предоставленные себѣ самимъ и своимъ собственнымъ попеченіямъ на счетъ продовольствія. Лучше всего объ этомъ свидѣтельствуютъ приказы по войскамъ соганлугскаго отряда, 11-го января 1878-го года № 5, и по войскамъ авангарда правой колонны, 12-го января 1878-го года № 9-й. Согласно этимъ приказамъ, баталіонъ пріобрѣталъ пшеницу у мѣстнаго населенія по справочнымъ цѣнамъ, перемалывалъ ее, не безъ большихъ затрудненій по времени года и по числу бывшихъ въ распоряженіи нашемъ мельницъ, въ муку, и сію послѣднюю перепекалъ въ хлѣбъ. Но этотъ комфортъ возможенъ былъ только во время стоянокъ въ деревняхъ. На походѣ же, когда по пути попадались одни только пустые и полуразрушенные аульчики, люди ограничивались тѣмъ, что изъ этой муки приготовляли себѣ болтушку.

Правда, мясо выдавалось, даже варилась горячая пища, но что могли они значить безъ соли! Конечно солдаты вынимали изъ котла только одно это мясо, а похлебку выливали вонъ.

Вотъ гдѣ лежало начало эпидеміи, которая не давала пощады никому—но объ этомъ будемъ говорить далѣе, въ своемъ мѣстѣ, пока же не станемъ опережать событій.

Въ Гасанъ-кала баталіонъ прибылъ черезъ 12-ть дней марша, и, оттуда тотчасъ направленъ черезъ кечкинскій перевалъ въ долину р. Ефрата—для блокады Эрзерума. Туда были двинуты и части 39-й и 40-й пѣхотныхъ дивизій, съ соотвѣтствующимъ числомъ артилеріи и кавалеріи, съ цѣлью прервать сообщеніе Эрзерума съ Байбуртомъ, Трапезондомъ, Батумомъ и Ваномъ. Части эти заняли линію отъ кечкинскаго перевала до хребта Палантекенъ-дагъ, на скатѣ котораго была крайняя позиція праваго фланга нашихъ блокадныхъ войскъ.

Получивъ приказаніе двинуться въ долину Ефрата, черезъ кечкинскій перевалъ, баталіонъ, оставивъ обозъ въ сел. Верхній-Туй, направился къ дер. Кечкъ только со вьюками.

Поднимаясь, съ чрезвычайными усиліями, по покатости, доходившей въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 30° и по глубокому снѣгу, надъ обрывистыми берегами пропастей, двигаясь почти гуськомъ по едва замѣтной тропѣ, мы послѣ нѣсколькихъ часовъ взобрались на кечкинскій перевалъ, имѣющій отъ восьми до девяти тысячъ футъ высоты.

Съ перевала скоро открылась живописная долина, на снѣжныхъ поляхъ которой чернѣлись разбросанныя селенія и группы деревьевъ. Прямо у ногъ нашихъ, у двухъ небольшихъ холмовъ, раскинулась небольшая деревня Кечкъ, къ которой, крутыми зигзагами, сбѣгала горная дорога. Она была единственнымъ путемъ въ долину Ефрата со стороны Гасанъ-кала, и, будь турки нѣсколько дальновиднѣе, они могли-бы приготовить, до наступленія русскихъ за Соганлугъ, второе Деве-Бойну, чему много способствовала мѣстность лѣтомъ трудно-доступная, а зимою окончательно неприступная. Но они ограничились небольшимъ наблюдательнымъ кавалерійскимъ отрядомъ, выставленнымъ въ Кечкъ, откуда сувари, (регу-

лярная кавалерія) при приближеніи русскихъ, поспѣшили отступить къ армянскому селенію Гипсъ. Тамъ стояли главныя силы отряда турецкой кавалеріи, подъ начальствомъ нашего бѣглаго разбойника Меграли.

Переночевавъ къ Кечкъ, баталіонъ на слѣдующее утро двинулся форсированнымъ маршемъ къ Гипсу, гдѣ, поддерживая дербентцевъ, послѣ небольшой перестрѣлки оттѣснилъ турокъ къ Эрзеруму и занялъ богатое селеніе Гипсъ.

Тутъ, въ близлежащемъ армянскомъ монастырѣ, монахи охотно продали намъ ромъ своего приготовленія. Въ такую стужу намъ это было нелишнимъ столько же для насъ, кочевавшихъ по мѣстности покинутой жителями, сколько въ особенности для больныхъ и раненыхъ.

Въ послѣдующіе дни баталіонъ въ ожиданіи приближенія частей 39-й и 40-й пѣхотныхъ дивизій, двинулся къ горному кряжу Палапъ-Текенъ-дагъ, гдѣ и расположился на скатѣ въ селеніяхъ Тепе-кей и Тузчи, запявъ ихъ съ боя 30-го декабря.

Турки, угадывая планъ нашихъ дѣйствій и сознавая важность позиціи у Тузчи и Тепе-кей, расположенныхъ недалеко у входа въ ущелье, черезъ которое пролегала горная дорога, хотя окольная и весьма опасная по времени года, но все-таки еще единственная, по которой могло поддерживаться сообщеніе турокъ съ Эрзингіаномъ и Байбуртомъ—поспѣшили, въ виду всего этого, занять означенныя селенія своею пѣхотою и кавалеріею.

Подойдя къ подошвѣ Палапъ-Текенъ-дага, и видя что селеніе Тузчи занято турками, рѣшено было не медля оттѣснить ихъ. Построившись поротно въ двѣ линіи, баталіонъ, по поясъ въ снѣгу, двинулся къ с. Тепе-кей. Подойдя къ нему, мы перемѣнили фронтъ правымъ флангомъ впередъ и стали наступать во флангъ селенія, со стороны горнаго кряжа. Скоро завязалась перестрѣлка, продолжавшаяся съ 11-ти часовъ утра до четырехъ часовъ пополудни.

Несмотря на сильный ружейный огонь и сыпавшіяся съ форта гранаты восьмидюймовыхъ орудій, турки, охваченные съ ихъ лѣваго фланга, были сбиты съ позиціи. Цѣпь преслѣдовала отступавшихъ ружейнымъ огнемъ, до мельницы у входа въ ущелье. За

это дѣло баталіонъ получилъ восемь знаковъ отличія военнаго ордена и двѣ офицерскія награды.

Въ этотъ день у насъ были ранены три нижнихъ чина.

Занявъ позицію, баталіонъ вошелъ въ авангардъ правой колонны генерала Цытовича и образовалъ, такимъ образомъ, крайній правый флангъ блокирующей линіи.

Селенія были турецкія, имѣвшія отъ 100—150 домовъ. Расположившись въ нихъ, (1-я и 2-я роты въ Тузчи, а 3-я и 4-я со штабомъ въ Тепе-кеѣ) роты стали устраиваться на зимнюю стоянку, занимая сакли, вмѣщавшія въ себѣ немепѣе отдѣленія или взвода.

Сельскіе мухтары (старшины) охотно выполняли всѣ требованія ротныхъ командировъ, и черезъ нѣсколько дней люди размѣщались въ чистыхъ сакляхъ-земляпкахъ, отапливаемыхъ камипами, въ которыхъ въ теченіи цѣлыхъ сутокъ поддерживался огонь, причемъ люди были снабжены подстилкою изъ соломы и цыновокъ мѣстнаго издѣлія. Кухни, пекарни, конюшни, а впослѣдствіи даже и баня, были устроены удобно. Роты, покупая муку въ занятыхъ и близлежащихъ окрестныхъ селахъ, приготовляли вкусный пшеничный хлѣбъ.

Въ Тепе-кеѣ расположился и баталіонный околодокъ.

Хотя на сторожевую службу роты, вслѣдствіе топографическаго характера мѣстности, днемъ выставляли всего три-четыре наблюдательныхъ поста, усиливаемые только ночью, но всетаки для нихъ, имѣвшихъ очень малый наличный составъ, она была тяжела. Пикеты и дежурныя части удваивались, когда получались свѣдѣнія о намѣреніи Измаилъ-паши прорваться на дорогу.

Въ началѣ января, позицію нашу посѣтилъ начальникъ бригады, свиты Его Величества генералъ-маіоръ Гурчинъ. Ознакомившись съ довольствіемъ и размѣщеніемъ нижнихъ чиновъ, во всѣхъ мелкихъ подробностяхъ, генералъ Гурчинъ нашелъ все въ хорошемъ видѣ и порядкѣ и остался очень доволенъ заботливымъ отношеніемъ офицеровъ къ своимъ подчиненнымъ.

Вскорѣ прибыли, въ баталіонъ на позицію, 20-го стрѣлковаго баталіона поручики Петровичъ и Рубажевичъ, прикомандированные

для несенія службы, по распоряженію главнаго штаба.

Въ половинѣ января прибылъ новый нашъ командиръ полковникъ Сагиновъ и вслѣдъ затѣмъ, спустя нѣсколько дней, была получена телеграмма о заключенномъ перемиріи. Вслѣдствіе этого отдано было приказаніе о прекращеніи непріязненныхъ дѣйствій; затѣмъ, приступлено къ переговорамъ о сдачѣ намъ Эрзерума и назначеніи демаркаціонной линіи. Въ началѣ февраля началось очищеніе и передача турками Эрзерума нашимъ войскамъ, часть которыхъ заняла форты Азизіе и Меджидіе.

10-го февраля, въ девять часовъ утра, блокада города Эрзерума была снята и баталіонъ того же числа, оставивъ позицію у Тузчи и Тепе-кея, спустился въ долину и занялъ деревни Гезъ— на шоссе изъ Эрзерума въ Трапезондъ— и Чифтликъ, обѣ отстоящія отъ Эрзерума верстахъ въ двѣнадцати. 1-я и 2-я роты расположились въ Гезѣ, а 3-я и 4-я въ Чифтликѣ, деревняхъ со смѣшаннымъ населеніемъ армянъ и турокъ; первыхъ впрочемъ было гораздо болѣе.

На пути, мы встрѣтили нѣсколько таборовъ низама, изнуренныхъ и еле тащившихся изъ Эрзерума къ Эрзингіану, гдѣ Измаилъ-паша сосредоточивалъ остатки анатолійской арміи.

Въ Гезѣ мы застали двѣ турецкія батареи и таборъ пѣхоты, двигавшіеся изъ Эрзерума и остановившіеся здѣсь для ночлега. Обстоятельство это вызвало немало хлопотъ по размѣщенію 1-й и 2-й ротъ, назначенныхъ въ Гезъ. Турки принуждены были страшно стѣсниться на квартирахъ, часть изъ нихъ даже выступила къ Илиджѣ. Турецкіе артилеристы имѣли болѣе здоровый видъ и были очень недовольны, когда солдатики, подсмѣиваясь надъ ними, спрашивали: хорошъ-ли Эрзерумъ?

Уходя изъ Эрзерума, турки уводили съ собою и нашихъ плѣнныхъ. Такъ при слѣдованіи одного табора, проходившаго черезъ Гезъ, нами былъ замѣченъ въ серединѣ его рослый солдатъ, какъ оказалось, бакинецъ, взятый при штурмѣ Азизіе. Онъ сейчасъ же былъ освобожденъ нами и сданъ въ свою часть.

19-го февраля, въ Эрзерумѣ былъ парадъ и пальба изъ орудій, въ память восшествія на престолъ, въ Бозѣ почившаго Государ-

ря Императора Александра Николаевича.

На другой день утромъ, баталіонъ вступилъ въ городъ съ пѣсенниками во главѣ, чрезъ трапезондскія ворота.

Пройдя неширокія улицы, заброшенныя сугробами таявшаго снѣга, грязныя площади со множествомъ лавчонокъ, наполовину еще запертыхъ, мы расположились въ большихъ двухъэтажныхъ казармахъ турецкихъ суварн. Первое впечатлѣніе при вступленіи въ городъ не говорило въ его пользу.

На пути, намъ, то и дѣло, попадались печальныя, оригинальной конструкціи, колесницы, или вѣрнѣе ящики на колесахъ, съ жертвами тифа. Изъ подъ накрывавшаго ихъ куска черной матеріи торчало, во всякомъ такомъ ящикѣ, неменѣе десяти паръ голыхъ ногъ турецкихъ солдатъ.

Въ то время, въ Эрзерумѣ нетолько всѣ турецкіе госпитали, но много и частныхъ или казенныхъ зданій были заняты больными турецкими солдатами, которыхъ насчитывалось до нѣсколькихъ тысячъ. Ежедневно умирало ихъ нѣсколько десятковъ.

Давно уже не были застрахованы и мы сами отъ этого бича. Дурныя условія, которымъ мы были подчинены нѣкоторое время, а затѣмъ просто зараза, начали выносить у насъ жертву за жертвою. Болѣзнь стала разгораться еще въ то время, когда мы переваливли черезъ снѣжный и почти непроходимый кечкинскій перевалъ. Съ каждымъ шагомъ впередъ, число заболѣвавшихъ увеличивалось. Госпиталей вблизи не было, средствъ перевозочныхъ тоже. И вотъ, несчастныя жертвы тифа, злѣйшаго въ то время врага нашей арміи, должны были на вьючныхъ лошадяхъ, подъ открытымъ небомъ, въ стужу и морозъ, доходившій до 20°, тащиться нѣсколько десятковъ верстъ до Гасанъ-кала и Кепри-кей, центральныхъ, такъ сказать, складовъ больныхъ и ихъ кладбищъ. Да и тамъ-то на 1000 больныхъ приходилось два доктора, еле-еле передвигавшихъ ноги отъ усталости и отъ того же тифа.

На позиціи у д.д. Тузчи и Тепи-кей, въ баталіонномъ околодкѣ въ три-четыре дня скопилось 200 человѣкъ тифозныхъ; число это до іюня 1878-го года колебалось между 150—170, не считая отправляемыхъ въ госпитали и умершихъ; послѣднихъ бы-

ло ежедневно по 1-е марта среднимъ числомъ два.

Изъ двухсотъ-пятидесятнаго состава, роты имѣли въ строю только по двадцати рядовъ.

Недостатокъ удобнаго помѣщенія и прислуги, несвоевременная высылка хины, скученность въ одномъ мѣстѣ тифозныхъ и самое время года, съ каждымъ днемъ, увеличивали число больныхъ.

Положеніе частей и больныхъ ухудшилось до прибытія въ Эрзерумъ и вслѣдствіе того, что, стоя лицомъ къ лицу съ непріятелемъ, мы не имѣли никакихъ средствъ къ перевозкѣ заболѣвавшихъ, изъ долины Ефрата въ раіонъ внѣ военныхъ операцій.

Отъ Кепри-кея черезъ Гасанъ-кала, Кечкъ, Гипсъ, Омудумъ, Илиджу до Тузчи, на всемъ этомъ протяженіи стоявшія части 39-й и 40-й пѣхотныхъ дивизій скорѣе представляли лазареты, чѣмъ блокирующіе отряды, которымъ не сегодня, такъ завтра придется имѣть дѣло съ непріятелемъ.

Положеніе больныхъ въ баталіонномъ околодкѣ, хотя при числѣ 200 человѣкъ и при одномъ врачѣ, все-таки было сравнительно лучше.

Заботою начальника бригады и при содѣйствіи командира баталіона, врача Рябчевскаго и офицеровъ, для больныхъ были пріобрѣтены, за деньги, отъ жителей окрестныхъ селъ, теплыя одѣяла, тюфяки, или подстилки изъ сѣна и рогожъ. Только при такомъ уходѣ за больными врача Рябчевскаго, повозможности уменьшалась въ баталіонѣ смертность. Этотъ врачъ цѣлые дни проводилъ въ осмотрѣ больныхъ и раздачѣ имъ, собственноручно, лекарствъ.

Съ занятіемъ нашими войсками Эрзерума началось и транспортированіе больныхъ во внутрь Имперіи и кавказскаго края. Едва ли это не было для нихъ самымъ тяжелымъ испытаніемъ, потому что зимою и раннею весною, въ стужу, дождь и вѣтеръ, въ тряскихъ открытыхъ фургонахъ, приходилось имъ тащиться нѣсколько сотъ верстъ, то поднимаясь, то опускаясь на высоты въ 8000 футовъ. Мнѣ кажется, что ни одно перо даровитаго писателя, ни одна кисть художника не въ состояніи представить, такъ сказать, во всей наготѣ ту страшную картину положенія и страданія больныхъ, съ которыми была сопряжена перевозка ихъ отъ Эрзе-

рума до Александрополя.

Вообще, время, съ декабря 1877-го года по май 1878-го года, было крайне тяжелое для баталіона.

Телеграмма командующаго корпусомъ на кавказско-турецкой границѣ къ начальнику авангарда правой колонны генералъ-маіору Цытовичу, объявленная въ приказѣ по авангарду, отъ 29-го января 1878-го года за № 20, можетъ отчасти служить характеристикою серьезности положенія войскъ согаплугскаго отряда зимою 1877-го—1878-го г.г. Въ телеграммѣ этой между прочимъ говорится:

«Передайте отъ моего имени всѣмъ офицерамъ, что разсчитываю на энергичное содѣйствіе ихъ въ настоящее трудное для насъ время, и что заботы ихъ объ нижнихъ чинахъ будутъ одинаково оцѣнены, какъ прошлая доблестная боевая служба.»

Главною причиною ослабленія тифа во время нашей стоянки въ Эрзерумѣ была ассенизація города. Турки, смотря на наши усилія все очистить и привести въ порядокъ, крайне удивлялись этимъ заботамъ и говорили, что вѣрно намъ некуда дѣвать деньги. Далѣе, весенніе дожди значительно освѣжили городъ, смывъ съ улицъ грязь и нечистоты. Городъ сталъ похожъ на нѣчто порядочное.

Въ концѣ марта, роты были переведены изъ казармъ сувари—вслѣдствіе отвода ихъ подъ военно-временной госпиталь—въ помѣщеніе какого-то турецкаго склада.

Чтобы ослабить тифъ и уменьшить число заболѣвавшихъ, рѣшено было войска вывести изъ города, какъ только представится къ тому возможность. И вотъ, только что сталъ спѣгъ съ равнины по дорогѣ къ Карсу, восточнѣе Эрзерума, войска вышли въ лагерь и расположились длинною линіею отъ подошвы высотъ, на которой стоялъ фортъ Азизіе и, вдоль подошвы Палапъ-Текенъдага, восточнѣе форта Ахали.

Войска размѣщались частью въ войлочныхъ кибиткахъ, а частью въ палаткахъ.

29-го марта, баталіонъ разбилъ кибитки у карскихъ воротъ, внутри укрѣпленій, а въ маѣ перешелъ въ общій лагерь, раскинув-

шій бѣлыя палатки на 3—4 верстахъ протяженія.

Къ 1-му апрѣля, больныхъ 4-го стрѣлковаго баталіона считалось въ госпиталяхъ 453 человѣка и въ околодкѣ 144, всего 597, т. е. почти цѣлый составъ по мирному времени. Общую потерю отъ тифа въ соганлугскомъ отрядѣ насчитываютъ въ 15-ть тысячъ человѣкъ. Въ Эрзерумѣ, у ольтинскихъ воротъ и въ Гасанъ-Кала, остались наши кладбища, обнесенныя рвомъ и валомъ.

По выходѣ въ лагерь, легкія занятія по часу въ сутки, чистый горный воздухъ, обильная пища—скоро оказали свое благодѣтельное вліяніе, и число тифозныхъ начало быстро уменьшаться, въ іюнѣ же были только единичные случаи заболѣванія.

Съ іюня мѣсяца, число часовъ для занятій постепенно увеличивалось и, когда люди оправились, то начались сначала одиночныя, шереножныя ученья, прикладка, а потомъ ротныя да баталіонныя и курсъ практической стрѣльбы.

20-го іюня, баталіонъ былъ пополненъ нижними чинами, въ числѣ 251-го человѣка, изъ кавказскаго запаснаго стрѣлковаго баталіона; на прибывшія партіи молодыхъ солдатъ турецкое населеніе смотрѣло косо, поговаривая о возможности возобновленія военныхъ дѣйствій.

13-го іюня, общество офицеровъ баталіона устроило блистательный праздникъ въ честь командовавшаго корпусомъ генералъ-лейтенанта Лазарева, подъ главнымъ начальствомъ котораго баталіонъ совершилъ большую часть турецкой кампаніи, имѣя дѣла 20-го, 21-го сентября у Суботана, съ 27-го сентября по 4-е октября при обходѣ арміи Мухтаръ-паши и плѣненіи на высотахъ Базарджика арміи Омеръ-паши, наконецъ, при штурмѣ Карса и въ соганлугскомъ отрядѣ.

На праздникъ, устроенный въ лагерѣ у форта Ахали, приглашены были: начальникъ соганлугскаго отряда со штабомъ, военный губернаторъ генералъ-маіоръ Духовской съ супругою, всѣ начальники отдѣльныхъ пѣхотныхъ, артилерійскихъ и кавалерійскихъ частей и кромѣ того французскій консулъ г. Жильберъ съ семействомъ, персидскій консулъ и представители турецкихъ городскихъ властей.

Вечеромъ этого дня, назначена была въ лагерѣ заря съ церемоніею, привлекшая изъ города массы народа. Праздникъ начался по окончаніи зари.

Въ дневникѣ русской женщины изъ Эрзерума, этотъ праздникъ описанъ слѣдующимъ образомъ:

„Четвертый стрѣлковый баталіонъ долго находился еще въ Дагестанѣ подъ начальствомъ генерала Лазарева, а въ эту кампанію, неразъ, дѣйствовалъ въ сраженіяхъ подъ его же командой. Офицеры баталіона, желая выразить Ивану Давыдовичу свое почитаніе и признательность, устроили ему вечеръ въ лагерѣ. Замѣчательно затѣйливо и мастерски обставили стрѣлки свой праздникъ. Приближаясь къ стрѣлковому лагерю, не вѣришь своимъ глазамъ: поле, которое нѣсколько дней назадъ было усыпано камнями, волшебствомъ преобразилось въ садъ; поставлено нѣсколько арокъ и великолѣпно сдѣланныхъ транспарантовъ съ названіемъ разныхъ, блистательныхъ для русскихъ, сраженій и взятыхъ крѣпостей; аллеи покрыты пескомъ, разставлены зеленыя скамейки, вывѣшены разноцвѣтные флаги, а въ глубинѣ сада цѣлое роскошное зданіе, устроенное изъ палатокъ, кибитокъ и деревяннаго навѣса; тутъ была и большая гостинная, вся обитая коврами, шалями, въ ней диваны, кресла, столы, зеркала, люстры, тахты, канделябры, потомъ столовая, нѣсколько уютно устроенныхъ комнатъ съ карточными столами, дамская уборная (лишь для двухъ дамъ, madame Gilbert и я)—все это разукрашено гирляндами изъ полевыхъ цвѣтовъ. Послѣ зари съ церемоніею, зажгли всѣ фонари и свѣчи, обстановка при этомъ стала еще роскошнѣе. Въ саду стояли два хора музыкантовъ и нѣсколько хоровъ пѣсенниковъ.

Праздникъ вышелъ на славу, настоящій fête-monstre; приглашенныхъ была масса. До ужина устроились танцы; многіе офицеры, въ томъ числѣ и мужъ, танцовали за дамъ; веселье было общее. Офицеры, составивъ хоръ, очень стройно пѣли; особенно понравилась мнѣ задушевная пѣсня, выражающая тоску русскаго сердца по далекой родинѣ, по своей матери, благословляющей сына на войну. За ужинъ сѣло, приблизительно, человѣкъ полтораста; тостамъ не было конца; пріятно было видѣть съ какою лю-

бовью офицеры пили за здоровье солдатъ; послѣдніе хоромъ пропѣли пѣсню, недавно сложенную про подвиги Лазарева. Послѣ ужина снова танцовали; пустили очень удачный фейерверкъ.

Праздникъ кончился въ четыре часа утра. Когда мы вернулись домой, уже разсвѣло; хоръ музыки шелъ за нами; многіе офицеры верхомъ провожали насъ; ракеты отдавали намъ салюты. Видно, стрѣлки держатся пословицы: коли дѣлать, такъ на славу. Офицеры другихъ полковъ кусали себѣ губы, говоря: теперь никому нельзя ничего затѣять, все будетъ блѣдно и скучно, сравнительно съ блистательнымъ праздникомъ у стрѣлковъ“ (*).

Давно поспились слухи, что какъ только турки сдадутъ Батумъ, то мы очистимъ Эрзерумъ и отойдемъ къ нашей новой государственной границѣ.

Слухи эти скоро пріобрѣли характеръ дѣйствительности: получено было распоряженіе объ отправленіи лишнихъ войсковыхъ тяжестей, въ пункты назначенные у новой границы, и было объявлено, что какъ только Батумъ будетъ окончательно намъ переданъ, то части войскъ соганлугскаго отряда отойдутъ къ своимъ предѣламъ.

24-го августа, вся семья стрѣлковъ отдавала послѣднюю честь поручику В. А. Развадовскому, умершему отъ тифа. Три дружные залпа роты стрѣлковъ возвѣстили Эрзеруму, что у насъ стало однимъ добрымъ товарищемъ меньше.

Наконецъ, 27-го августа, войскамъ была объявлена телеграмма слѣдующаго содержанія:

„Начальникъ штаба арміи далъ знать телеграммою, что 25-го Батумъ занятъ нашими войсками, и наши суда вошли въ батумскій рейдъ. Благоволите объ этомъ сообщить генералу Духовскому. Завтра по телеграфу послѣдуетъ распоряженіе, о выступленіи войскъ и сдачѣ Эрзерума. Въ Батумѣ и Лазистанѣ все обстоитъ благополучно. Барановъ“ (**).

Съ какою радостью мы стали готовиться въ обратный путь на родину!

(*) Русскій Вѣстникъ, октябрь 1878-го года.
(**) № 626-ой.

30-го августа, въ день тезоименитства въ Бозѣ почившаго Государя Императора, войскамъ лагеря былъ произведенъ послѣ молебна парадъ, въ присутствіи русскихъ и турецкихъ властей и при громадномъ стеченіи народа. Войска прошли церемоніальнымъ маршемъ.

Баталіону назначено было выступить вторымъ эшелономъ 1-го сентября.

Рано утромъ, баталіонъ уже поднимался на Деве-Бойну. Какъ пріятно было покидать мѣста, гдѣ нѣсколько тысячъ жизней нашли себѣ могилу въ теченіи какихъ-нибудь 3—4 мѣсяцевъ.

Что за веселыя лица были у солдатъ!... Такими я видѣлъ ихъ до этого только одинъ разъ—именно: 13-го апрѣля 1877-го года, когда Главнокомандующій кавказскою арміею поздравлялъ ихъ съ объявленіемъ войны и напутствовалъ на святое дѣло.

По дорогѣ въ Карсъ, мы много обгоняли переселенцевъ армянъ изъ Турціи, двигавшихся въ наши предѣлы къ Александрополю и Эривани.

Прибывъ на 16-й день марша въ Карсъ и простоявъ въ немъ нѣсколько дней, мы выступили 19-го сентября въ Александрополь и пришли туда 21-го сентября.

29-го сентября, баталіонъ представлялся Его Высочеству Главнокомандующему и удостоился получить, за отличіе въ разновременныхъ дѣлахъ, семь знаковъ отличія военнаго ордена, а 1-го октября выступилъ въ г. Тифлисъ, назначенный для него новою штабъ-квартирою, куда и прибылъ 14-го октября 1878-го года. Спустя нѣсколько дней баталіонъ былъ демобилизованъ.

Подвиги, и вообще заслуги, 4-го стрѣлковаго баталіона въ минувшую кампанію оцѣнены съ избыткомъ и щедро награждены. Главнѣйшими наградами слѣдуетъ считать Высочайше пожалованныя баталіону—георгіевское знамя, съ надписью „за отличіе въ турецкую войну 1877-го 1878-го годовъ“ и, георгіевскіе серебряные рожки, съ надписью „за взятіе кр. Карса шестаго ноября 1878-го года“ (17).

Кромѣ того, баталіонъ имѣлъ счастіе получить за кампанію 64-ре офицерскія награды, въ томъ числѣ три ордена св. Геор-

гія 4-го класса, и 326 знаковъ отличія военнаго ордена, изъ нихъ 1-й степени одинъ, 2-й степени четыре, 3-й степени двадцать и 4-й степени триста одинъ.

За блокаду города Эрзерума, зимою 1877-го и 1878-го годовъ, оберъ-офицеры, кромѣ наградъ чинами и орденами, получили денежныя пособія, Высочайше пожалованныя, въ размѣрѣ полугодоваго оклада жалованья.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

КЪ ГЛАВѢ I-й.

(1)—Приказъ по 4-му кавказскому стрѣлковому баталіону, отъ 3-го декабря 1876-го г. № 1276.

Согласно Высочайшаго Государя Императора повелѣнія, объявленнаго въ приказѣ по кавказскому военному округу отъ 27-го ноября 1876-го года за № 205, въ числѣ нѣкоторыхъ частей войскъ кавказской арміи приводится въ военный составъ и ввѣренный мнѣ баталіонъ. Почему, принявъ, съ 1-го ноября, штатъ военнаго времени, указанный въ приказѣ по военному вѣдомству отъ 1-го августа 1874-го г. за № 222—предписываю: прибывшихъ сего числа нижнихъ чиновъ запаса, назначенныхъ на укомплектованіе баталіона росписаніемъ № 6-й, зачислить въ списки ротъ и баталіона, причемъ унтеръ-офицеровъ, остающихся сверхъ штата, ставить въ строй за рядовыхъ, на основаніи предписанія главнаго штаба отъ 6-го сентября 1875-го года за № 296, оставивъ однако-же имъ всѣ права и преимущества сими званіями присвоенныя. Подлинный подписалъ командиръ 4-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона, полковникъ Шиманскій.

(2)—4-го февраля 1877-го года, былъ отданъ слѣдующій приказъ по баталіону, № 192-й:

По приказанію Его Императорскаго Высочества, Главнокомандующаго кавказскою арміею, переданному въ предписаніи командующаго войсками въ дагестанской области, ввѣренный мнѣ баталіонъ, въ числѣ 2-хъ штабъ-офицеровъ, 14-ти оберъ-офицеровъ, 1067 нижнихъ чиновъ, 4-хъ строевыхъ и 76 подъемныхъ лошадей, завтрашняго числа выступаетъ въ Закавказье, о чемъ объявляя по баталіону, предписываю: одного унтеръ-офицера и 16-ть рядовыхъ, съ разрѣшенія Его Императорскаго Высочества, Главнокомандующаго кавказскою арміею, оставляемыхъ при вещахъ баталіона, и списокъ которымъ помѣщенъ ниже, сдать

сегодня начальнику Темиръ-Ханъ-Шуринской мѣстной кадровой команды, вмѣстѣ съ аттестатомъ на довольствіе и съ списком вещамъ, остающихся въ госпиталѣ, а также деньщиковъ, оставляемыхъ при семействахъ офицеровъ, ввѣреннаго мнѣ баталіона, и всѣхъ этихъ людей исключить съ довольствія и показывать по отчетамъ въ командировкѣ.

Зданія занимаемыя баталіономъ—баталіонному квартермистру сдать въ инженерное вѣдомство подъ квитанцію, а также сдать дрова, излишній провіантъ и другіе излишніе предметы, артилерійскаго и инженернаго вѣдомства.

Провіантское продовольствіе, съ 5-го числа, къ вышеозначенному числу нижнихъ чиновъ, требовать на 3-хъ собственныхъ служителей—у капитана Полковникова, прапорщиковъ Попова 2-го и Шадинова и, кромѣ того, въ 1-й ротѣ на ружейнаго мастера. Подлинный подписалъ командиръ баталіона, полковникъ Шиманскій.

(3)—За этимъ приказомъ слѣдовалъ приказъ по войскамъ, собраннымъ въ приріонскомъ краѣ, слѣдующаго содержанія:

Сегодня, по волѣ Его Императорскаго Величества объявлена война Турціи, и нашъ Августѣйшій Главнокомандующій предоставилъ войскамъ приріонскаго края честь, первыми встрѣтиться съ непріятелемъ.

Объявляя военныя дѣйствія открытыми, я считаю нужнымъ напомнить всѣмъ служащимъ, прежде всего, завѣтное правило старыхъ кавказцевъ, смѣло идти впередъ на выручку товарищей, кромѣ этого, не забудемъ, что залогъ успѣха на войнѣ заключается въ твердомъ знаніи всѣми своихъ правъ и обязанностей, въ единодушномъ и неуклонномъ преслѣдованіи цѣлей, поставленныхъ начальниками и въ великодушіи, даже къ врагамъ. Будемъ помнить, что жестокость и мародерство позорны для солдата немеиьше трусости. Я обращаю на это особое вниманіе молодыхъ солдатъ и отдаю подъ личную строгую отвѣтственность начальниковъ, начиная отъ ефрейтора и кончая генераломъ, могущіе быть случаи нарушенія общественнаго порядка и посягательства на собственность и честь мирнаго на-

селенія, какъ въ предѣлахъ нашихъ, такъ и заграницей. Виновники въ этихъ проступкахъ подвергнутся самымъ строгимъ наказаніямъ, не исключая даже разстрѣлянія. Будемъ помнить, что предъ нами разстилаются поля и горы старой христіанской Грузіи, населеніе которой по происхожденію и языку составляетъ одну семью съ тысячами милиціонеровъ и дружинниковъ, нынѣ стоящихъ въ рядахъ нашихъ, за одно общее дѣло. Будемъ же помнить все это и имѣть постоянно передъ глазами, что война ведется не для раззоренія мирныхъ жителей, а для пораженія арміи непріятеля, биться съ которой мы призваны за вѣру, Царя и честь Россіи. Подлинный подписалъ, командующій войсками въ приріонскомъ краѣ, генералъ-лейтенантъ Оклобжіо.

КЪ ГЛАВѢ II-й.

(4)—Приказъ по войскамъ приріонскаго края № 116, 1-го мая 1877-го года. Высоты Муха-Эстате.

Согласно приказа по кавказской арміи, изъ войскъ приріонскаго края, дѣйствующихъ въ предѣлахъ Турціи, образуется кобулетскій отрядъ, командованіе которымъ я поручаю, командиру 2-ой бригады 41-й пѣхотной дивизіи, генералъ-маіору Дешибекову. При отрядѣ образуется особый отрядной штабъ, начальникомъ котораго назначается генеральнаго штаба полковникъ Казбекъ. Начальникомъ штаба войскъ приріонскаго края назначается, состоящій въ распоряженіи Его Императорскаго Высочества, Главнокомандующаго кавказскою арміею, генеральнаго штаба полковникъ Красвичъ.

КЪ ГЛАВѢ III-й.

(5)—Диспозиція на 16-е мая, для занятія высотъ на лѣвомъ берегу р. Кинтриши. Свѣдѣніе о непріятелѣ: непріятель занимаетъ укрѣпленную позицію у Цихисдзири. Поселеніе мѣстныхъ жителей разбросано вдоль высотъ лѣваго берега р. Кинтриши.

Цѣль движенія: отрядъ имѣетъ цѣлію, занявъ высоты лѣваго берега р. Кинтриши, отдѣлить мѣстное населеніе отъ турецкихъ войскъ, занимающихъ Цихисдзири, для чего отряду

двинутся двумя колоннами. Правая колонна: подполковникъ Козелковъ, начальникъ штаба ротмистръ Карцевъ. 1-я и 2-я сотни гурійской дружины, 1-й пѣхотный пластунскій баталіонъ, 3-й баталіонъ севастопольскаго пѣхотнаго полка, двѣ роты 4-го баталіона севастопольскаго полка, рота саперъ, 4 орудія 6-й батареи 41-й артилерійской бригады. Всего (7 ротъ, 6 сотень пѣхоты и 4 горныхъ орудія). Лѣвая колонна: маіоръ князь Меликовъ, въ распоряженіи поручикъ Ханъ-Нахичеванскій. 4-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ, 1-я рота 4-го баталіона ленкоранскаго полка, 3-я и 4-я сотни 1-й гурійской дружины, два орудія 6-й батареи 41-й артилерійской бригады. Всего 5 ротъ, двѣ сотни пѣхоты и два горныхъ орудія. Резервъ: полковникъ Войпо-Оранскій. 1-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ, 4-й баталіонъ ленкоранскаго полка, двѣ батареи 41-й артилерійской бригады, 4-ре орудія той же бригады 3-й батареи. Всего два баталіона пѣхоты и 20 орудій.

1) Правая колонна, собравшись близъ бивуака гурійской дружины, на дорогѣ, ведущей къ р. Кинтриши, въ три часа утра спускается къ этой рѣкѣ и, переправившись чрезъ нее, занимаетъ противоположныя высоты и пути, ведущіе къ Цихисдзири, затѣмъ укрѣпляетъ свою позицію земляными сооруженіями.

2) Лѣвая колонна, собравшись на мѣстѣ бивуака гурійской дружины, въ 3 часа утра двигается вверхъ по теченію р. Кинтриши, по хребту вдоль праваго берега, угрожая населенію, если оно будетъ препятствовать переправѣ и занятію высотъ правою колонною.

3) Резервъ, оставаясь на высотахъ Хуцубань, въ случаѣ надобности, содѣйствуетъ артилерійскимъ огнемъ движенію правой колонны, а для отвлеченія вниманія непріятеля производитъ демонстрацію наступленія къ р. Кинтриши, преимущественно своимъ правымъ флангомъ, т. е. отъ мѣста бивуака пластуновъ.

4) Наступающимъ войскамъ имѣть при себѣ шанцевый инструментъ, а въ ранцахъ двухдневный запасъ сухарей, 1½ фунта вареного мяса на человѣка, а для лошадей двухдневный запасъ фуража и, въ пѣхотѣ половину имѣющихся пат-

ронныхъ ящиковъ.

5) Перевязочный пунктъ на дорогѣ къ р. Кинтриши у дома, что близъ этой дороги.

6) Я буду находиться при правой колоннѣ. Въ должности начальника штаба, при мнѣ состоитъ генеральнаго штаба капитанъ Шатиловъ.

Начальникъ лѣвой колонны войскъ кобулетскаго отряда, флигель-адъютантъ полковникъ Гурчинъ.

(8) — Донесеніе начальника кобулетскаго отряда, отъ 19-го мая за № 115.

Въ заключеніе своего рапорта, полковникъ Казбекъ свидѣтельствуетъ, что всѣ войска, бывшія въ дѣлѣ 16-го числа, вели себя безукоризненно честно; тѣ-же части, которыя шли впередъ, показали себя героями. Особенно похвально вели себя 1-я и 2-я роты 4-го стрѣлковаго баталіона, двѣ сотни гурійской дружины. Г.г. офицеры служили лучшимъ примѣромъ для нижнихъ чиновъ. Съ особою похвалою полковникъ Казбекъ отозвался о начальникѣ колонны, маіорѣ князѣ Меликовѣ, къ примѣрной храбрости и распорядительности котораго нужно отнести успѣхъ дѣла 16-го мая. Въ числѣ особенно обратившихъ на себя вниманіе, слѣдуетъ упомянуть: о поручикѣ лейбъ-гвардіи уланскаго полка Ханѣ Нахичеванскомъ, который шелъ со стрѣлковымъ полувзводомъ, собственноручно перевязывалъ раненаго стрѣлка и самъ былъ раненъ; о временнокомандовавшемъ 4-мъ кавказскимъ стрѣлковымъ баталіономъ, маіорѣ Терещенко и командовавшемъ сотнями гурійской дружины, поручикѣ 161-го пѣхотнаго александропольскаго полка Беридзе. Въ виду важности достигнутыхъ рѣзультатовъ 16-го числа, покорнѣйше прошу ходатайства Вашего Превосходительства, о представленіи къ наградамъ наиболѣе отличившихся офицеровъ и медиковъ и, о пожалованіи ротамъ и сотнямъ, соотвѣтствующаго числа знаковъ отличія военнаго ордена.

Въ заключеніе настоящаго донесенія, считаю пріятнымъ долгомъ свидѣтельствовать, что, благодаря отличной распоряди-

тельности флигель-адъютанта полковника Гурчина, которому я поручилъ общее начальство надъ колоннами, все движеніе было строго разсчитано и предусмотрѣны малѣйшія случайности—отчего дѣло 16-го мая увѣнчалось полнымъ успѣхомъ и, мы занимаемъ нынѣ, безъ большихъ жертвъ, двѣ весьма важныя позиціи.

КЪ ГЛАВѢ V-й.

(7)—За этотъ подвигъ Кириловъ, бывшій всего шесть мѣсяцевъ на службѣ, награжденъ знакомъ отличія воинаго ордена 4-й степени. Впослѣдствіи, Кириловъ удостоенъ былъ знака отличія 3-й степени и унтеръ-офицерскаго званія, а за штурмъ кр. Карса, гдѣ онъ былъ въ числѣ охотниковъ, шедшихъ во главѣ штурмовой *колонны на фортъ Сувари, награжденъ знакомъ отличія 2-й степени. Подвигъ его состоялъ въ томъ, что* онъ, командуя *отдѣленіемъ охотниковъ*, одинъ изъ первыхъ вскочилъ на брустверъ форта Сувари. Лѣтомъ 1878-го года. Кириловъ произведенъ въ прапорщики, но свирѣпствовавшій тогда въ Эрзерумѣ тифъ пресѣкъ жизнь юнаго героя.

(8)—Кондратовичъ удостоенъ былъ знакомъ отличія воинаго ордена 4-й степени подъ № 35929, за дѣло 13-го августа при занятіи турками Кизилъ-таны. Въ этомъ дѣлѣ Кондратовичъ, исполняя свои обязанности подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ, былъ раненъ.

КЪ ГЛАВѢ VI-й.

(9)—Въ числѣ раненыхъ былъ нѣкто Ефимовъ, личность симпатичная и интересная; юноша лѣтъ 16-ти—17-ти, Ефимовъ прибылъ къ намъ въ отрядъ съ цѣлью поступить на службу. Пока ходило представленіе командира баталіона о зачисленіи Ефимова въ строй, онъ жилъ на позиціи, состоя, временно, на довольствіи во 2-й ротѣ, гдѣ скоро ознакомился съ ружьемъ и правилами необходимыми для стрѣльбы. Во время нѣсколькихъ дѣлъ, бывшихъ съ турками, Ефимовъ, со слезами на глазахъ, испрашивалъ разрѣшенія пойти въ бой, но каждый разъ ему отказывали, въ виду его неопредѣленнаго положенія въ баталіонѣ. Но вотъ, въ ночь съ 12-го на 13-е авгу-

ста, когда войска кюрюк-дарпскаго лагеря поднялись по тревогѣ, Ефимовъ, съ выданнымъ ему для ознакомленія ружьемъ, сталъ въ ряды 2-й роты и пошелъ къ Кизилъ-тапѣ. Сначала въ темнотѣ, а потомъ въ пылу жаркаго дѣла у сел. Суботана, не замѣтили или не обратили вниманія на Ефимова; ротный командиръ былъ увѣренъ, что Ефимовъ остался въ лагерѣ. Но къ вечеру, при наступленіи сумерекъ, когда небольшому нашему отряду, врѣзавшемуся далеко въ линію турецкаго расположенія, приказано было отступить, молодцу герою оторвало осколкомъ турецкой гранаты, правую руку. Несмотря на нестерпимо-мучительную боль, Ефимовъ, поднявшись съ земли, поддерживая болтавшуюся руку, обратился къ подпоручику Еманулю и прапорщикамъ Попову и Крючкову, перевязывавшимъ его рану, съ слѣдующими словами:

«Напишите моему отцу, что я скверно раненъ!»

Будучи отправленъ на перевязочный пунктъ, а потомъ въ одинъ изъ лазаретовъ общества краснаго креста, Ефимовъ, мужество котораго дошло до свѣдѣнія Главнокомандующаго арміею, награжденъ былъ Его Императорскимъ Высочествомъ 100 рублями и отданъ на особое попеченіе уполномоченнаго общества. Цѣлый мѣсяцъ, юный герой, изнемогая отъ жестокой раны, уносившей съ каждымъ днемъ его силы и здоровье, не переставалъ надѣяться, что выздоровѣетъ и опять раздѣлитъ съ стрѣлками трудную ихъ боевую, но славную жизнь.—Но этому не суждено было сбыться: доброволецъ юнопа скончался, унеся съ собою въ могилу наилучшія воспоминанія и любовь всѣхъ своихъ сослуживцевъ.

([10])—Нѣсколько эпизодовъ боя 21-го сентября у Суботана.

4-й стрѣлковый баталіонъ, эриванцы и елисаветпольцы, окончивъ преслѣдованіе турокъ до суботанскаго укрѣпленнаго лагеря, возвращались на свои старыя позиціи. Сентябрьская ночь была страшно темна—адъютанты и ординарцы съ трудомъ находили части для передачи новыхъ послѣдовавшихъ распоряженій, относительно расположенія и состава боевой линіи.

Темнота, а главное оставшіяся неподобранными тѣла нашихъ, замедляли обратное движеніе отряда. Прибывъ на указанную позицію, 4-му стрѣлковому баталіону приказано было повѣрить составъ ротъ. Оказалось, что во 2-й ротѣ недостаетъ нѣсколькихъ стрѣлковъ и прапорщика Попова 2-го, бывшихъ между прочимъ, на лицо по прекращеніи боя.—Такъ какъ до извѣстнаго пункта роты отходили въ боевомъ порядкѣ, то явилось предположеніе, что прапорщикъ Поповъ и не оказавшіеся на лицо стрѣлки, какъ бывшіе въ цѣпи, вѣроятно отставъ, заблудились, и, въ темнотѣ отыскивали позицію баталіона. Неизвѣстное положеніе ихъ однако безпокоило насъ:—предположеніямъ не было конца. Въ теченіи цѣлаго часа по возвращеніи баталіона на позицію, мимо бивуачныхъ костровъ, тянулись длинныя тѣни санитаровъ съ печальными носилками жертвъ недавно утихнувшаго боя, и различныхъ частей небольшія команды солдатъ, навьюченныхъ русскими и турецкими ружьями и патронными сумками, а прапорщика Попова съ людьми 2-й роты нѣтъ какъ нѣтъ. На всѣ вопросы: «не видали братцы стрѣлковъ?» получали отрицательный отвѣтъ. Тощіе бивуачныя огни горѣли уже послѣднимъ своимъ пламенемъ, а большинство только мерцали въ темнотѣ сентябрьской ночи. Было около 12-ти часовъ ночи, когда раздался голосъ часоваго: «стой! кто идетъ!»—группа въ нѣсколько человѣкъ приближалась къ стрѣлковой позиціи тихимъ шагомъ, на второй окликъ часоваго раздался отвѣтъ: «свои!» и скоро мы увидѣли приближавшихся солдатъ, осторожно несшихъ что то: это была шинель, а на ней раненый; черезъ минуту угасавшее пламя костра освѣтило измученныхъ, окровавленныхъ стрѣлковъ. Среди нихъ стояли носилки, на которыхъ лежалъ эриванецъ, раненый тяжело двумя пулями —въ плечо и бедро. Это и болѣе десятка турецкихъ ружей были отчасти объясненіемъ трехъчасоваго исчезновенія стрѣлковъ. Вотъ гдѣ были эти стрѣлки: когда наши стали уже отходить назадъ, прекративъ преслѣдованіе разбитаго турецкаго отряда, то стрѣлки, бывшіе въ цѣпи, сквозь спускав-

шуюся уже мглу ночныхъ сумерекъ, замѣтили, въ небольшой котловинѣ, турецкій артилерійскій зарядный ящикъ, который сначала былъ принятъ ими за подбитое орудіе. Прапорщикъ Поповъ, которому доложили стрѣлки о замѣченномъ, взявъ шесть стрѣлковъ, отдѣлился по направленію къ сел. Хадживали, съ намѣреніемъ пройти въ котловину, незамѣтно для выставленныхъ, со стороны Суботана, кавалерійскихъ непріятельскихъ постовъ. Спустившійся покровъ ночи помогъ нашимъ добраться въ котловину, незамѣченными непріятелемъ. Вотъ уже чернѣется зарядный ящикъ, какъ вдругъ до слуха храбрецовъ долетаетъ сдержанный говоръ на турецкомъ языкѣ. Ясно, что небольшой нашъ отрядецъ былъ предупрежденъ турками. Положеніе далеко незавидное — наши въ 1½ верстѣ сзади, а впереди непріятель можетъ быть въ десятеро сильнѣе. Послѣ небольшаго совѣщанія, рѣшено было произвести рекогносцировку, съ цѣлью опредѣленія числа турокъ. Два стрѣлка, въ разстояніи 10-ти шаговъ одинъ за другимъ, ползкомъ исчезли по направленію мѣста нахожденія зарядnаго ящика и турокъ. Прошло десять минутъ томительнаго ожиданія, прежде чѣмъ наши узнали, что впереди дѣйствительно десятка два-три турокъ;—но судя по стонамъ и вырывавшимся крикамъ, это все были раненые. Осмотрѣвъ штыки и зарядивъ винтовки, шесть молодцевъ, во главѣ съ прапорщикомъ Поповымъ, тихо двинулись къ тому мѣсту, откуда долетали голоса. Вотъ наши у ящика, онъ не запертъ и полный снарядовъ, подлѣ—три убитыя и одна раненая лошади, а шагахъ въ 20-ти отъ ящика чернѣютъ полунагіе трупы турокъ и до 30-ти человѣкъ раненыхъ. Попробовали сначала было увезти ящикъ, но это оказалось не посиламъ утомленнымъ молодцамъ,—тогда рѣшили часть снарядовъ вынуть, а остальные вмѣстѣ съ ящикомъ взять съ собою. Покуда стрѣлки облегчали зарядный ящикъ, прапорщикъ Поповъ осмотрѣлъ котловину, которая, судя по валявшимся тѣламъ мертвыхъ, брошеннымъ раненымъ и бѣлѣвшейся перевязочной принадлежности, была мѣстомъ расположенія перевязочнаго пункта турокъ; все это было брошено бѣжавши-

ми таборами на произволъ судьбы. Подобравъ турецкія ружья, отрядецъ удальцовъ, таща артилерійскій ящикъ, спѣшилъ скорѣе выбраться за линію своихъ аванпостовъ. Вотъ наконецъ рѣчка Маврякъ-чай; теперь ужъ недалеко, думаютъ смѣльчаки, до своей позиціи. Но эта то рѣчка съ топкими берегами и такимъ же русломъ, и заставила бросить ящикъ на правомъ (непріятельскомъ) берегу. Ночной воздухъ сентябрьской ночи доносилъ глухой шумъ со стороны турецкихъ позицій;—скоро, прислушиваясь къ землѣ, молодцы наши опредѣлили, что въ какомъ-то направленіи движется кавалерія. Итакъ весь рискъ, вся опасность предпріятія должны были кануть въ мутныя воды Маврякъ-чая. Скоро всѣ снаряды, а потомъ и самый ящикъ, были затоплены въ рѣкѣ, въ рукахъ осталось лишь 11-ть турецкихъ ружей Пибоди, которыя стрѣлки и принесли на позицію, вмѣстѣ съ раненымъ эриванцемъ, найденнымъ, на лѣвомъ берегу Маврякъ-чая въ травѣ, въ безсознательномъ состояніи отъ потери крови, и въ темнотѣ сумерекъ не замѣченнаго санитарами.

4-я рота (капитана Горскаго) баталіона, находясь въ цѣпи на лѣвомъ флангѣ боевой линіи, передъ моментомъ нашей атаки, была сильно выдвинута впередъ общей линіи; это произошло отъ условія впередилежащей мѣстности, представлявшей кое какія закрытія стрѣлкамъ, которые, увлекаемые двумя вольноопредѣляющимися—Кириловымъ и Векауровымъ, то и дѣло перебѣгали впередъ, стараясь охватить правый флангъ турокъ. Прямо противъ 4-й роты, на правомъ берегу Маврякъ-чая, значительно командовавшимъ надъ лѣвымъ, было нѣсколько турецкихъ ложементовъ, изъ которыхъ турки осыпали градомъ пуль нашъ лѣвый флангъ. Выбить турокъ съ этой позиціи двояко было выгодно для насъ: во 1-хъ съ занятіемъ ихъ, мы уже больше не терпѣли отъ турецкаго ружейнаго огня, а во 2-хъ, занимая эти ложементы, получали возможность анфи-

лировать центръ турецкой боевой линіи, и тѣмъ облегчить атаку нашего центра и праваго фланга.

Капитанъ Горскій, оцѣнивъ это, рѣшился очистить ложементы отъ турокъ, но для этого нужно было спачала взять ихъ во флангъ мѣткимъ огнемъ стрѣлковъ, чтобы облегчить фронтальную атаку роты, которой предстояло еще переправляться черезъ Маврякъ-чай, подъ отвѣсными выстрѣлами изъ ложементовъ. Посланные 30-ть человѣкъ лучшихъ стрѣлковъ, въ числѣ которыхъ были вольноопредѣляющіеся Кириловъ и Бекауровъ, переправившись черезъ Маврякъ-чай шагахъ въ 300-хъ лѣвѣе расположенія роты, пользуясь углубленіемъ русла Маврякъ-чая, скрытно подошли къ правому флангу турокъ, дали нѣсколько залповъ (условный знакъ успѣшнаго выполненія плана) вдоль турецкихъ ложементовъ, а потомъ открыли учащенный мѣткій огонь. Раздалось „ура!“ и 4-я рота, а за нею и вся боевая линія бросилась въ штыки; турки, какъ мы знаемъ, избѣгая рукопашной, очистили поспѣшно свою позицію. Вотъ тутъ то и произошелъ на нашемъ лѣвомъ флангѣ случай, который вызывалъ и похвалу Бекаурову и смѣхъ, какъ это турка попался „какъ куръ во щи“. Вольноопредѣляющійся Георгій Бекауровъ (нынѣ прапорщикъ)—успѣвшій составить себѣ репутацію храбреца съ первыхъ же дѣлъ въ кобулетскомъ отрядѣ—когда турки начали отступать, бросился впередъ на перерѣзъ бѣгущимъ, съ цѣлью захватить нѣсколько турокъ въ плѣнъ; изъ бывшихъ съ нимъ нѣсколькихъ человѣкъ стрѣлковъ, двое отстали ранеными, а другихъ онъ настолько опередилъ, что вдругъ очутился, лицомъ къ лицу, съ двумя рослыми арабистанцами, залегшими за камнемъ и рѣшившимися, повидимому, дорого продать свою жизнь. Прежде чѣмъ Бекауровъ оцѣнилъ свое положеніе, двѣ пули просвистѣли мимо головы; отступать рискованно, броситься одному на двухъ атлетовъ, значитъ идти на вѣрную смерть, а потому Бекауровъ легъ за близлежащій впереди небольшой камень,—и вотъ завязалась перестрѣлка на разстояніи 50-ти шаговъ; патроны у Бекаурова были уже

къ концу, когда арабистанцы, ободряемые вѣроятно тѣмъ, что на разстояніи шаговъ 200, не видно было въ тылу Бекаурова поддержки, (вся линія передвинулась вправо къ Суботану, а сопровождавшіе спачала Бекаурова стрѣлки, не видя его впереди, сочли убитымъ и присоединились къ ротѣ) рѣшили взять его въ плѣнъ; съ этою цѣлью они вдругъ бросились къ нему, но къ счастію Бекауровъ успѣлъ выстрѣлить и тяжело ранить одного изъ наступавшихъ враговъ, почему оставшійся въ живыхъ поспѣшилъ занять свою прежнюю позицію, и снова завязалась перестрѣлка. У Бекаурова оставалось два патрона, ни ему, ни арабистанцу нельзя было приподняться, оба они зорко наблюдали другъ за другомъ. Желая скорѣе выйти невредимымъ изъ этого опаснаго положенія, Бекауровъ, вызвавъ нѣсколько выстрѣловъ арабистанца, поднимая съ этою цѣлью, изъ за камня, свою шапку вдругъ свалился на лѣвый бокъ, показавъ конечности своихъ ногъ противнику. Арабистанецъ, видя что русскій повалился, счелъ его за убитаго и бросился къ нему, съ тѣмъ, чтобы или обобрать мертваго, или же взять ружье; вотъ онъ уже въ 5-ти шагахъ, какъ вдругъ раздался выстрѣлъ и атлетъ, выпуская ружье, грохнулся навзничъ.

Бекауровъ стоялъ крестясь, а передъ нимъ лежали два бездыханные трупа арабистанскихъ стрѣлковъ. Взваливъ на плечи два ружья Пибоди и патронныя сумы, Бекауровъ черезъ пять минутъ, къ удивленію многихъ, предсталъ передъ ротою живымъ, (когда его считали убитымъ) да еще съ двумя турецкими ружьями. Ночью у бивуачныхъ огней 4-й роты, среди стрѣлковъ, Бекауровъ разсказывалъ, какъ онъ чуть было не попалъ на ужинъ къ туркамъ, и какъ ему удалось провести гиганта-арабистанца, который могъ бы въ одной рукѣ донести его до своего лагеря. За это Бекауровъ произведенъ былъ въ унтеръ-офицеры.

КЪ ГЛАВѢ VII-й.

(11)—Диспозиція, на 6-ое октября 1877 года. Лагерь на визинъ-кейскихъ высотахъ.

Согласно указаніямъ Его Императорскаго Высочества, войска главныхъ силъ получаютъ слѣдующее назначеніе:

I.

2-ая бригада кавказской гренадерской дивизіи—8-мь баталіоновъ, 154-й пѣхотный дербентскій полкъ—4-ре баталіона, 156-й пѣхотный елисаветпольскій полкъ—4-ре баталіона, 153-го пѣхотнаго бакинскаго полка—2 баталіона, 1-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ, 1-й кавказскій саперный баталіонъ, 4-я, 5-я и 6-я батареи кавказской гренадерской артилерійской бригады—28-мь орудій, 3-я, 4-я и 5-я батареи 39-й артилерійской бригады и полубатарея 6-й батареи тойже бригады—28 мь орудій, 16-й драгунскій нижегородскій полкъ—4-ре эскадрона, 1-го горско-моздокскаго полка—2 сотни, 2-го горско-моздокскаго полка—3½ сотни, 1-й волгскій казачій полкъ—4-ре сотни, 2-й волгскій казачій полкъ—4-ре сотни, уманскаго казачьяго полка—2 сотни, 1-я терская конно-артилерійская батарея—8-мь орудій, 13-я донская конно-артилерійская батарея—6-ть орудій, итого 20-ть баталіоновъ, 19½ эскадроновъ и сотень, и 66-ть орудій, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Геймана, образуютъ согаплугскій отрядъ, которому первоначальною цѣлью ставится: очищеніе отъ непріятеля страны между Карсомъ и Согаплугомъ и совмѣстныя съ генераломъ Тергукасовымъ дѣйствія противъ арміи Измаилъ-паши, преимущественно угроженіемъ пути отступленія сей арміи къ Эрзеруму.

Во исполненіе сей цѣли, генералъ-лейтенанту Геймапу предлагается: выдвинувъ немедленно колонну генералъ-маіора Цытовича (два баталіона бакинскаго пѣхотнаго полка и дербентскій пѣхотный полкъ, 5-ю батарею, полубатарею 6-й батареи 39-й артилерійской бригады и двѣ сотни уманскаго казачьяго полка) къ Кагызману, гдѣ она войдетъ въ связь съ войсками генералъ-лейтенанта Тергукасова, слѣдовать съ остальными войсками къ Саракамышу, очищая страну отъ непріятельскихъ отрядовъ и партій,

II.

1-я бригада кавказской гренадерской дивизіи—8-мь баталіоновъ, 1-я, 2-я и 3-я батареи кавказской гренадерской артилерійской бригады—24-ре орудія, 2-я батарея 21-й артилерійской бригады—8-мь орудій, 7-й оренбургскій казачій полкъ—6-ть сотень, (три сотни, оставленныя на Караялѣ и одна на м. Ягнахъ, будутъ присоединены къ полку въ непродолжительномъ времени) итого 8-мь баталіоновъ, 6-ть сотень и 32 орудія, подъ начальствомъ генералъ-маіора Соловьева назначаются въ резервъ отряда генералъ-лейтенанта Геймана и выдвигаются къ с. вер. Котанлы. Имѣя въ виду, что означенный резервъ до разъясненія обстоятельствъ можетъ оказаться временно нужнымъ для усиленія войскъ, остающихся подъ Карсомъ, генералъ-лейтенанту Гейману предлагается не измѣнять раіона расположенія сего резерва, безъ предварительнаго моего разрѣшенія.

III.

1-я гренадерская дивизія—12-ть баталіоновъ, 40-я пѣхотная дивизія—12-ть баталіоновъ, 75-й пѣхотный севастопольскій полкъ—4-ре баталіона, 4-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ, 3-й кавказскій саперный баталіонъ и, временно, до отправленія въ Ардаганъ: 152-й пѣхотный владикавказскій полкъ—4-ре баталіона, 15-й драгунскій тверской полкъ—4-ре эскадрона, 6-й оренбургскій казачій полкъ—4-ре сотни, кубанскій казачій полкъ—6-ть сотень, ейскаго казачьяго полка—4-ре сотни, 2-й владикавказскій казачій полкъ—4-ре сотни, 17-й драгунскій сѣверскій полкъ—4-ре эскадрона, 2-й астраханскій казачій полкъ—4-ре сотни, 2-й кизляро-гребенской казачій полкъ—4-ре сотни, 2-я и 5-я кубанскія конно-артилерійскія батареи—16-ть орудій, 14-я донская конно-артилерійская батарея—6-ть орудій, пять батарей 1-й гренадерской артилерійской бригады—40 орудій, 40-я артилерійская бригада—48-мь орудій, 6-я батарея 19-ой артилерійской бригады—8-мь орудій, 3-я батарея 38-ой артилерійской бригады—8-мь орудій, итого 34-ре баталіона, 34-ре эскадрона и сотни и 126-ть орудій, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Ла-

зарева, образуютъ карскій отрядъ, которому ставится первопачальною цѣлью наблюденіе за Карсомъ и прекращеніе прибытія къ нему подкрѣпленій и подвозовъ.

Согласно съ этою цѣлью, генералъ-лейтенанту Лазареву предлагается: а) 1-ою гренадерскою дивизіею, съ севастопольскимъ полкомъ, двумя ротами саперъ третьяго кавказскаго сапернаго баталіона, пятью батареями 1-й гренадерской артилерійской бригады и 6-ою батареею 19-й артилерійской бригады, 17-мъ драгунскимъ сѣверскимъ полкомъ, 2-мъ астраханскимъ и 2-мъ кизляро-гребенскимъ казачьими полками, съ 2-ю кубанскою и 14-ю донскою конно-артилерійскими батареями (кавалерія и конная артилерія должны состоять подъ начальствомъ генералъ-маіора князя Щербатова) занять позицію у Владикарса, съ боковыми отрядами въ Бозгала и Магараджикъ, б) занять позицію у Мацра: тремя полками 40-й пѣхотной дивизіи, владикавказскимъ пѣхотнымъ полкомъ, 4-мъ кавказскимъ стрѣлковымъ баталіономъ и двумя ротами саперъ, съ соотвѣтствующимъ количествомъ артилеріи и 1-ю кавалерійскою дивизіею, за исключеніемъ одного казачьяго полка, который предназначается для охраненія линіи между Визинъ-кеемъ и Заимомъ, для чего двѣ сотни этого полка поставить въ Визинъ-кеѣ, остальные въ Халифъ-оглу и на м. Ягнахъ, в) одинъ полкъ 40-й дивизіи, съ одною батареею и однимъ казачьимъ полкомъ расположить у сел. Визинъ-кея и г) отдѣлить немедленно одинъ баталіонъ и двѣ сотни казаковъ въ распоряженіе начальника заграничнаго военнаго сообщенія подполковника Дьячкова-Тарасова.

IV.

Двумъ баталіонамъ пятигорскаго пѣхотнаго полка, 7-го октября, перейти изъ Владикарса въ Хаджи-халиль и 8-го октября въ Суботанъ, по соединеніи тамъ съ 3-мъ баталіономъ полка и полубатареею 5-й батареи 38-ой артилерійской бригады слѣдовать по маршруту, который будетъ сообщенъ, вмѣстѣ съ подвижнымъ дивизіоннымъ лазаретомъ 38-ой пѣхотной дивизіи, въ составъ ардаганскаго отряда. Упомянутой

батареѣ выступить въ Суботанъ завтрашняго числа.

V.

Главная и корпусная квартиры завтрашняго числа переходятъ въ селеніе б. Тикма.

VI.

Этапную линію сообщеній, между Александрополемъ и сел. б. Тикма, подъ завѣдываніемъ подполковника Дьячкова-Тарасова, имѣть черезъ Кюрюкъ-Дара, Хаджи-вали, Орлокъ и Хаджи-халиль.

VII.

Двумъ ротамъ осадной артилеріи, находящимся въ Пирвали, перейти немедленно въ Кюрюкъ-Дара.

VIII.

Войска, входящія по настоящей диспозиціи въ составъ отряда генералъ-лейтенанта Геймана и оставшіяся на визинъ-кейской позиціи, собираются на опой къ 9-ти часамъ утра завтрашняго числа (6-го октября) и слѣдуютъ черезъ Орлокъ въ Хаджи-халиль, откуда 7-го числа переходятъ на соединеніе со своимъ отрядомъ. Изъ войскъ отряда генералъ-лейтенанта Лазарева: а) части, назначенныя для расположенія у Владикарса (съ боковыми отрядами) завтрашняго числа (6-го октября) въ 6-ть часовъ утра, выступаютъ и слѣдуютъ къ своимъ мѣстамъ, по указанію начальника отряда и б) остальныя части должны быть отправлены по назначенію 7-го октября. Въ конвой къ Его Императорскому Высочеству Главнокомандующему армією и главной квартирѣ назначаются: нижегородскій и сѣверскій драгунскіе полки и 2-я кубанская конно-артилерійская батарея, которымъ прибыть къ корпусной квартирѣ завтра къ 7½ часамъ утра. Подлинную подписалъ командующій корпусомъ, генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ.

(12) —Въ дополненіе къ диспозиціи на 6-е октября предлагается отряду генералъ-лейтенанта Лазарева, произвести полную блокаду кр. Карса, для чего и размѣстить войска согласно ниже-

изложенному:

А. Частный отрядъ генералъ-лейтенанта Шатилова, 1) на чалгаурской позиціи: два баталіона 40-ой пѣхотной дивизіи (третій на сообщеніи), 4-й стрѣлковый баталіонъ, рота 3-го сапернаго баталіона и 9-ти фунтовая батарея 40-й артилерійской бригады — итого 3¼ баталіона, 8-мь орудій; 2) близъ Мадра: 2-я бригада 40-й дивизіи, два баталіона владикавказскаго пѣхотнаго полка, одна рота 3-го сапернаго баталіона, 4-ре батареи 40-й артилерійской бригады и 1-я кавалерійская дивизія (за исключеніемъ двухъ сотень) назначенныхъ на сообщенія — итого 8¼ баталіоновъ, 20-ть эскадроновъ и сотень и 32 орудія; 3) у Визинъ-кея: полкъ 40-й дивизіи, два баталіона владикавказскаго пѣхотнаго полка и батарея 40-й артилерійской бригады. *Примѣчаніе*: кавалерія въ этомъ отрядѣ назначается по усмотрѣнію генералъ-лейтенанта Шатилова. Итого 5-ть баталіоновъ, 8-мь орудій; 4) у Магараджика: севастопольскій пѣхотный полкъ, 6-я батарея 19-й артилерійской бригады, 3-я батарея 38-й артилерійской бригады, 2-й астраханскій казачій полкъ и 14-я донская конная батарея — итого 4-ре баталіона, 4-ре сотни, 22 орудія. Послѣдніе два отряда подъ начальствомъ генералъ-маіора Алхазова.

Б. Частный отрядъ генералъ-лейтенанта Роопа, 1) у сел. б. Тикмы: 1-я гренадерская дивизія, 1-й стрѣлковый баталіонъ, двѣ роты 3-го сапернаго баталіона, пять батарей 1-й гренадерской артилерійской бригады, 4-я батарея 39-й артилерійской бригады, сборный драгунскій полкъ, (дивизіонъ сѣверскаго и дивизіонъ нижегородскаго полковъ), три сотни кизляро-гребенскаго полка, сборный дагестанскій дивизіонъ, борчалинская и елисаветпольская сотни (тіонетская сотня остается при штабъ-квартирѣ корпуса) 2-я кубанская конно-артилерійская батарея, дивизіонъ 1-й терской батареи, и 13-ой донской конной батареи — 4-ре орудія. Итого 13½ баталіоновъ, 4-ре эскадр. и 10 ть сотень и 64-ре орудія. Сверхъ того: 1) на сообщеніи одинъ баталіонъ 40-й пѣхотной дивизіи, и 2) въ Кюрюкъ-Дара двѣ роты осадной арти-

леріи (6-я и 7-я). *Примѣчаніе*: артилерійскіе парки распредѣляются по распоряженію начальника корпусной артилеріи. Войска частнаго отряда генералъ-лейтенанта Шатилова составятъ линію обложенія Карса, съ сѣверной и восточной стороны, начиная отъ сел. Чахмаура (*), черезъ Мацру, Халифъ-оглу и Визинъ-кей до Магараджика; войска же частнаго отряда генералъ-лейтенанта Роопа составятъ блокадную линію къ югу и западу отъ Карса, начиная отъ Магараджика, черезъ Владикарсъ и Когалы, до Чахмаура. Въ каждомъ изъ частныхъ отрядовъ генералъ-лейтенантовъ Шатилова и Роопа долженъ быть назначенъ одинъ общій начальникъ аванпостовъ, вполнѣ отвѣтствующій за правильность расположенія постовъ, ихъ поддержекъ и службы на нихъ, строго наблюдая, чтобы ни въ Карсъ, ни изъ Карса не было посылаемо курьеровъ, почтъ, отдѣльныхъ людей, причемъ, забранныхъ постами жителей, въ случаѣ выхода ихъ изъ Карса препровождать въ штабъ-квартиру корпуса, откуда они снова будутъ возвращаемы въ названную крѣпость. Особенно-же наблюдать за тѣмъ, чтобы не было доставляемо въ Карсъ никакихъ жизненныхъ припасовъ и пригоняемъ скотъ. Начальнику кавалеріи, совмѣстно съ генералъ-лейтенантомъ Роопомъ объѣхать предполагаемую линію постовъ съ западной и южной сторонъ Карса и точно опредѣлить для нихъ пункты; затѣмъ, начальнику кавалеріи имѣть постоянное наблюденіе за правильнымъ расположеніемъ службы на нихъ.

Во всѣхъ вышеупомянутыхъ пунктахъ расположенія войскъ должны быть возведены укрѣпленія, согласно мѣстнымъ условіямъ, по указаніямъ начальниковъ частныхъ отрядовъ съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ тревоги пункты эти могли быть охраняемы возможно меньшимъ числомъ войскъ.

Всѣ селенія, находящіяся между крѣпостью и блокадною линіею нашихъ войскъ, будутъ очищены отъ жителей, съ ихъ

(*) По съемкамъ прежнихъ годовъ селеніе это названо Чахмауръ, по съемочнымъ же листамъ 1880-го — Чалгауръ.

Ред.

запасами хлѣба и стадами скота, что въ раіонѣ расположенія войскъ, подчиненныхъ генералъ-лейтенанту Роопу, будетъ произведено по непосредственному моему распоряженію; въ раіонѣ же расположенія колонны генералъ-лейтенанта Шатилова, означенную операцію прошу произвести генералъ-лейтенанта Лазарева. Выводъ изъ селеній жителей долженъ быть произведенъ повозможности одновременно, такъ какъ только при этомъ условіи можно достигнуть желаемаго результата, притомъ самымъ безобиднымъ для жителей образомъ, предоставивъ имъ свободный прогонъ скота, и вывозъ имущества внутрь страны, а равно добровольную продажу того и другаго нашимъ войскамъ. Подлинное подписалъ: командующій корпусомъ, генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ.

1877-го года, 10-го октября.
Лагерь у сел. б. Тикма.

КЪ ГЛАВѢ VIII-й.

([13])—Упомянутыя здѣсь лица, за свои подвиги, получили слѣдующія награды: прапорщикъ Крючковъ орденъ св. Георгія 4-й степени; унтеръ-офицеръ Георгій Крыштопенко, имѣвшій уже знаки отличія 4-й и 3-й степени за 20-ое и 21-ое сентября и 3-е октября, знакъ отличія 2-й степени. Впослѣдствіи, онъ произведенъ въ прапорщики. Кромѣ того, портретъ героя, вмѣстѣ съ портретами кавалеровъ 1-й и 2-й степени, удостоенъ помѣщенія въ альбомъ, поднесенный чинами дѣйствующаго корпуса Ея Императорскому Высочеству Великой Княгинѣ Ольгѣ Ѳеодоровнѣ. Потаповъ, имѣвшій уже знаки отличія 4-й степени за 3-е октября, награжденъ таковымъ же знакомъ 3-й степени и денежною наградою въ десять руб., врученныхъ ему лично командующимъ корпусомъ. Независимо того, на долю Потапова достался и полуимперіалъ, присланный изъ самарской губерніи (мѣсто родины Потапова) для выдачи тому, кто первый войдетъ въ Карсъ. Впослѣдствіи, Потаповъ произведенъ въ младшіе унтеръ-офицеры. Всегда веселый—въ бою-ли, въ кругу-ли то-

варищей—смышленый и способный, Потаповъ теперь съ честью и славою поживаетъ въ своей Жидиловкѣ. Товарищъ же его Харламовъ, находившійся почти постоянно въ охотникахъ, получилъ во время блокады и за штурмъ Сувари знаки отличія св. Георгія 4-й и 3-й степени, за спасеніе своего офицера особо знакъ 2-й степени и, впослѣдствіи, произведенъ въ унтеръ-офицеры. Харламовъ вполнѣ гордился послѣднею заслугою—на что и имѣлъ, конечно, полное право.

Разсказывая бывало товарищамъ о прошлыхъ дѣяніяхъ, онъ училъ молодыхъ солдатъ „боевымъ порядкамъ“ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «ты самъ стрѣляй или коли, когда прійдется, а съ начальника не спускай глазъ. Когда увидишь, что ему неустойка, такъ тутъ и не щади себя. Въ бою каждый поддерживаетъ и выручаетъ другъ друга».

(11)—Нельзя обойти безъ заслуженнаго вниманія интересную и характерную личность Петра Колесникова, награжденнаго за взятіе Сувари знакомъ отличія св. Георгія 4-ой степени. Онъ былъ изъ крестьянъ тамбовской губерніи, бакулинской волости, деревни Ивановки. До выступленія въ походъ, Колесниковъ былъ деньщикомъ у командира баталіона. Когда получено было приказаніе о выступленіи баталіона въ составъ дѣйствующихъ войскъ, Колесниковъ сталъ просить командира, чтобы его зачислить въ строй „хочу, в. в., крестъ получить“, говорилъ онъ. Такому похвальному стремленію нельзя было препятствовать, и Колесниковъ явился стрѣлкомъ 1-й роты. Смѣтливость и бойкость скоро вывели его изъ ряда товарищей. Мало по малу, онъ обратилъ на себя особенное вниманіе, потому что въ каждомъ дѣлѣ его видѣли впереди другихъ. Колесниковъ не упускалъ случая держаться этого правила и при всѣхъ движеніяхъ охотниковъ, команды которыхъ были сформированы подъ Карсомъ. Онъ же однимъ изъ первыхъ вызвался въ охотники. Полученіе креста привело его въ неописанный восторгъ, и потомъ часто онъ говорилъ новобранцамъ: „вотъ я былъ деньщикъ, а захотѣлъ получить крестъ и получилъ. Каждый помни, что за Богомъ молитва, а за Царемъ

служба не пропадаютъ".

(15) — Такому герою, какъ князь Иванъ Левановичъ Меликовъ, которому судьба, повидимому, сулила широкую и блестящую карьеру, а смерть между тѣмъ похитила такъ рано, нельзя не отвести почетную страницу въ предлежащемъ описаніи.

Подполковникъ князь Иванъ Левановичъ Меликовъ, кавалеръ орденовъ: св. Станислава II-й и III-й ст. съ мечами и золотаго оружія съ надписью „за храбрость", происходилъ изъ князей тифлисской губерніи. Родился 27-го марта 1843-го года и на 17-мъ году жизни посвятилъ себя военной службѣ, поступивъ, въ 1860-мъ году, унтеръ-офицеромъ въ 20-й стрѣлковый (нынѣ 3-й) баталіонъ. Съ этого же времени юный герой, участвуя въ войнѣ съ горцами, начинаетъ знакомиться съ невзгодами и трудностями боевой жизни.

Уже въ 1861-мъ году, октября 21-го, князь Иванъ Левановичъ, находясь въ лабинскомъ отрядѣ въ землѣ абадзеховъ, за отличіе, оказанное имъ въ дѣлахъ съ горцами, произведенъ былъ въ прапорщики. Въ 1863-мъ году, по распоряженію начальства, онъ командированъ былъ въ кубанскую область, для участвованія въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ горцевъ, въ составѣ даховскаго отряда, а въ 1864-му году назначенъ состоять при командующемъ войсками терской области, для особыхъ порученій; въ слѣдующемъ году получилъ по вакансіи чинъ подпоручика, а за отличіе, оказанное при покореніи западнаго Кавказа, награжденъ орденомъ св. Станислава III-й ст. съ мечами и бантомъ.

Высочайшимъ приказомъ, въ 1867-мъ году переведенъ въ кавказскій гренадерскій стрѣлковый (нынѣ 1-й кавказскій Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича) баталіонъ, въ слѣдующемъ году по вакансіи произведенъ въ поручики и въ этомъ же году, за отличіе по службѣ, получилъ чинъ штабсъ-капитана. Въ 1870-мъ году, князь съ успѣхомъ окончилъ курсъ въ кавказской учебной ротѣ и былъ назначенъ командиромъ роты. За отличіе по службѣ въ 1872-мъ году произведенъ въ капи-

таны, а въ 1873-мъ году назначенъ былъ къ Главнокомандующему кавказскою арміею для особыхъ порученій, съ зачисленіемъ по армейской пѣхотѣ. Въ этомъ же году, князь Иванъ Левановичъ принималъ дѣятельное участіе въ хивинскомъ походѣ, состоя сначала въ мангишлакскомъ отрядѣ подъ начальствомъ полковника Ломакина, а потомъ, по соединеніи съ оренбургскимъ отрядомъ, въ оренбургско-мангишлакскомъ отрядѣ. Затѣмъ принималъ участіе въ совокупномъ движеніи и дѣлахъ мангишлакскаго и туркестанскаго отрядовъ, бывшихъ подъ начальствомъ генералъ-маіора Головачева, а съ 15-го по 19-е іюня, подъ главнымъ начальствомъ генералъ-лейтенанта фонъ-Кауфмана. За отличіе въ дѣлахъ въ хивинскомъ походѣ и при движеніи противъ туркменъ, князь награжденъ былъ чиномъ маіора на тринадцатомъ году всей своей службы и орденомъ св. Станислава II-й ст. съ мечами, а въ 1877-мъ году, за отличіе по службѣ, произведенъ въ подполковники, съ назначеніемъ командиромъ 4-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона. Съ этого времени начинается новая эпоха боевой жизни князя. Князь Иванъ Левановичъ былъ принятъ стрѣлками, какъ честный и храбрый начальникъ и добрый товарищъ; ему сразу удалось завоевать симпатіи всѣхъ своихъ подчиненныхъ. Послѣ первыхъ дѣлъ съ турками, на него смотрѣли какъ на героя. Его храбрость, находчивость, умѣнье вести часть въ бой, пользоваться всѣми выгодами для нея, случайностями и ошибками непріятеля—доставили ему извѣстность человѣка, вполнѣ знакомаго съ военнымъ искусствомъ. Вотъ причины, которыя приводятъ къ убѣжденію, что для князя Меликова вся карьера была впереди. Получивъ, 11-го іюня 1877-го года, при штурмѣ цихисдзирскихъ позицій рану въ лѣвую руку, князь Меликовъ, къ общему сожалѣнію, принужденъ былъ на время разстаться съ своими сослуживцами, которыхъ уже успѣлъ привязать къ себѣ. За это дѣло, князь, В с е м и л о с т и в ѣ й ш е награжденъ золотою саблею съ надписью „за храбрость“. Будучи взаимно преданъ ввѣренной его командованію военной семьѣ, князь, хоть и жестоко страдалъ отъ

раны, но при каждомъ случаѣ справлялся о жизни и дѣятельности своего баталіона. Все это еще болѣе сродпило его съ баталіономъ, который умѣлъ цѣнить эту привязанность и расположеніе и старался всегда доказать на дѣлѣ эти чувства, ратуя вездѣ столько же за себя, сколько за честь и добрую славу своего командира. Какъ на выраженіе общей любви къ князю, можно указать на то обстоятельство, что когда онъ былъ раненъ, то по окончаніи боя каждый изъ офицеровъ посѣтилъ его на перевязочномъ пунктѣ, выражая свое сожалѣніе и вмѣстѣ съ тѣмъ надежду на скорое выздоровленіе и возвращеніе къ баталіону. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ того же года, на новомъ уже театрѣ военныхъ дѣйствій, князь присоединился къ своему баталіону. Тутъ рядъ такихъ дѣлъ, какъ 1-го, 20-го, 21-го, 22-го и 23-го сентября, 3-го октября и штурмъ кр. Карса въ ночь съ 5-го на 6-е ноября, дали громкую новую боевую славу баталіону, а съ нимъ и его храброму командиру. Дѣянія князя при штурмѣ Сувари и наступленіи къ Чиму намъ уже извѣстны.

Нетолько стрѣлки, но и постороннія лица, близко знавшія князя, глубоко были опечалены смертью человѣка, положившаго жизнь свою на славу русскаго оружія, и притомъ лично вполнѣ достойнаго.

Надлежащая оцѣнка заслугъ и качествъ князя Меликова наиболѣе всего выразилась въ двухъ видахъ: въ Высочайшемъ повелѣніи о наименованіи форта Сувари „князь Меликовъ“ и во внесеніи имени Ивана Левановича на мраморную доску въ дворцовой церкви Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя, Главнокомандующаго кавказскою арміею. Передъ такими высокими благоволѣніями къ памяти и дѣяніямъ покойнаго, блѣднѣютъ всякія дальнѣйшія сказанія и подробности о его заслугахъ.

---

(16)—Говоря о дѣлахъ и отличіяхъ баталіона и отдѣльныхъ личностяхъ его состава, нельзя обойти молчаніемъ о томъ, кто

не изъ чувства долга и службы, а по простому своему желанію нетолько добровольно участвовалъ во всѣхъ дѣлахъ баталіона, какъ охотникъ, но еще и проявлялъ такія стороны храбрости и смѣтливости, которыя приносили явную пользу дѣлу и служили поддержкою смѣлаго духа между нижними чинами. Я хочу сказать о вольнонаемномъ оружейномъ мастерѣ баталіона, юношѣ Ксаверіи Яцыно. Представьте высокаго красиваго юношу, блондина, въ парусинной гимнастической рубашкѣ, высокихъ сапогахъ, съ берданкою въ рукѣ, съ лицомъ выражающимъ полнѣйшее хладнокровіе, и портретъ Яцыно готовъ. Никакая жаркая перестрѣлка (а онъ всегда былъ въ цѣпи), никакая опасность жизни не измѣняла этого выраженія лица. За станкомъ въ мастерской, и въ цѣпи среди свистящихъ пуль, шипящихъ гранатъ, стона и криковъ раненыхъ, Яцыно былъ одинъ и тотъ же; ни одинъ мускулъ физіогноміи, ни одна нота голоса никогда не измѣняли этому чудовищному хладнокровію. Прибавьте къ этому, отличную его стрѣльбу, которую онъ довелъ до совершенства и вы будете имѣть понятіе, какое обаяніе производилъ этотъ юноша охотникъ на нижнихъ чиновъ. 21-го сентября, Яцыно, будучи въ цѣпи, и выпустивши уже сотни двѣ патроновъ, изъ которыхъ съ началомъ боя пришелся одинъ на долю турецкаго офицера, ободрявшаго верхомъ турецкую цѣпь—передъ самымъ переходомъ баталіона въ атаку, получилъ контузію въ бокъ комомъ земли, взорванной неподалеку турецкою гранатою; контузія была такъ сильна, что герой пролежалъ въ безсознательномъ положеніи минутъ пять. Когда къ нему вернулось сознаніе, то цѣпь наша выбивала уже турокъ изъ окоповъ—Яцыно не утерпѣлъ, превозмогая боль въ боку, онъ догналъ цѣпь и пошелъ впередъ со стрѣлками, очищая путь штыкомъ и преслѣдуя бѣгущихъ турокъ мѣткими выстрѣлами.

Съ 5-го на 6-е ноября при штурмѣ Карса, по занятіи баталіономъ форта Сувари, когда выбыли изъ строя ранеными—подпоручики Емануель и Развадовскій, Яцыно по собственной

иниціативѣ занялъ мѣсто одного изъ нихъ, и во главѣ цѣлой роты переправился въ бродъ черезъ Карсъ-чай, подъ жаркимъ огнемъ турокъ. За этотъ подвигъ Яцыно, уже имѣвшій за отличія въ кобулетскомъ отрядѣ золотую медаль на георгіевской лентѣ съ надписью «за храбрость», удостоенъ былъ знака отличія военнаго ордена 4-й степени за № 56285.

Описывая штурмъ Карса и ту роль, что выпала на долю нашего баталіона въ теченіи этой памятной ночи, составившей одну изъ лучшихъ страницъ минувшей кампаніи, нельзя не упомянуть о нѣкоторыхъ эпизодахъ, характеризующихъ боевой духъ и способность совершать великіе подвиги отдѣльными единицами, совокупныя усилія которыхъ заставили пасть твердыню, казавшуюся безусловно неприступной.

При движеніи колонны князя Меликова къ форту Суари, прапорщику Артамонову приказано было, начальникомъ колонны, двинуться со взводомъ охотниковъ, имѣя въ поддержкѣ роту кубанскаго полка, по правому берегу р. Карсъ-чая съ цѣлью, одновременно съ прочими частями колонны, атаковать фортъ съ сѣверной его стороны, т. е. почти съ горжи. Планъ этотъ выполнить было нелегко, потому что, войдя къ форту Суари съ сѣвера, охотники становились подъ перекрестный огонь съ трехъ сторонъ: съ Чима, окраины города и съ самаго Суари. Но размышлять было некогда, да и безполезно, а потому охотники во главѣ съ прапорщикомъ Артамоновымъ, спустившись въ оврагъ Карсъ-чая, двинулись къ форту. Пройдя нѣкоторое разстояніе, Артамоновъ, желая посовѣтоваться на счетъ дальнѣйшихъ дѣйствій съ командиромъ, назначенной къ нему въ поддержку, роты кубанскаго полка, остановилъ свою небольшую команду—но роты въ поддержкѣ не оказалось—и Артамоновъ предполагая, что ее вернули назадъ, вслѣдствіе новыхъ какихъ нибудь распоряженій, пошелъ съ командою впередъ; наводить справки о судьбѣ роты не было времени...

Пройдя версты двѣ съ половиною, по дорогѣ по берегу рѣки, охотники услышали конскій топотъ; предполагая, что это турецкая кавалерія рекогносцируетъ по другую сторону Карсъчая, прапорщикъ Артамоновъ, чтобы не быть открытымъ, поднялся выше на скалистый берегъ рѣки. Скоро стало ясно, что кавалерія, только неизвѣстно какая, шла на рысяхъ къ Карсу по той же дорогѣ, съ которой только что свернули наши охотники. Приказано зарядить ружья, приготовиться къ залпу, и сохранять строжайшую тишину. Артамоновъ, имѣя въ виду полученное имъ приказаніе не открывать огня до начала штурма, рѣшилъ было, еслибы это оказались турки, пропустить ихъ къ Карсу, и, потомъ уже двигаться туда самому съ командою. Но случаю было угодно распорядиться иначе. Кавалеристы, числомъ до 50-ти человѣкъ, проѣхавъ мѣсто, гдѣ находились охотники, шагахъ въ 50-ти остановились и нѣсколько человѣкъ слѣзло съ лошадей и направилось часть къ рѣкѣ, а часть къ мѣсту нахожденія команды охотниковъ; тѣ, которые пошли въ сторону охотниковъ, скоро бѣгомъ возвратились къ своимъ и что то сообщили. Артамоновъ, видя что турки намѣреваются произвести тщательную рекогносцировку, рѣшилъ встрѣтить ихъ огнемъ, и поэтому приказалъ стрѣлкамъ тихо взвести курки и приготовиться къ залпу. Турки, между тѣмъ построившись, повернули назадъ, по дорогѣ откуда шла атакующая колонна князя Меликова. Въ это время съ Суварп слышны были орудійные выстрѣлы. Турки, проѣхавъ шагомъ около 30-ти шаговъ отъ охотниковъ, остановились, и бывшій впереди офицеръ окликнулъ по турецки, и не получивъ отвѣта, повторилъ свой вопросъ. Не замерли еще въ холодномъ воздухѣ ноябрьской ночи послѣдніе звуки голоса турецкаго офицера, какъ раздался дружный залпъ охотниковъ въ упоръ турецкому разъѣзду. Человѣкъ до 20-ти свалились бездыханными и раненными на землю, а прочіе, частью тоже раненые, опеломленные, въ испугѣ бросились, кто вплавь черезъ Карсъчай, кто въ Карсъ. Черезъ полчаса охотники прапорщика

Артамонова, притаивъ дыханіе, тихо карабкались по скалистому берегу рѣки на верхъ, гдѣ надъ ихъ головами шестифунтовыя крупповскія чудовища извергали смертоносный огонь. Вотъ они уже близки къ форту, слышны команды турецкихъ офицеровъ, а колонны князя Меликова все еще нѣтъ, но не успѣли еще охотники Артамонова выбраться на верхнюю площадку передъ бруствероиъ, какъ раздалось дружное ура! Черезъ минуту охотники Артамонова соединились съ охотниками прапорщика Крючкова у орудій форта.

Говорятъ, война родитъ полководцевъ и героевъ! Много именъ, особенно отличившихся русскихъ воиновъ героевъ, занесено въ военную исторію, но были и такіе, подвиги которыхъ, какъ и имена ихъ, остались неизвѣстны, это отчасти и потому, что тѣ или другія проявленія храбрости, находчивости и т. п. боевыя стороны воина, въ то время, когда войска дрались съ непріятелемъ чуть ли не каждый день, и когда война со всѣми ея послѣдствіями, въ дѣйствующихъ войскахъ уже закаленныхъ въ бояхъ, считалась обыкновеннымъ явленіемъ и даже обыденнымъ дѣломъ, тогда—и многіе подвиги были дѣломъ обыкновеннымъ, честнымъ выполненіемъ воиномъ своихъ обязанностей. Потомъ уже, когда война прекратилась, когда жертвы ея уже оплаканы близкими людьми, когда и самый воинъ уже находится въ мирной обстановкѣ жизни, тогда только подобные случаи, съ однимъ изъ которыхъ я сейчасъ познакомлю читателя, заставляютъ удивляться и дѣлать заслуженную оцѣнку. Не вызоветъ ли на лицѣ читателя удивленія и восторга слѣдующій эпизодъ. Когда 4-й стрѣлковый баталіонъ, взявъ Сувари, переправлялся черезъ Карсъ-чай и шелъ къ Чиму, то прапорщикъ Артамоновъ, идя съ охотниками, видитъ какъ одинъ изъ нихъ остановился передъ камнемъ и нагнулся впередъ. Считая его раненымъ, Артамоновъ подошелъ къ нему, спрашивая: «куда раненъ братецъ?» «Никакъ нѣтъ ваше благородіе», отвѣчалъ стрѣлокъ, «про-

клятые турки штыкъ согнули въ Сувари, такъ вотъ хочу поправить, а то пожалуй промахнешься въ рукопашной»— и неустрашимый молодецъ, не обращая вниманія на ужасный огонь съ Чима и города, продолжалъ выправлять штыкъ, и удары о штыкъ нѣкоторое время перемѣшивались со шлепаньемъ турецкихъ пуль о нагробные камни правовѣрныхъ (наши занимали въ то время кладбище). Къ несчастію фамилія этого молодца осталась неизвѣстною. И немало такихъ....

КЪ ГЛАВѢ IX-й.

([17])—Его Императорское Величество въ присутствіи Своемъ въ Ливадіи, октября 13-го дня 1878-го года, соизволилъ отдать слѣдующій приказъ:

Въ ознаменованіе особаго Монаршаго благоволенія и въ награду за подвиги, мужество и храбрость, оказанные въ продолженіи минувшей войны 1877-го и 1878-го годовъ, войсками дѣйствовавшими въ азіатской Турціи, Государь Императоръ Всемилостивѣйше жалуетъ имъ георгіевскія знамена съ надписями:

„за отличіе въ турецкую войну 1877-го и 1878-го годовъ» въ числѣ прочихъ: 4-му кавказскому стрѣлковому баталіону; георгіевскіе серебряные сигнальные рожки съ надписями: „за взятіе Карса 6-го ноября 1877-го года“ кавказскимъ стрѣлковымъ баталіонамъ: 1-му Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича и 4-му. Подлинный подписалъ: военный министръ, генералъ-адъютантъ графъ Милютинъ.

Приложеніе А.

СПИСОКЪ

штабъ и оберъ-офицерамъ 4-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона выступившимъ въ походъ, 5-го февраля 1877-го года.

Чинъ, имя, отчество и фамиліи.	Въ какой должности состояли.
Полковникъ Андрей Ивановичъ Шиманскій	Командиръ баталіона съ 17-го сентября 1871-го года.
Маіоръ Иванъ Макарьевичъ Іовецъ-Терещенко.	Завѣдывающій хозяйствомъ баталіона съ 15-го августа 1874-го года.
Капитаны:	
Артемій Васильевичъ Полковниковъ	Командиръ 1-й роты съ 23-го января 1876-го года.
Іосифъ Ивановичъ Горскій. . .	Командиръ 4-й роты съ 26-го мая 1876-го года.
Александръ Николаевичъ Кондратьевъ.	Командиръ 3-й роты съ 8-го ноября 1874-го года.
Штабсъ-капитанъ Михаилъ-Тетусъ Александровичъ Видгантъ. .	Командиръ 2-й роты съ 26-го января 1876-го года.
Поручики:	
Діонисій Петровичъ Худѣевъ. .	Завѣдывающій учебной командой съ 12-го іюля 1876-го года.
Константинъ Васильевичъ Поповъ	Баталіонный казначей съ 1-го августа 1874-го года.

Прапорщики:	
Осодоръ Васильевичъ Емануель.	Субалтернъ-офицеры.
Алексѣй Петровичъ Соловьевъ.	
Иванъ Еразмовичъ Карпинскій.	Баталіонный квартермистръ съ 4-го іюня 1875-го года.
Владиміръ Александровичъ Развадовскій.	Субалтернъ-офицеръ.
Александръ Константиновичъ Поповъ	Баталіонный адъютантъ съ 26-го января 1877-го года.
Авель Григорьевичъ Шадиновъ.	Субалтернъ-офицеры.
Николай Константиновичъ Поповъ	

Приложеніе Б.

СПИСОКЪ

Штабъ и оберъ офицерамъ 4-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона, участвовавшимъ въ походахъ и сраженіяхъ въ минувшую войну съ турками, въ 1877-мъ и 1878-мъ годахъ.

Званіе, имена, отчество и фамиліи.	Съ котораго и по какое время находились въ походахъ и сраженіяхъ.
Полковникъ Андрей Ивановичъ Шиманскій.	Командиръ баталіона, въ походахъ съ 5-го февраля по 7-е мая 1877-го г. Въ сраженіяхъ съ 19-го апрѣля по 7-е мая 1877-го г. Сдалъ баталіонъ вслѣдствіе назначенія командиромъ 77-го пѣхотнаго Тенгинскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексія Александровича полка, 3-го мая 1877-го г.
Подполковники:	
Князь Иванъ Левановичъ Меликовъ.	Командиръ баталіона, въ походахъ и сраженіяхъ съ 7-го мая по 6-е ноября 1877-го г. Умеръ отъ ранъ, полученныхъ при штурмѣ кр. Карса, съ 5-го на 6-е ноября 1877-го г.
Иванъ Висаріоновичъ Сагиновъ.	Командиръ баталіона, въ походахъ съ 4-го января по 14-е октября 1878-го года. Въ сраженіяхъ съ 4-го января по 19-е февраля 1878-го г. (нынѣ командиръ 152-го пѣхотнаго владикавказскаго полка).
Иванъ Макаровичъ Іовець-Терещенко	Младшій штабъ-офицеръ, въ походахъ съ 5-го февраля 1877-го г. по 14-е октября 1878-го г. Въ сраженіяхъ съ 29-го апрѣля 1877-го г. по 19-е февраля 1878-го г.

Капитаны:	
Артемій Васильевичъ Полковниковъ.	Командиръ 1-ой роты, въ походахъ съ 5-го февраля по 22-е сентября 1877-го г. Въ сраженіяхъ съ 29-го апрѣля по 21-е сентября 1877-го г. Раненъ 2-го сентября 1877-го г. Назначенъ адъютантомъ къ начальнику дагестанской области, потомъ къ помощнику Главнокомандующаго.
Іосифъ Ивановичъ Горскій.	Командиръ 4-й роты, въ походахъ съ 5-го февраля 1877-го по 14-е октября 1878-го г. Въ сраженіяхъ съ 19-го апрѣля 1877-го г. по 19-е февраля 1878-го г. Переведенъ, съ производствомъ въ маіоры, въ 3-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ въ 1880-го г.
Александръ Николаевичъ Кондратьевъ	Въ походахъ съ 5-го февраля по 27-е октября 1877-го г. Въ сраженіяхъ съ 29-го апрѣля по 12-е іюня 1877-го г. Переведенъ въ озургетскій мѣстный баталіонъ.
Михаилъ Юльевичъ Левестамъ.	Командиръ 3-й роты, въ походахъ съ 8-го іюня 1877-го г. по 14-е октября 1878-го г. Въ сраженіяхъ съ 11-го іюня 1877-го по 6-е ноября 1877-го г. Назначенъ въ 1881-мъ г. смотрителемъ 1-го тифлисскаго военнаго госпиталя.
Штабсъ-капитаны:	
Михаилъ Александровичъ Видгантъ.	Командиръ 2-ой роты, въ походахъ съ 5-го февраля по 22-е сентября 1877-го г. Въ сраженіяхъ съ 29-го апрѣля по 22-е сентября 1877-го г. Умеръ отъ раны, полученной 21-го сентября.

Николай Васильевичъ Волынскій	Въ походахъ съ 26-го апрѣля 1877-го г. по 14-е октября 1878-го г. Въ сраженіяхъ съ 29-го апрѣля 1877-го по 19-е февраля 1878-го г.
Поручики:	
Діонисій Петровичъ Худѣевъ.	Въ походахъ съ 5-го февраля по 22-е сентября 1877-го г. Въ сраженіяхъ съ 29-го апрѣля по 22-е сентября 1877-го г. Умеръ отъ тифа въ ноябрѣ 1877-го г.
Константинъ Васильевичъ Поповъ.	Въ походахъ съ 5-го февраля по 13-е іюня 1877-го г. Умеръ отъ раны, полученной 11-го іюня 1877-го г.
Валеріанъ Григорьевичъ Петровичъ	Въ походахъ съ 31-го декабря 1877-го г. по 14-е октября 1878-го г. Въ сраженіяхъ съ 31-го декабря 1877-го по 19-е февраля 1878-го г. Командовалъ въ 1878-мъ г. ротою.
Павелъ Станиславовичъ Рубажевичъ.	Въ походахъ съ 31-го декабря 1877-го г. по 14-е октября 1878-го г. Въ сраженіяхъ съ 31-го декабря 1877-го г. по 19-е февраля 1878-го г. Переведенъ въ 1880-мъ г. въ 81-й апшеронскій полкъ.
Ѳеодоръ Васильевичъ Эмануель.	Въ походахъ съ 5-го февраля по 6-е ноября 1877-го г. Въ сраженіяхъ съ 29-го апрѣля по 6-е ноября 1877-го г. Раненъ въ ночь съ 5-го на 6-е ноября 1877-го г.
Алексѣй Петровичъ Соловьевъ.	Въ походахъ съ 5-го февраля 1877-го г. по 14-е октября 1878-го г. Въ сраженіяхъ съ 29-го апрѣля 1877-го г. по 19-е февраля 1878-го г.

	Назначенъ въ 1881-мъ г. полицейскимъ приставомъ гор. Тифлиса.
Подпоручики:	
Иванъ Еразмовичъ Карпинскій.	Въ походахъ съ 5-го февраля по 13 е іюня 1877-го г. Въ сраженіяхъ съ 29-го апрѣля по 13-е іюня 1877-го г. Переведенъ въ 151-й пѣхотный пятигорскій полкъ.
Владиміръ Александровичъ Развадовскій.	Въ походахъ съ 5-го февраля по 6-е ноября 1877-го г. Въ сраженіяхъ съ 29-го апрѣля по 6-е ноября 1877-го г. Раненъ въ ночь съ 5-го на 6-е ноября 1877-го г. Въ 1878-мъ году, 25-го августа, умеръ въ гор. Эрзерумѣ отъ тифа.
Александръ Константиновичъ Поповъ.	Баталіонный адъютантъ, въ походахъ съ 5-го февраля 1877-го по 14-е октября 1878-го г. Въ сраженіяхъ съ 29-го апрѣля 1877-го г. по 19-ое февраля 1878-го г.
Авель Григорьевичъ Шадиновъ.	Баталіонный квартермистръ, въ походахъ съ 5-го февраля 1877-го по 14-е октября 1878-го г. Въ сраженіяхъ съ 29-го апрѣля 1877-го по 19-е февраля 1878-го г.
Прапорщики:	
Викторъ Іосифовичъ Бражниковъ	Въ походахъ съ 5-го февраля 1877-го г. по 14-е октября 1878-го г. Въ сраженіяхъ съ 29-го апрѣля 1877-го г. по 19-е февраля 1878-го г. Переведенъ въ 81-й пѣхотный апшеронскій полкъ въ 1880 г.

Николай Константиновичъ Поповъ	Въ походахъ съ 5-го февраля 1877-го г. по 14-е октября 1878-го г. Въ сраженіяхъ съ 29-го апрѣля 1877-го г. по 19-е февраля 1878-го г. Переведенъ въ 1880-мъ г. въ 154-й пѣхотный дербентскій полкъ.
Николай Алексѣевичъ Крючковъ.	Въ походахъ съ 5-го февраля 1877-го по 14-е октября 1878-го г. Въ сраженіяхъ съ 29-го апрѣля 1877-го по 19-е февраля 1878-го г.
Василій Андреевичъ Артамоновъ.	Въ походахъ съ 6-го сентября 1877-го по 14-е октября 1878-го г. Въ сраженіяхъ съ 6-го сентября 1877-го по 19-е февраля 1878-го г.
Михаилъ Николаевичъ Ивановъ.	Въ походахъ съ 6-го сентября 1877-го по 14-е октября 1878-го г. Въ сраженіяхъ съ 6-го сентября 1877-го по 19-е февраля 1878-го г. Переведенъ въ 156-й пѣхотный елисаветпольскій полкъ.
Григорій Павловичъ Даниловъ.	Въ походахъ и сраженіяхъ съ 1-го сентября по 15-е декабря 1877-го г. Переведенъ въ 149-й пѣхотный черноморскій полкъ.
Александръ Ивановичъ Малининъ.	Въ походахъ съ 1-го сентября 1877-го г. по 14-е октября 1878-го г. Въ сраженіяхъ съ 1-го сентября 1877-го по 19-е февраля 1878-го г.
Владиміръ Петровичъ Каменецкій.	Въ походахъ и сраженіяхъ съ 6-го по 22-е сентября 1877-го г. Умеръ, отъ раны на перевязочномъ пунктѣ, 21-го сентября.

Произведенные за военныя отличія, прапорщики:	
Николай Діонисьевичъ Стржалковскій 1-й.	Въ походахъ съ 5-го февраля 1877-го г. по 14-е октября 1878-го г. Въ сраженіяхъ съ 2-го апрѣля 1877-го по 19-е февраля 1878-го г.
Антонъ Діонисьевичъ Стржалковскій 2-й.	Тоже.
Григорій Кондратьевичъ Крыштопенко.	Тоже.
Хассанъ-Ханъ-Аташевъ. . .	Тоже (переведенъ въ 152-й пѣхотный владикавказскій полкъ).
Константинъ Васильевичъ Васильевъ	Тоже (переведенъ въ 156-й пѣхотный елисаветпольскій полкъ).
Георгій Богдановичъ Калустовъ	Въ походахъ съ 5-го февраля 1877-го по 14-е октября 1878-го г. Въ сраженіяхъ съ 29-го апрѣля 1877-го по 19-е февраля 1878-го г. (переведенъ въ 149-й пѣхотный черноморскій полкъ).
Индрисъ Мута-Мутаевъ. .	Тоже (переведенъ въ 149-й пѣхотный черноморскій полкъ).
Давидъ Ростомовичъ Алтуновъ	Въ походахъ съ 10-го ноября 1877-го г. по 14-е октября 1878-го г. Въ сраженіяхъ съ 10-го ноября 1877-го г. по 19-е февраля 1878-го г.
Георгій Беровичъ Бекауровъ.	Въ походахъ съ 23-го мая 1877-го г. по 14-е октября 1878 г. Въ сраженіяхъ съ 23-го мая 1877-го г. по 19-е февраля 1878-го г. (нынѣ 152-го пѣхотнаго владикавказскаго полка.)

Списокъ оберъ-офицерамъ 4-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона, получившимъ ордена св. Георгія 4-й ст. въ минувшую войну съ Турціею.

Капитаны:	
Іосифъ Ивановичъ Горскій.	За отличіе, оказанное при штурмѣ кр. Карса, въ ночь съ 5-го на 6-е ноября 1877-го г.
Михаилъ Юльевичъ Левестамъ.	За отличіе, оказанное въ дѣлѣ съ турками 3-го октября 1877-го г., при плѣненіи Омеръ-паши на базарджикскихъ высотахъ.
Прапорщикъ:	
Николай Алексѣевичъ Крючковъ	За отличіе при штурмѣ крѣпости Карса, въ ночь съ 5-го на 6-е ноября 1877-го года.

Приложеніе В.

СПИСОКЪ

Офицерамъ 4-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона съ означеніемъ, кто за какое дѣло и какую удостоились получить награду.

ИМЕНА И ФАМИЛІИ.	Какая получена награда.
За разновременныя дѣла съ турками: 29-го апрѣля, 16-го, 20-го и 21-го мая 1877-го года, въ бытность 4-го стрѣлковаго баталіона въ составѣ войскъ прирiонскаго края:	
Капитаны:	
(Командиръ 1-й роты) Артемій Полковниковъ	Св. Анны 3-й степени съ мечами и бантомъ.
(Командиръ 4-й роты) Іосифъ Горскій	
Подпоручики:	
(Баталіонный адъютантъ) Александръ Поповъ.	Св. Станислава 3-й степени съ мечами и бантомъ.
(Субалтернъ-офицеръ) Ѳеодоръ Емануель	
Прапорщики:	
(И. д. квартермистра) Авель Шадиновъ.	Слѣдующій чинъ.
(Субалтернъ-офицеръ) Николай Поповъ	Св. Анны 4-й степени съ надписью «за храбрость».
За 11-е и 12-е іюня 1877-го года.	
Подполковникъ (командиръ баталіона) князь Иванъ Левановичъ Меликовъ.	Золотыя сабли съ надписью «за храбрость».
Маіоръ (младшій штабъ-офицеръ) Иванъ Іовецъ-Терещенко. . . .	

Штабсъ-капитанъ (командиръ 2-й роты) Михаилъ Видгантъ. . . .	Св. Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ.
За 6-е и 13-е августа 1877-го года.	
Въ составѣ главныхъ силъ, дѣйствовавшаго на кавказско-турецкой границѣ корпуса.	
Капитанъ (командиръ 4-й роты) Іосифъ Горскій.	Св. Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ.
Штабсъ-капитанъ (командиръ 3-й роты) Михаилъ Левестамъ . . .	
Поручикъ (казначей) Николай Волынскій	Св. Анны 3-й степени съ мечами и бантомъ.
За 1-е сентября 1877-го года въ томъ же отрядѣ.	
Поручикъ (субалтернъ-офицеръ) Діонисій Худѣевъ.	Св. Станислава 3-й степени съ мечами и бантомъ.
За 20-е, 21-е и 22-е сентября 1877-го года.	
Капитаны:	
(Командиръ 4-й роты) Іосифъ Горскій	Золотая сабля съ надписью «за храбрость».
(Командиръ 1-й роты) Артемій Полковниковъ (20-го сентября получилъ тяжелую рану, при выбитіи турокъ изъ сел. Гюль-веранъ).	Св. Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ.
Подпоручики:	
(Баталіонный адъютантъ) Александръ Поповъ.	Св. Анны 3-й степени съ мечами и бантомъ.
(Субалтернъ-офицеръ) Ѳеодоръ Емануель	
(Субалтернъ-офицеръ) Алексѣй Соловьевъ	Св. Станислава 3-й степени съ мечами и бантомъ.
(Баталіонный квартермистръ) Авель Шадиновъ	

За 2-е и 3-е октября 1877-го года.	
Штабсъ-капитанъ (командиръ 3-й роты) Михаилъ Левестамъ . . .	Чинъ капитана за 2-е октября и, за 3-е октября орденъ св. Георгія 4-й степени.
Поручикъ (баталіонный казначей) Николай Волынскій . . .	Чинъ штабсъ-капитана.
Прапорщики:	
(Субалтернъ-офицеръ) Григорій Даниловъ	Св. Станислава 3-й степени съ мечами и бантомъ.
(Субалтернъ-офицеръ) Михаилъ Ивановъ	Св. Анны 4-й степени съ надписью «за храбрость».
(Субалтернъ-офицеръ) Василій Артамоновъ.	Св. Станислава 3-й степени съ мечами и бантомъ.
За штурмъ кр. Карса, съ 5-го на 6-е ноября 1877-го года.	
Капитанъ (командиръ 4-й роты) Іосифъ Горскій	Св. Георгія 4-й степени:
Прапорщикъ (субалтернъ-офицеръ) Николай Крючковъ.	
Подполковникъ (командующій баталіономъ) Іовецъ-Терещенко . .	Св. Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ.
Капитанъ (командиръ 3-й роты) Михаилъ Левестамъ	Св. Станислава 2-й степени съ мечами.
Штабсъ-капитанъ (баталіонный казначей) Николай Волынскій. .	Св. Анны 4-й степени съ надписью «за храбрость».
Подпоручики:	
(Командующій 1-й ротой) Алексѣй Соловьевъ.	Чины поручика.
(Командиръ 2-й роты) Ѳеодоръ Емануель.	
(Субалтернъ-офицеръ) Владиміръ Развадовскій	Св. Анны 3-й степени съ мечами и бантомъ.

(Баталіонный квартермистръ) Авель Шадиновъ	Св. Анны 3-й степени съ мечами и бантомъ.
Прапорщики:	
(Субалтернъ-офицеръ) Александръ Малининъ	Св. Анны 4-й степени съ надписью «за храбрость».
(Субалтернъ-офицеръ) Василій Артамоновъ.	Св. Анны 3-й степени съ мечами и бантомъ.
(Субалтернъ-офицеръ) Михаилъ Ивановъ.	Св. Станислава 3-й степени съ мечами и бантомъ.
За 30-е декабря 1877-го года.	
Штабсъ-капитанъ (баталіонный казначей) Николай Волынскій. .	Св. Станислава 2-й степени съ мечами.
Поручикъ (командующій 1-й ротой) Алексѣй Соловьевъ	Св. Анны 3-й степени съ мечами и бантомъ.
Подпоручики:	
(Командующій 2-й ротой) Николай Крючковъ.	Св. Анны 4-й степени съ надписью «за храбрость».
(Командующій 3-й ротой) Викторъ Бражниковъ.	Св. Станислава 3-й степени съ мечами и бантомъ.
За блокаду г. Эрзерума, зимою 1877-го и 1878-го годовъ, въ составѣ войскъ согаплугскаго отряда.	
Подполковникъ (младшій штабъ-офицеръ) Иванъ Макарьевичъ Іовецъ-Терещенко.	Св. Станислава 2-й степени съ мечами.
Капитанъ (командиръ 4-й роты) Іосифъ Г'орскій.	Св. Станислава 2-й степени съ мечами и пособіе въ размѣрѣ ½ годичнаго оклада жалованья.

Капитанъ (командующій 3-й ротой) Михаилъ Левестамъ. . .	Св. Анны 2-й степени съ мечами и ½ годичный окладъ жалованья.
Штабсъ-капитанъ (баталіонный казначей) Николай Волынскій. .	Св. Владиміра 4-й степени и ½ годичный окладъ жалованья.
Поручикъ (командиръ 2-й роты) Валеріанъ Петровичъ.	Св. Анны 3-й степени съ мечами и бантомъ и ½ годичный окладъ жалованья.
Поручикъ (и. д. баталіоннаго адъютанта) Павелъ Рубажевичъ. .	Св. Станислава 3-й степени съ мечами и бантомъ и ½ годичный окладъ жалованья.
Поручики:	
(Командиръ 1-й роты) Александръ Поповъ.	Св. Станислава 2-й степени съ мечами и ½ годичный окладъ жалованья.
(Субалтернъ-офицеръ) Алексѣй Соловьевъ.	
(Баталіонный квартермистръ) Авель Шадиновъ	Св. Анны 4-й степени съ надписью «за храбрость» и ½ годичный окладъ жалованья.
Подпоручики:	
(Субалтернъ-офицеръ) Николай Поповъ.	Св. Станислава 3-й степени съ мечами и бантомъ и ½ годичный окладъ жалованья.
(Субалтернъ-офицеръ) Александръ Малининъ.	
(Субалтернъ-офицеръ) Викторъ Бражниковъ.	Св. Анны 3-й степени съ мечами и бантомъ и ½ годичный окладъ жалованья.
(Субалтернъ-офицеръ) Николай Крючковъ.	
(Субалтернъ-офицеръ) Василій Артамоновъ.	Св. Анны 4-й степени съ надписью «за храбрость» и ½ годичный окладъ жалованья.

Произведены за военныя отличія въ прапорщики.

Вольноопредѣляющіеся:	
Николай Стржалковскій 1-й. .	За отличіе, оказанное въ дѣлѣ съ турками при штурмѣ кр. Карса, въ ночь съ 5-го на 6-е ноября 1877-го года.
Георгій Крыштопенко. . . .	
Антонъ Стржалковскій 2-й. .	
Георгій Калустовъ.	
Индрисъ Мута-Мугаевъ . . .	
Константинъ Васильевъ . . .	
Хассанъ-Ханъ-Аташевъ. . . .	За отличіе, оказанное въ разновременныхъ дѣлахъ съ турками въ 1877-мъ и 1878-мъ годахъ.
Давидъ Алтуновъ	
Георгій Бекауровъ.	
Иванъ Кириловъ	

Приложеніе Г.

СПИСОКЪ

нижнимъ чинамъ 4-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона, награжденнымъ знаками отличія военнаго ордена въ кампанію 1877-го и 1878-го годовъ.

ИМЕНА И ФАМИЛІИ.	Степень знаковъ.	№ знаковъ	Отмѣтка за какія дѣла получены.
Фельдфебеля:			За 29-е апрѣля 1877-го года.
Федоръ Григорьевъ.	4	33675	
Петръ Пѣговъ.	»	22369	
Александръ Илюшинъ. . .	»	33685	
Яковъ Щединъ.	»	33691	
Рядовые:			
Сергѣй Мягковъ.	»	33093	
Илья Барадулинъ.	»	33100	
Матвѣй Ивановъ.	»	33102	
Константинъ Душутинъ . .	»	33686	
Унтеръ-офицеры:			За 16-е, 20-е и 21-е мая 1877-го года.
Гаврінлъ Корпѣевъ.	»	36534	
Василій Голованов.	»	35676	
Василій Хомутовъ	»	35915	
Рядовые:			
Василій Аравадѣевъ. . . .	»	36535	
Яковъ Кузнецовъ.	»	36494	
Григорій Минаевъ	»	35656	
Степанъ Ивановъ.	»	36517	
Иванъ Поповъ.	»	36690	
Евсѣй Терешковъ.	»	36531	
Иванъ Шумахеръ	»	35699	
Лаврентій Зиновьевъ . . .	»	36503	
Тимофей Тарасовъ.	»	36677	За 16-е, 20-е и 21-е апрѣля 1877-го г.
Иванъ Растрогинъ	»	36483	
Николай Хохловъ	»	36509	
Левъ Парамоновъ	»	36495	

Фельдфебеля:			
Иванъ Грачевъ	»	36764	За дѣла 11-го и 12-го іюня 1877-го года.
Иванъ Алексѣевъ.	»	36561	
Унтеръ-офицеры:			
Петръ Чистовъ	»	35913	
Николай Запятецкій . . .	»	35371	
Василій Игнатьевъ.	»	36476	
Иванъ Соколовъ.	»	35352	
Степанъ Тарановъ	»	36537	
Антонъ Мещаряковъ . . .	»	35360	
Степанъ Спицинъ	»	36719	
Митрофанъ Елисѣевъ. . . .	»	36562	
Евдокимъ Табашниковъ . .	»	35924	
Антонъ Стржалковскій. . .	»	36553	
Ефимъ Болотниковъ. . . .	»	36704	
Федоръ Тарасовъ.	»	35940	
Федоръ Жижинъ.	»	36488	
Карлъ Кондратовичъ . . .	»	35929	
Горнистъ Максимъ Чаковъ.	»	36525	
Рядовые:			
Иванъ Степановъ.	»	36545	
Трофимъ Ивановъ	»	36528	
Кузьма Кутьинъ	»	36533	
Филиппъ Рыжовъ	»	36680	
Никаноръ Лаптевъ.	»	35908	
Фролъ Лезинковъ.	»	36700	
Степанъ Перинъ	»	36716	
Василій Крюковъ.	»	36502	
Матвѣй Ильинъ.	»	36460	
Григорій Котельниковъ . .	»	35925	
Лаврентій Стародубцевъ . .	»	35356	
Андрѣй Куркинъ.	»	35355	
Акимъ Харламовъ	»	35366	
Василій Огарковъ	»	35370	
Трофимъ Андрѣевъ.	»	35363	
Николай Зеленцовъ.	»	35563	
Матвѣй Морозовъ	»	42728	

Унтеръ-офицеры:			
Федоръ Софинъ	»	42294	За 13-е августа 1877-го года.
Николай Стржалковскій . .	»	42258	
Иванъ Чирковъ	»	42326	
Николай Ухарскій	»	42329	
Рядовые:			
Макаръ Борматовъ.	»	42280	
Егоръ Кисленко	»	42296	
Абрамъ Максименко . . .	»	42268	
Василій Жиголинъ	»	42276	
Степанъ Дубининъ	»	42262	
Иванъ Волковъ	»	42300	
Андрѣй Терентьевъ. . . .	»	42254	
Андрѣй Банцаржевскій . .	»	42252	
Дмитрій Аникѣевъ	»	42257	
Тимофей Сосунковъ. . . .	»	42328	
Георгій Бекауровъ	»	42310	
Афанасій Радіоновъ. . . .	»	42274	
Унтеръ-офицеръ Георгій Калустовъ	»	43335	За 1-е сентября 1877-го г.
Рядовые:			
Матвѣй Вѣткинъ.	»	43332	
Бакъ-Мурза Киримовъ. . .	»	1848	
Исай Мельниковъ	»	43319	
Яковъ Прахтъ.	»	43304	
Матвѣй Слѣпыхъ.	»	43305	
Тихонъ Горшковъ	»	43519	
Иванъ Муркаевъ.	»	43306	
Фельдфебеля:			
Степанъ Федоровъ	»	48715	За 20-е, 21-е и 22-е сентября 1877-го г.
Лукьянъ Куликовъ	»	38638	
Иванъ Полковниковъ . . .	»	39326	
Унтеръ-офицеры:			
Тимофей Гапѣевъ.	»	48759	
Владиміръ Диникаевъ. . .	»	39441	
Федоръ Бударинъ.	»	48786	

Алексѣй Мальцевъ.	»	48751	
Максимъ Юрпнъ.	»	38709	
Григорій Ивановъ	»	39447	
Николай Игнатьевъ. . . .	»	48677	
Петръ Кузьминъ.	»	43725	
Григорій Дорофѣевъ . .	»	39348	
Иванъ Шабновъ.	»	39341	
Панкратъ Никитинъ . . .	»	39333	
Григорій Крыштопенко . .	»	39385	
Константинъ Васильевъ . .	»	38381	
Тимофей Малкоѣдовъ. . . .	»	39317	
Горнисты:			
Лукьянъ Харковскій . . .	»	39411	
Адамъ Волынскій.	»	38710	
Рядовые:			
Кузьма Ерусланов.	»	48743	
Иванъ Тамалаевъ.	»	39301	
Андрѣй Сажневъ.	»	39384	
Федоръ Тараховъ.	»	43534	
Никифоръ Абрамовъ. . . .	»	48749	
Павелъ Сиволовъ.	»	48752	
Степанъ Бѣлкинъ	»	48679	
Иванъ Филиченко.	»	48704	
Иванъ Анненковъ	»	64242	
Филиппъ Тихоновъ	»	39362	
Василій Быковъ	»	48754	
Лаврентій Маргуновъ. . . .	»	39327	
Яковъ Колмыковъ	»	38670	
Михаилъ Макаровъ.	»	43528	
Андрѣй Турункинъ.	»	48720	
Иванъ Филиповъ.	»	43914	
Даніилъ Ефимовъ	»	38799	
Сергѣй Шелудяковъ. . . .	»	39344	
Прохоръ Каменскій. . . .	»	48769	
Несторъ Печенкинъ. . . .	»	48788	
Яковъ Чернышовъ	»	48659	
Дмитрій Дырпнъ.	»	39354	
Емельянъ Слышко	»	38648	
Василій Свитневъ.	»	39353	

За 20-е, 21-е и 22-е сентября 1877-го года.

Иванъ Чекуринъ.	»	39369	За 20-е, 21-е и 22-е сентября 1877-го г.
Лукьянъ Казадаевъ.	»	48744	
Михаилъ Лошиовъ	»	39439	
Сергѣй Шматовъ.	»	39340	
Егоръ Гришняковъ.	»	39421	
Михаилъ Глуховъ	»	39323	
Егоръ Павлюковъ	»	39406	
Никифоръ Ульяновъ.	»	38685	
Андрѣй Дрожалкинъ . . .	»	48793	
Александръ Тюргановъ . .	»	38668	
Никифоръ Герасимовъ. . . .	»	39338	
Филиппъ Роговъ.	»	39389	
Затъ Ивличевъ.	»	39371	
Николай Фроловъ	»	48686	
Иванъ Урюпинъ.	»	39416	
Федоръ Булавневъ	»	39396	
Иванъ Чернышовъ	»	43494	
Иванъ Вечкитовъ.	»	39388	
Фельдфебель Яковъ Щерединъ	2	778	
Унтеръ-офицеры:			
Иванъ Соколовъ.	3	2816	За 2-е и 3-е октября 1877-го года.
Романъ Федоровъ.	4	51056	
Илья Матвѣевъ	»	50597	
Семенъ Коробочкинъ . . .	»	60151	
Евдокимъ Петровъ	»	60152	
Василій Тарасовъ.	»	51085	
Мартынъ Федоровъ	»	51081	
Филиппъ Юдинъ.	»	60153	
Афанасій Семеновъ. . . .	»	51063	
Лука Блиновъ.	»	60154	
Василій Кошелевъ	»	50583	
Индрисъ Мутаевъ	3	79	
Георгій Крыштопенко. . .	»	2817	
Иванъ Коробковъ	4	57057	
Хасанъ Аташевъ.	»	»	
Горнистъ Иванъ Гончаровъ.	»	60184	
Рядовые:			
Петръ Калушевъ.	»	57080	

Нарутдинъ Сафаръ Галѣевъ.	»		
Ефимъ Бадерскій.	»	60156	
Игнатій Барскій.	»	60257	
Иванъ Тюклинъ	»	60158	
Михаилъ Петровъ	»	60159	
Яковъ Федосовъ	»	60160	
Сергѣй Кочневъ	»	60161	
Яковъ Сергѣевъ	»	51092	
Романъ Исаевъ	»	60162	
Андрѣй Потаповъ	»	51079	
Иванъ Мищукъ	»	60163	
Минубей Хасьяновъ. . . .	»	»	
Андрѣй Антоновъ	»	60164	
Захаръ Дельповъ.	»	51082	
Иванъ Симоновъ.	»	60165	
Еманунлъ Афанасьевъ. . .	»	60166	
Ефимъ Игнатьевъ	»	60167	
Архипъ Пыхтовъ.	»	60168	
Андрѣй Тоарнаевъ	»	60169	
Иванъ Волковъ	3	2818	
Прокофій Бочковъ	4	51070	
Захаръ Садчиковъ	»	60170	
Наибдулъ Невметулинъ. . .	»	»	
Федоръ Юдинъ.	»	51091	
Иванъ Пищуринъ	»	60171	
Трофимъ Васильевъ.	»	60172	
Викторъ Рябовъ	»	60179	
Иванъ Долговъ	»	60174	
Степанъ Черновъ.	»	60175	
Акимъ Бѣляновъ.	»	60176	
Трофимъ Шишкинъ. . . .	»	51068	
Василій Чакинъ	»	51098	
Иванъ Плешаковъ	»	60177	
Степанъ Сурковъ.	»	60178	
Иванъ Макѣевъ	»	60179	
Григорій Енипъ	»	51060	
Федоръ Потетенкинъ. . . .	»	60180	
Трофимъ Федоровъ	»	60181	
Егоръ Макаровъ.	»	60182	
Семенъ Бѣляевъ	»	60183	
Иванъ Кириловъ.	3	»	

За 2-е и 3-е октября 1877-го года.

Георгій Бекауровъ	3	2819	За 2-е и 3-е октября 1877-го г.
Трофимъ Мѣшковъ.	4	51068	
Портупей-юнкеръ Николай Крючковъ.	3	3295	За разновременныя дѣла 1877-го и 1878-го годовъ.
Фельдфебеля:			
Яковъ Щединъ.	»	3296	
Иванъ Перелыгинъ.	4	63709	
Унтеръ-офицеры:			
Василій Петряковъ.	»	62380	
Никита Абанинъ.	»	62381	
Иванъ Волковъ	»	62382	
Николай Михайловъ	»	62383	
Яковъ Васильевъ.	»	62384	
Николай Мокроусовъ . . .	»	62385	
Феликсъ Кодзе.	»	62386	
Рядовые:			
Иванъ Кириловъ.	»	62387	
Ефимъ Андрѣевъ.	»	62388	
Федосій Солдатовъ	»	62389	
Нефедъ Плотниковъ. . . .	»	62390	
Гаврінлъ Куладаевъ. . . .	»	62391	
Капитонъ Марѣевъ.	»	62392	
Фролъ Сидоровъ.	»	62393	
Леонтій Федоровъ	»	62394	
Исай Пожидаевъ.	»	62395	
Петръ Кулагинъ.	»	62396	
Петръ Ивановъ	»	62397	
Федьдфебеля:			
Никита Абанинъ.	3	2719	За штурмъ крѣпости Карса.
Иванъ Грачевъ	»	2720	
Максимъ Хахулинъ. . . .	»	2721	
Иванъ Полковниковъ . . .	»	2722	
Унтеръ-офицерамъ:			
Иванъ Кириловъ.	2	774	
Георгій Крыштопенко. . .	»	775	
Иванъ Кузьминъ.	4	61110	

Осипъ Уполовниковъ . . .	»	56471	Артиллерійскаго
Андронъ Видановъ	»	56472	
Иванъ Барановъ.	»	56473	
Симонъ Курочкинъ.	»	56474	
Павелъ Вороновъ.	»	56475	
Иванъ Ананьевъ.	»	56476	
Константинъ Леонтьевъ . .	»	56477	
Афанасій Фадѣевъ	»	56478	
Рядовые:			
Андрѣй Потаповъ	3	2723	
Акимъ Харламовъ	»	2724	
Петръ Ивановъ	»	2726	
Фирсъ Безшапошниковъ. .	4	60609	
Иванъ Сирдоповъ	»	60113	
Кирилъ Марщевъ.	»	60624	
Кузьма Суховъ.	»	60620	
Иванъ Гусевъ.	»	60614	
Афанасій Безпаловъ. . . .	»	56479	
Николай Дудкинъ	»	56486	
Андрей Гамершмидъ . . .	»	56481	
Ипполитъ Долгополовъ. . .	»	56482	
Иванъ Клипиковъ	»	56483	
Иванъ Гусевъ.	»	56484	
Михаилъ Кулаевъ	»	56485	
Егоръ Суховъ.	»	56486	
Михаилъ Ескинъ.	»	56487	
Алексѣй Діамовъ.	»	56488	
Иванъ Стручковъ	»	56489	
Иванъ Никоновъ.	»	56490	
Кузьма Прокудинъ	»	56491	
Михаилъ Хлюпинъ.	»	56492	
Елистратъ Сурченко. . . .	»	56493	
Василій Чесноковъ	»	56494	
Филиппъ Глозденевъ. . . .	»	56495	
Илья Паршинъ	»	56496	
Григорій Яковлевъ	»	56497	
Федоръ Великановъ. . . .	»	56498	
Михаилъ Макаровъ.	»	56499	
Федоръ Павлиновъ	»	56500	
Иванъ Дергуновъ.	»	56501	

Евдокимъ Донцовъ	»	56502	За штурмъ крѣпости Карса.
Григорій Игнатьевъ. . . .	»	56503	
Михей Шерстенкинъ . . .	»	56504	
Петръ Строкинъ.	»	56505	
Егоръ Ерохинъ	»	56506	
Константинъ Поповъ . . .	»	56507	
Петръ Колесниковъ. . . .	»	56508	
Ефремъ Петровъ.	»	56509	
Даніилъ Вяловъ	»	56510	
Варфаломей Рыбловъ . . .	»	56511	
Оружейный мастеръ Ксаверій Яцино.	»	56285	
Рядовые:			
Трофимъ Сироткинъ. . . .	»	57362	За 30-е декабря 1877-го г.
Степанъ Курышовъ.	»	57363	
Александръ Харитоновъ. .	»	57364	
Илья Симоновъ	»	57365	
Иванъ Трепалинъ	»	57366	
Петръ Шишкинъ.	»	57367	
Тихонъ Щербининъ. . . .	»	57369	
Горнистъ Иванъ Назаровъ.	»	57368	
Фельдфебеля:			
Яковъ Щединъ.	1	345	За разновременныя дѣла 1877-го и 1878-го годовъ.
Петръ Пѣговъ.	3	3464	
Унтеръ-офицеры:			
Митрофанъ Алексѣевъ. . .	4	36562	
Акимъ Харламовъ	2	686	
Леонтій Федоровъ	4	61351	
Рядовые:			
Степанъ Ярыгинъ	»	81643	
Захаръ Саяпинъ.	»	81649	
Климъ Бюрюковъ.	»	81641	
Кузьма Николаевъ	»	81642	
Григорій Кичатовъ. . . .	»	80951	
Василій Барабановъ. . . .	»	80954	
Иванъ Маноковъ.	»	80952	
Григорій Ларіоновъ. . . .	»	80953	

Михаилъ Ламаевъ	»	80704	
Афанасій Филиповъ. . . .	»	80708	
Николай Долгушинъ . . .	»	80725	
Архипъ Ивановъ.	»	80722	
Матвѣй Ильинъ	3	2753	
Абрамъ Бюловъ	4	63363	
Иванъ Лармикинъ	»	58015	
Степанъ Гурьяновъ. . . .	»	61366	
Кузьма Суховъ.	3	3203	
Андрей Жихаревъ	4	75883	
Матвѣй Шапошниковъ . .	»	73876	
Никифоръ Варпашкинъ . .	»	56706	
Кузьма Ерусланов. . . .	3	3420	
Петръ Пузинъ.	4	56703	
Осипъ Чиндяевъ.	»	73401	
Сергѣй Казаковъ.	»	73392	
Иларіонъ Григорьевъ . . .	»	73807	
Дмитрій Васильевъ.	»	73369	
Петрикей Мартышевъ. . . .	»	73357	
Петръ Черепановъ	»	50165	
Дмитрій Сорокинъ	»	50152	
Никаноръ Лаптевъ	3	2896	
Николай Романовъ. . . .	4	63261	
Илья Тюковъ	»	63320	
Итого . . .	1	1	За разновременныя дѣла 1877-го и 1878-го годовъ.
	2	4	
	3	20	
	4	301	

Приложеніе Д.

СПИСОКЪ

Раненымъ, умершимъ отъ ранъ и контуженымъ г. г. штабъ и оберъ-офицерамъ 4-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона.

Чинъ, должность, имя, отчество и фамилія.	Въ какомъ дѣлѣ, когда убитъ, раненъ или контуженъ.
Раненые.	
Командиръ баталіона, подполковникъ князь Иванъ Левановичъ Меликовъ. . .	Раненъ въ дѣлѣ съ турками 11-го и 12-го іюня 1877-го года.
Командиръ 1-й роты, капитанъ Артемій Васильевичъ Полковниковъ.	Раненъ въ дѣлѣ 11-го и 12-го іюня 1877-го г.
Артемій Васильевичъ Полковниковъ. .	Раненъ въ дѣлѣ съ турками 20-го сентября 1877-го года.
Командующій 4-й ротой, подпоручикъ Осодоръ Васильевичъ Емануель	Раненъ въ дѣлѣ съ турками, при штурмѣ крѣпости Карса, въ ночь съ 5-го на 6-е ноября 1877-го г.
Субалтернъ-офицеръ, подпоручикъ Владиміръ Александровичъ Развадовскій . .	Тоже.
Контуженъ: субалтернъ-офицеръ, прапорщикъ Александръ Ивановичъ Малининъ	Контуженъ въ дѣлѣ 20-го и 21-го сентября 1877-го года.
Умершіе отъ ранъ:	
Баталіонный казначей, поручикъ Константинъ Васильевичъ Поповъ.	Умеръ отъ раны, полученной въ дѣлѣ 11-го и 12-го іюня 1877-го г.

Командиръ 2-й роты, штабсъ-капитанъ Михаилъ Тетусъ Александровичъ Видгантъ	Умеръ отъ раны, полученной въ дѣлѣ 21-го сентября 1877-го года.
Субалтернъ-офицеръ, прапорщикъ Владиміръ Петровичъ Каменецкій.	Тоже.
Командиръ баталіона, подполковникъ князь Иванъ Левановичъ Меликовъ. . .	Умеръ отъ раны, полученной въ дѣлѣ съ турками, при взятіи крѣпости Карса, въ ночь съ 5-го на 6-е ноября 1877-го г.

Приложеніе Е.

СПИСОКЪ

Воинскимъ чинамъ 4-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона убитымъ, раненымъ, контуженымъ и безъ вѣсти пропавшимъ въ минувшую кампанію съ Турціею 1877-го и 1878-го годовъ.

Чины, имена и фамиліи.	Отмѣтка.
Убито въ дѣлѣ 16-го мая 1877-го года.	
2-ой роты рядовые: Матвѣй Ивановъ.	
— — — Степанъ Шпура.	
— — — Сергѣй Калинниковъ.	
4-ой — — Ларіонъ Малофѣевъ.	
Убито въ дѣлѣ 20-го и 21-го мая 1877-го г.	
2-ой роты рядовые: Иванъ Кольдинъ.	
— — — Иванъ Ивановъ.	
3-й — — Макаръ Жирюхинъ.	
Убито въ дѣлѣ 11-го и 12-го іюня 1877-го г.	
1-ой роты фельдфебель Афонасій Субботинъ.	
— — уп.-офицеръ Иванъ Масловъ.	
— — рядовые: Ивапъ Агаповъ.	
— — — Алексѣй Григорьевъ.	
— — — Яковъ Голованов.	
— — — Михаилъ Есинъ.	
— — — Яковъ Манчевъ.	
— — — Максимъ Дмитріевъ.	
— — — Иванъ Коробковъ.	
2-ой — — Савелій Гребепщиковъ.	
— — — Прохоръ Екуновъ.	
— — — Иванъ Волицкій.	
4-ой — — Афонасій Степановъ.	
— — — Василій Акимовъ.	
— — — Кондратій Спицынъ.	
— — — Алексѣй Бѣловъ.	
— — — Кононъ Постниковъ.	
Убито въ дѣлѣ 13-го августа 1877-го г.	
4-ой роты рядовой Федоръ Дедловскій.	

Убито въ дѣлѣ 20-го, 21-го, 22-го и 23-го сентября 1877-го года.

1-ой роты рядовые: Егоръ Зиновьевъ.
— — — Степанъ Пріѣзжевъ.
— — — Иванъ Бояркинъ.
2-ой роты ун-офицеръ Василій Петряковъ.
— — рядовые: Иванъ Бѣлоглазовъ.
— — — Илья Жостковъ.
— — — Григорій Шиндинъ.
— — — Павелъ Наяновъ.
3-й — — Семенъ Ленчитцкій.
4-ой — ун.-офицеръ Андрей Левинъ.
— — рядовые: Яковъ Мѣшковъ.
— — — Яковъ Воропаевъ.
— — — Петръ Ключевъ.
— — — Григорій Лустовъ.

Убито въ дѣлѣ при штурмѣ крѣпости Карса, въ ночь съ 5-го на 6-е ноября 1877-го г.

1-ой роты рядовые: Константинъ Пятницовъ.
— — — Петръ Хивинцовъ.
— — — Григорій Трофимовъ.
— — — Павелъ Стафѣевъ.
— — — Илья Кондратьевъ.
2-ой — — Евсѣй Теренковъ.
— — — Антонъ Захаровъ.
3-й — ун.-офицеръ Никаноръ Бездѣтновъ.
— — рядовые: Сидоръ Лобановъ.
— — — Егоръ Гришняковъ.
— — — Иванъ Кашинъ.
4-ой — ун.-офицеръ Федоръ Тарасовъ.
— — горнистъ Ларіонъ Винокуровъ.
— — рядовые: Яковъ Куровскій.
— — — Василій Крюковъ.
— — — Иванъ Новокрещенскій.
— — — Иванъ Юрюпинъ.
— — — Яковъ Егоровъ.
— — — Филиппъ Роговъ.
— — — Трофимъ Моховъ.
— — — Ефимъ Емельяновъ.

4-ой роты рядовые: Яковъ Запоровъ.
— — — Андрей Терентьевъ.

Итого . . . . 62.

Безъ вѣсти пропавшихъ.

Въ дѣлѣ 16-го мая 1877-го года.

1-ой роты рядовой Михаилъ Герасимовъ.

При штурмѣ крѣпости Карса въ ночь съ 5-го на 6-е ноября 1877-го г.

1-ой роты рядовые: Василій Моляковъ.
— — — Дорофей Жебеневъ.
3-й — — Алексѣй Борисовъ.
4-ой — — Афонасій Костеринъ.

Итого . . . . 5.

Умерли отъ ранъ, въ дѣлѣ 11-го и 12-го іюня 1877-го года.

1-ой роты рядовые: Иванъ Амплѣевъ.
2-ой — — Максимъ Зотовъ.
4-ой — — Василій Михайловъ.
2-ой — фельдфебель Иванъ Федоровъ.
— — ун.-офицеръ Антонъ Тарнаевъ.
1-ой — рядовые: Тимофѣй Свинолуповъ.
— — — Андрей Пируевъ.

Въ дѣлѣ 1-го сентября 1877-го года.

2-ой роты ун.-офицеръ Василій Даниловъ.
1-ой — рядовой Иванъ Венедиктовъ.

Въ дѣлѣ 20-го, 21-го, 22-го и 23-го сентября.

Вольноопредѣляющійся: Емиль.
Рядовые — Келлеръ.
— — Иванъ Кириловъ.

Въ дѣлѣ 3-го октября:

1-ой роты рядовой Иванъ Палатовъ.

1-ой роты рядовые: Андрей Ивановъ.
4-ой — — Василій Григорьевъ.

Въ дѣлѣ при штурмѣ крѣпости Карса, въ ночь съ 5-го на 6-е ноября 1877-го года.

2-ой роты ун.-офицеръ Кузьма Васильевъ.
4-ой — рядовой Михаилъ Коймаковъ.

Итого . . . . 17.

Ранеными и контуженными, въ дѣлѣ 16-го мая 1877-го года.

Раненъ вольноопредѣляющійся 2-ой роты Георгій Крыштопенко. . . . . (нынѣ прапорщикъ).

		Раненые	контуж.
1-ой роты	рядовыхъ . . .	4	1
2-ой —	ун.-офицеровъ. .	2	»
— —	рядовыхъ	9	1
3-й —	рядовыхъ	2	1
4-ой —	ун.-офицеръ. . .	1	»
— —	рядовыхъ. . . .	5	1

Въ дѣлѣ 20-го и 21-го мая.

1-ой роты	рядовыхъ	1	»
2-ой —	—	3	»
3-й —	—	3	»
4-ой —	—	3	»

Въ дѣлѣ 11-го и 12-го іюня.

Вольноопредѣляющійся 3-й роты Антонъ Стржалковскій 2-й раненъ. . . . . (нынѣ прапорщикъ).

1-ой роты	ун.-офицеровъ. .	4	1
— —	рядовыхъ . . .	38	1
2-ой —	фельдфебель. . .	1	»
— —	ун.-офицеровъ. .	7	1
— —	рядовыхъ . . .	36	4
3-й —	ун.-офицеровъ. .	3	1
— —	рядовыхъ. . . .	20	2
4-ой —	— . . .	16	»

	Раненые	контуж.	
Въ дѣлѣ 13-го августа.			
1-ой роты фельдшеръ. . . .	1	»	
— — рядовыхъ . . .	2	1	
2-ой — —	2	»	
3-й — —	3	»	
4-ой — ун.-офицеръ . .	»	1	
— — рядовыхъ . . .	»	2	
Въ дѣлѣ 1-го сентября.			
1-ой роты рядовыхъ. . . .	3	2	
2-ой — —	5	»	
3-й — —	4	»	
4-ой — —	5	1	
Въ дѣлѣ 20-го, 21-го, 22-го и 23-го сентября.			
1-ой роты фельдфебель. . .	1	»	
— — ун.-офицеровъ .	3	2	
— — рядовыхъ . . .	27	4	
2-ой — ун.-офицеровъ. .	3	»	
— — рядовыхъ . . .	25	6	
3-й — ун.-офицеровъ. .	1	1	
— — рядовыхъ . . .	8	5	
4-ой — ун.-офицеровъ. .	3	1	
— — горнистовъ. . .	2	»	
— — рядовыхъ . . .	16	13	
Въ дѣлѣ 2-го и 3-го октября.			
4-ой роты вольноопредѣляющійся Георгій Бекауровъ раненъ			(нынѣ прапорщикъ).
3-й роты рядовой.	»	1	
4-ой — —	1	»	
При штурмѣ крѣпости Карса, въ ночь съ 5-го на 6-е ноября 1877-го года.			
Вольноопредѣляющійся Хасанъ-Ханъ-Аташевъ.			(нынѣ прапорщики).
Антонъ Стржалковскій 2-й.			

	Раненые	контуж.
1-ой роты ун.-офицеръ. . .	1	»
— — рядовыхъ . . .	20	6
2-ой — ун.-офицеровъ .	5	1
— — рядовыхъ. . . .	15	8
3-й — фельдфебе́ль. . .	1	»
— — ун.-офицеровъ. .	3	1
— — рядовыхъ. . . .	18	6
4-ой — ун.-офицеровъ. .	4	6
— — рядовыхъ. . . .	18	8
Итого.	364	90

Въ дняхъ 30-го декабря.

1-ой роты горнистъ. . . .	1	»
Умерло отъ тифа, при блокадѣ гор. Эрзерума, зимою 1877-го—1878-го г. нижнихъ чиновъ.	170	

Приложеніе Ж.

СПИСОКЪ

Командирамъ баталіона и штабъ-офицерамъ, командовавшимъ 4-мъ кавказскимъ стрѣлковымъ баталіономъ съ 1857-го г. по 1880-й годъ.

Чинъ, имя, отчество и фамилія.	Время командованія баталіономъ.
Подполковники:	
Николай Егоровичъ Кобіевъ.	Командиромъ 21-го стрѣлковаго (нынѣ 4-го кавказскаго стрѣлковаго) баталіона съ 1-го января 1857-го г. по 4-е іюня 1857-го г., сего послѣдняго числа подполковникъ Кобіевъ былъ взятъ въ плѣнъ; по выкупѣ изъ плѣна вступилъ въ командованіе баталіономъ съ 5-го апрѣля 1858-го г. Сдалъ баталіонъ подполковнику Бюнтингу 12-го ноября 1861-го г., за назначеніемъ командиромъ кавказскаго линейнаго № 24-го баталіона.
Долгово-Сабуровъ.	Временнокомандующій 21-мъ стрѣлковымъ (нынѣ 4-мъ кавказскимъ стрѣлковымъ) баталіономъ съ 4-го іюня 1857-го г. по 5-е апрѣля 1858-го г. (младшій штабъ-офицеръ баталіона).
Бюнтингъ.	Командиромъ 21-го стрѣлковаго (нынѣ 4-й кавказскій стрѣлковый) баталіона съ 12-го ноября 1861-го г. по 7-е августа 1864-го г. Назначенъ былъ командиромъ 13-го лейбъ-гренадерскаго эриванскаго Его Величества полка.

Подполковники:	
Василій Васильевичъ Трейтеръ (нынѣ генералъ-маіоръ) командиръ 2-й бригады 20-й пѣхотной дивизіи.)	Командиромъ 21-го стрѣлковаго (нынѣ 4-й кавказскій стрѣлковый) баталіона съ 4-го августа 1864-го г. по 1-е августа 1871-го г. Назначенъ командиромъ 149-го пѣхотнаго черноморскаго полка.
Андрей Ивановичъ Шиманскій.	Командиромъ 4-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона съ 1-го августа 1871-го года по 7-е мая 1877 года. Назначенъ командиромъ 77-го пѣхотнаго тенгинскаго полка.
Князь Иванъ Левановичъ Меликовъ.	Командиромъ 4-го кавказскаго баталіона съ 7-го мая 1877-го г. по 13-е іюня 1877-го г. За раною полученною имъ въ дѣлѣ съ турками при рекогносцировкѣ 11-го и 12-го іюня 1877-го г. цихисдзирскихъ позицій, баталіономъ, съ 12-го іюня по 18-е августа, командовалъ маіоръ Терещенко. Съ 18-го августа по 6-е ноября 1877-го года, вновь командовалъ баталіономъ,—затѣмъ, получивъ при штурмѣ кр. Карса смертельную рану, умеръ.
Маіоръ Иванъ Макарьевичъ Іовецъ Терещенко	Временно-командующій 4-мъ кавказскимъ стрѣлковымъ баталіономъ съ 13-го іюня по 18-е августа и съ 6-го ноября по 22-е декабря 1877-го года.

Подполковники:	
Иванъ Висаріоновичъ Сагиновъ.	Командиръ 4-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона съ 22-го декабря 1877-го г. по 4-е февраля 1879-го г. Назначенъ командиромъ 152-го пѣхотнаго владикавказскаго полка.
Иванъ Яковлевичъ Ушаковъ (нынѣ полковникъ).	Командиръ 4-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона съ 4-го февраля 1879-го года.

2007231729